Право между Востоком и Западом

№ 2 / 2025

Журнал издается при поддержке
Фонда благодарных выпускников
Международно-правового
факультета МГИМО

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-84258 от 5 декабря 2022 г. Выходит с 2024 г., издается ежеквартально

Главный редактор
Толстопятенко Г.П., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора
Малиновский А.А., д.ю.н., доцент
Платонова Н.И., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь
Осина Д.М., к.ю.н.

Редакционная коллегия:
Абдуллин А.И., д.ю.н., профессор
Арзуманова Л.Л., д.ю.н., профессор
Баранов В.М., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ
Васильева Т.А., д.ю.н., доцент
Волеводз А.Г., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ
Гаврилов В.В., д.ю.н., доцент
Грачева Е.Ю., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ
Захарова М.В., д.ю.н.
Зинковский С.Б., к.ю.н., доцент
Кравец И.А., д.ю.н., профессор
Монастырский Ю.Э., д.ю.н.
Носырева Е.И., д.ю.н., профессор
Ображиев К.В., д.ю.н., профессор
Покачалова Е.В., д.ю.н., профессор
Рыжкова Е.А., к.ю.н., доцент
Саидов А.Х., академик Академии наук Узбекистана, д.ю.н., профессор
Сидоренко Э.Л., д.ю.н., доцент
Скворцов О.Ю., д.ю.н., профессор
Трикоз Е.Н., к.ю.н., доцент
Троицкая А.А., д.ю.н., доцент
Трощинский П.В., к.ю.н.
Церковников М.А., к.ю.н.

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО, заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Корректура: Воробьева Н.Н.
Верстка: Курукина Е.И.

Телефон редакции: (495) 953-91-08
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

Почекаев Р.Ю. Право Монгольской империи глазами средневековых европейцев. Часть 1. Законы Чингис-хана в записках европейских современников 2

Полянский П.Л. Вопросы рецепции иностранного опыта в советском семейном законодательстве начального периода (1917–1926 гг.)..... 11

Купцова О.Б. Трансформация методологии сравнительно-правовых исследований в русле современного взаимодействия правовых систем 22

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Сюкияйнен Л.Р. Особенности современного исламского права 28

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Гаврилов В.В. Законодательство КНР о подсудности народным судам гражданских и торговых споров с иностранным участием 42

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Таева Н.Е. Достойный уровень жизни в эпоху цифровизации: новые стандарты и вызовы 54

Ракитская И.А. Конституционный контроль в Финляндии и его особенности 66

СРАВНИТЕЛЬНОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Чеченева Н.С. Особенности применения мер нетарифного регулирования в торговле между Россией и странами БРИКС: вызовы и возможности..... 74

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Агеев С.С. Использование правовой конструкции траста в связи с имплементацией Общего стандарта отчетности ОЭСР 82

Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Физ. печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 12,5.

ISSN 3034-2953
Номер подписан в печать: 28.04.2025.
Номер вышел в свет: 22.05.2025.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.
Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Учредитель: МГИМО МИД России

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-2-10
Поступила в редакцию: 20.01.2025. Принята к публикации: 25.03.2025.

Право Монгольской империи глазами средневековых европейцев. Часть 1. Законы Чингис-хана в записках европейских современников*

Почекаев Роман Юлианович,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в городе Санкт-Петербурге, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
rpochekaev@hse.ru

Статья посвящена анализу свидетельств и представлений средневековых европейцев о праве и правовых реалиях Монгольской империи. Дается характеристика корпуса текстов средневековых авторов, содержащих сведения о монгольском имперском праве, выявляются источники их информации. Анализируются особенности сообщений средневековых авторов о праве Монгольской империи, уточняется, что именно из правовых реалий Монгольской империи их преимущественно интересовало. Наконец, предпринимается попытка верификации сведений средневековых европейских авторов как источника о законотворческой деятельности Чингис-хана и, в частности, о Великой Ясе, которую современные исследователи нередко позиционируют как всеобъемлющий свод законов Монгольской империи.

Ключевые слова: Монгольская империя, имперское законодательство, традиционное право, записки путешественников, Чингис-хан, Великая Яса.

Образование Монгольской империи и последующие завоевания монголов не могли не привлечь внимания Запада, включая и те европейские страны, которые не были охвачены монгольским вторжением. Восприятие новой евразийской державы и ее правителей европейцами прошло несколько стадий: от почти иррационального ужаса перед «выходцами из Тартара», каковыми изначально считали монголов, до выстраивания с новой империей полноценных дипломатических отношений[1]. Последнему этапу предшествовал сбор материалов о Монгольской империи, ее государстве, праве, населении и проч. И, естественно, эта информация систематизировалась в том виде, в тех понятиях и категориях, которые были привычными для европейских современников.

На сегодня в нашем распоряжении имеется довольно широкий круг источников — записок европейских авторов XIII–XIV вв., в которых, так или иначе, затронуты вопросы права и правовых реалий Монголь-

[1] См., напр.: Ruotsala A. The Mongols in the eyes of the papal and royal missions to Mongolia and China // The Mongol world / Ed. by T. May, M. Hope. London ; New York : Routledge, 2022. P. 842–852.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете. URL: https://rscf.ru/project/23-18-00147

ской империи. Некоторые из них (например, записки Иоанна де Плано Карпини, Асцеллина, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло) уже достаточно давно введены в научный оборот, неоднократно переводились на русский язык и активно исследовались. Другие свидетельства европейцев лишь недавно стали доступны широкому кругу отечественных исследователей, в частности записки Бенедикта Поляка, воспоминания Жана де Жуанвиля, анонимная «Книга Великого хана» и др.

Отметим, что ни один из средневековых авторов, обращавшихся в своих сочинениях к описанию Монгольской империи, не ставил перед собой цель специально собрать сведения о ее праве: как правило, сведения правового характера дополняли их основной материал, посвященный различным сторонам жизни монголов и их государства, в соответствии с теми целями и задачами, которые эти авторы ставили перед собой, работая над текстом. В связи с этим представляется целесообразным для начала провести классификацию записок средневековых европейских авторов, в которых имеются сведения о праве Монгольской империи.

Прежде всего это были, конечно же, послы, направлявшиеся европейскими монархами к монгольским ханам для установления дипломатических отношений. К этой группе авторов следует отнести, в частности, Иоанна де Плано Карпини и его спутника Бенедикта Поляка, Асцеллина, Симона де Сен-Кантена, Андре де Лонжюмо, Вильгельма де Рубрука. К ним же примыкает и французский крестоносец Жан де Жуанвиль, который лично к монголам не ездил, но участвовал в переговорах с их послами в качестве спутника и советника короля Людовика IX в Святой земле.

Вторую значительную группу авторов записок со сведениями о монгольском праве составляют миссионеры, отправлявшиеся в Монгольскую империю и сопредельные страны с целью распространения христианства в его католическом варианте. Среди них венгерский монах Юлиан, Джованни де Монтекорвино, Рикольдо де Монтекроче, Одорико де Порденоне, Джованни Мариньоли и др.

Третья группа, в которую можно включить торговцев и путешественников, по сути, представлена всего лишь одним современником — Марко Поло, поскольку другие известные европейцы, посетившие Монгольскую империю и ее улусы в рассматриваемый период, не оставили сколько-нибудь подробных сведений.

Наконец, сохранилось немалое количество текстов, составленных европейскими авторами XIII–XIV вв., которые сами в Монгольской империи не бывали и с ее представителями не общались, однако зафиксировали сведения очевидцев, которые сами никаких записок не составляли. В эту группу входят, в частности, Винцент из Бове, Матвей Парижский, Роджер Бэкон, армянский принц Хайтон (Гетум Патмич), монахи-хронисты Джованни Элемозина, Якопо да Вараджине, автор «Книги Великого хана», торговец Франческо Балдуччи Пеголотти и др. Сюда же можно отнести и таинственного Жана де Мандевиля, сочинение которого (выдаваемое автором за результат собственных

наблюдений) представляет собой, по сути, компиляцию сведений более ранних путешественников, тогда как сам он в молодости доехал лишь до Египта, а к моменту составления своего текста во второй половине XIV в. уже много лет не покидал родной Фландрии.

Естественно, от того, были современники в Монгольской империи или нет, с какими целями они туда ездили и т.д., зависели полнота и объективность их сведений о Монгольском имперском государстве и праве.

Весьма важным представляется вопрос об информаторах, от которых европейские авторы получали свои сведения, в том числе и по таким специфическим аспектам, как право и правовые отношения. Весьма маловероятно, что с дипломатами и тем более миссионерами плотно общались сами монгольские ханы и высокопоставленные представители собственно тюрко-монгольской правящей элиты (за исключением весьма кратких официальных приемов). Согласно протоколу, с ними должны были взаимодействовать специальные сановники из покоренных народов, которые отвечали за дипломатический церемониал и прием иностранцев при дворе, а также были способны говорить с европейцами на одном языке. Соответственно, информация о правовой системе Монгольской империи, равно как и о правотворчестве ее основателя, во многом зависела от интерпретаций таких сановников и, конечно же, от целей и задач, которые они ставили перед собой, взаимодействуя с иностранцами.

Интерес европейских властных кругов и их представителей в монгольских владениях к законотворческой деятельности Чингис-хана объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых, в процессе установления дипломатических отношений европейцы стремились найти «точки соприкосновения» с неизвестным им прежде народом и созданной им империей для последующего сближения и старались обнаружить их в том числе и в правовых отношениях. Во-вторых, властные элиты европейских стран надеялись найти в результатах правотворчества Чингис-хана «рецепт власти над миром»[2].

Сведения о законах и установлениях Чингис-хана (равно как и о других нормах права Монгольской империи), нашедшие отражение в европейских источниках, можно условно разделить на три блока. Первый из них — это специфические нормы, отражающие особенности власти и управления, т.е., по сути, политико-правовая идеология Монгольской империи. К ним можно отнести, в частности, установление Чингис-хана о завоевании мира, предписание избирать хана на Курултае, особенности организации административного управления и военного дела (в том числе беспрекословное подчинение своим начальникам), наказания за воинские преступления и проч.[3].

Второй блок содержит нормы, которые соответствовали и европейским правовым канонам, в том

[2] См.: Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб. : Евразия, 2006. С. 17–18.

[3] См., напр.: Плано Карпини И. де. История монголов : Текст, перевод, комментарии. М. : Ин-т Дальнего Востока, 2022. С. 148, 150; Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 100.

числе с опорой на библейские заповеди. В их число средневековые авторы включали суровые наказания за убийство, воровство и прелюбодеяние, особенности наследования имущества законными и незаконными детьми, стремление к общему благу и справедливости как цель правления монарха и т.д.[4].

Наконец, в третий блок вошли нормы, которые казались европейцам слишком жестокими или же несколько экстравагантными с точки зрения их восприятия. К таковым, например, относятся мало соответствовавшие действительности сообщения о казни целого десятка за трусость одного из его воинов на поле боя или же поедание тел казненных предателей[5].

Важной проблемой при анализе сведений европейских путешественников о монгольском имперском праве становится обоснованность соотнесения тех или иных норм с результатами правотворчества самого Чингис-хана. Сущность данной проблемы заключается в том, что многие современные авторы готовы практически все перечисленные европейскими современниками правовые положения монголов «включить» в так называемую Великую Ясу Чингис-хана (монг. «Их Засаг»)[6]. Однако попытаемся разобраться, насколько корректны и обоснованны такие попытки.

Например, Иоанн де Плано Карпини и его спутник Бенедикт Поляк прямо называют основателя Монгольской империи также и создателем ее права (в том числе «религиозного»). Но при этом, приводя конкретные сведения правового характера, связывают с Чингис-ханом не более 3–4 положений, тогда как все остальные характеризуют терминами «обычай», «традиция» и проч.[7]. Отметим, что именно эти дипломаты были допущены в высшие круги монгольской властной элиты и, соответственно, имели возможность получить наиболее «аутентичные» сведения о праве империи.

Жан де Жуанвиль перечисляет правовые нововведения Чингис-хана, по сути соотнося их с библейскими заповедями[8]. Несомненно, это было сделано исключительно с целью продемонстрировать основания для сближения предводителей крестоносцев с теми, кого недавно называли «выходцами из Тартара».

Армянский принц Хайтон также, говоря о законодательстве Чингис-хана, упоминает лишь три его установления, правда, в отличие от предыдущих авторов, старается подчеркнуть их варварскую жестокость[9].

---

4 Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб. : Евразия, 2012. С. 113; Плано Карпини И. де. История монголов. С. 141–142.

5 Плано Карпини И. де. История монголов. С. 154; Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии» : Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 155.

6 Подобные работы периодически появляются в России и за рубежом, однако их анализ не входит в задачу настоящей статьи, поэтому ограничимся типичным примером такого подхода : Минжин Ц. Их Засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ. Улаанбаатар : Бемби сан, 2009. Х. 233–252.

7 Плано Карпини И. де. История монголов. С. 136–142, 148; «История Татар» Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб. : Евразия, 2002. С. 116.

8 Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. С. 113.

9 Гайтон. Цветник историй земель Востока // Книга странствий. СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 250–251.

Вильгельм де Рубрук и Марко Поло описывают некоторые нормы монгольского права, вообще не указывая на связь их с правотворческой деятельностью основателя империи[10]. Если же обратиться к запискам авторов конца XIII в. и тем более XIV в., то можно увидеть, что в них правовые реалии не только не связаны с Чингис-ханом, но и прямо позиционируются как отражение правоотношений на момент пребывания в имперских пределах самих авторов. То есть, по сути, они отражают определенную эволюцию монгольского имперского права, что особенно актуально для периода, когда Монгольская держава распалась на ряд фактически самостоятельных улусов, в каждом из которых единая имперская правовая система оказалась существенно обогащена традициями местного права — религиозного, обычного и проч.

Также считаем важным подчеркнуть, что ни один из европейских авторов не настаивает на том, что результаты законотворческой деятельности Чингис-хана были каким-то образом кодифицированы. Все, кто их упоминает, сообщает лишь о конкретных положениях, которые, вероятнее всего, оглашались или выпускались в виде отдельных указов в соответствующих обстоятельствах.

Однако этот момент нисколько не смущает многочисленных современных авторов, которые ставят своей целью «реконструкцию» Великой Ясы Чингис-хана, которая в их глазах представляет собой всеобъемлющий свод законов, регламентирующий все сферы жизни многочисленного и разнообразного населения Монгольской империи, ее улусов и вассальных государств, которое должно было неукоснительно выполнять предписания основателя империи. Подобные попытки «реконструкции» лишь множатся с течением времени, несмотря на то, что еще в XIX в. выдающиеся востоковеды И.Н. Березин и П.С. Попов доказывали принципиальную невозможность восстановить содержание Великой Ясы[11], а авторы XX — начала XXI в. не менее убедительно показывали необоснованность представлений о ней как о кодексе[12].

Соответственно, современные авторы без сомнений и колебаний готовы включать в формируемые ими «реконструкции» Великой Ясы любые сведения о монгольском праве, зафиксированные европейскими современниками, включая те, которые не содержат никаких привязок к деятельности Чингис-хана.

[10] Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. С. 99–101; Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 236–238.

[11] Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1863. С. 36–37; Попов П.С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVII. 1906. С. 0151–0152.

[12] См.: Эгль Д. Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 491–530; Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination // Studia Islamica. 1971. № 33. P. 97–140; № 34. P. 151–180; 1972. № 36. P. 113–158; 1973. № 38. P. 107–156; Morgan D.O. The ‘Great Yasa of Chingis Khan’ and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1986. Vol. XLIX. № 1. P. 163–176; Morgan D. The ‘Great Yasa of Chinggis Khan’ Revisited // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Leyden ; Boston : Brill, 2005. P. 291–308.

Опровержению такого некорректного с исследовательской точки зрения подхода будет способствовать детальный формально-юридический и историко-правовой анализ вышеупомянутых сведений европейских авторов. Он должен включать выявление их источников, квалификацию тех или иных норм по регулируемым сферам правоотношений, а также соотнесение их с конкретными правовыми реалиями, в которых европейские авторы сталкивались с соответствующими правовыми положениями. Результаты такого анализа позволят уверенно утверждать, что большая часть таких норм не может считаться «статьями» Великой Ясы.

Наконец, нельзя не отметить, что подобные попытки свести все сведения о монгольском праве к нормам Великой Ясы являются не только некорректными в научном отношении, но и вредными с точки зрения формирования представления о государственном и правовом развитии Монгольской империи и ее государств-наследников. Выдавая все известные им нормы о монгольском праве за положения Ясы, ее «реконструкторы», по сути, примитивизируют уровень правового развития крупнейшей евразийской державы Средневековья.

Анализ сведений средневековых европейцев о монгольском праве, особенно в сочетании с анализом других (монгольских, китайских, персидских и проч.) источников, позволяет выявить весьма ценную информацию о сложной и многоуровневой системе права Монгольской империи, многообразии источников и сфер регулирования, постоянной эволюции имперского права.

Так, уже Карпини и Бенедикт Поляк, характеризуя отдельные нормы в качестве «закона или обычая», по сути, прослеживают процесс превращения отдельных норм обычного права в общеимперские законы[13]. Вильгельм де Рубрук и Марко Поло пишут о нормах права, хорошо известных всем монголам и не требующих специального закрепления в имперском праве (в том числе и путем приписывания их создания Чингисхану). Монтекорвино, Порденоне, Монтекроче, Элемозина, Пеголотти уже сообщают о праве отдельных улусов (Золотая Орда, Чатагайский улус, государство Хулагуидов, империя Юань), которые испытали влияние местных правовых традиций, а также последствий принятия ислама в качестве официальной религии (как первые три из перечисленных чингизидских государств)[14] или, напротив, влияние китайских правовых традиций на имперское право эпохи Юань[15].

Все это нивелируется стремлением упомянутых авторов выдать все эти нормы, имевшие разный статус, разные пределы действия и разное происхождение, за «кодекс Чингисхана», раз и навсегда созданный и не подверженный изменениям.

По нашему мнению, следует отказаться от попыток приписать Чингис-хану создание всех тех норм права, которые упоминаются средневековыми европейцами (выказывая критическое отношение даже

[13] См. подроб.: Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань : Татарское книжное изд-во, 2022. С. 17–28.

[14] См., напр.: Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии». С. 468, 624–628.

[15] См., напр.: Хенниг Р. Неведомые земли. Т. III. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 139; Contemporaries of Marco Polo. London : Jonathan Cape, 1928. P. 232–245.

к тем, которые они ему прямо приписывают!). И уж тем более от намерения все эти нормы вписать в некий «кодекс» под названием «Великая Яса», само существование которого, как мы уже отметили, подвергается обоснованным сомнениям.

Детальное и при этом критическое изучение сведений средневековых европейцев о монгольском праве, их сравнительный анализ со сведениями других источников, изучение их информации в контексте политических реалий соответствующего периода (также на основе других источников), как представляется, позволят создать достаточно подробную и объективную картину правового развития Монгольской империи, эволюции имперского права в отдельных улусах и, соответственно, существенно расширить наши знания по данному предмету.

Литература

1. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева / И.Н. Березин. Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1863. 112 с.
2. Гайтон. Цветник историй земель Востока / Гайтон // Книга странствий / перевод с латинского и старофранцузского Н. Горелова. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
3. Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Ж. де Жуанвиль ; перевод со старофранцузского Г.Ф. Цыбулько ; под редакцией А.Ю. Карачинского ; научный редактор Ю.П. Малинин. Санкт-Петербург : Евразия, 2012. 400 с.
4. Историческая география политического мифа : образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. / А.Г. Юрченко. Санкт-Петербург : Евразия, 2006. 640 с.
5. Карпини Д. дель Плано. История монголов : текст, перевод, комментарии / Д. дель Плано Карпини; под редакцией А.А. Горского, В.В. Трепавлова ; перевод с латинского А.А. Вовина, П.В. Лукина ; комментарии А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой [и др.] ; вступительная статья А.А. Горского, В.В. Трепавлова. Москва : Институт Дальнего Востока, 2022. 383 с.
6. Книга Марко Поло (фрагменты) / перевод с французского И.П. Минаева // История монгалов / Д. дель Плано Карпини, Г. де Рубрук, М. Поло ; вступительная статья, комментарий М.Б. Горнунга. Москва : Мысль, 1997. С. 190–380.
7. Критический текст, перевод «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя» : материалы францисканской миссии 1245 г. / экспозиция и исследование А.Г. Юрченко. Санкт-Петербург : Евразия, 2002. С. 75–126.
8. Минжин Ц. Их Засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ / Ц. Минжин. Улаанбаатар : Бемби сан, 2009. 287 х.
9. Попов П.С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дяньчжан / П.С. Попов // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1906. Т. 17. С. 0150–0164.
10. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии / Р.Ю. Почекаев. 2-е изд., испр. и доп. Казань : Татарское книжное издательство, 2022. 368 с.
11. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны / Г. де Рубрук ; перевод А.И. Малеина // История монгалов / Д. дель Плано Карпини, Г. де Рубрук, М. Поло ; вступительная статья, комментарий М.Б. Горнунга. Москва : Мысль, 1997. С. 86–189.
12. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341) / Р. Хаутала. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.
13. Хенниг Р. Неведомые земли. В 4 томах. Т. 3 / Р. Хенниг ; перевод с немецкого А.В. Лисовской ; предисловие и редактор И.П. Магидовича. Москва : Издательство иностранной литературы, 1962. 470 с.

14. Эгль Д. Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат / Д. Эгль // Монгольская империя и кочевой мир / под редакцией Б.В. Базарова, Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой. Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2004. С. 491–530.
15. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1971. Iss. 33. P. 97–140.
16. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1971. Iss. 34. P. 151–180.
17. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1972. Iss. 36. P. 113–158.
18. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1973. Iss. 38. P. 107–156.
19. Contemporaries of Marco Polo / eds. by M. Komroff. London : Jonathan Cape, 1928. 358 p.
20. Morgan D. The ‘Great Yasa of Chinggis Khan’ Revisited / D. Morgan // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / eds. by R. Amitai, M. Biran. Leyden ; Boston : Brill, 2005. P. 291–308.
21. Morgan D.O. The ‘Great Yasa of Chingis Khan’ and Mongol Law in the Ilkhanate / D.O. Morgan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1986. Vol. 49. Iss. 1. P. 163–176.
22. Ruotsala A. The Mongols in the eyes of the papal and royal missions to Mongolia and China / A. Ruotsala // The Mongol world / eds. by T. May, M. Hope. London ; New York : Routledge, 2022. P. 842–852.

References

1. Berezin I.N. Ocherk vnutrennego ustroystva ulusa Dzhuchieva [A Sketch of the Internal Structure of the Ulus of Jochi] / I.N. Berezin. Sankt-Peterburg : Tip. Imperatorskoy akademii nauk — Saint Petersburg : Printing office of the Imperial Academy of Sciences, 1863. 112 s.
2. Hayton. Tsvetnik istoriy zemel Vostoka [The Flower of the Stories of the Orient] / Hayton // Kniga stranstviy / perevod s latinskogo i starofrantsuzskogo N. Gorelova. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika — The Book of Travels / translated from Latin and Old French by N. Gorelov. Saint Petersburg : Azbuka-Classic, 2006. S. 211–274.
3. Joinville J. de. Kniga blagochestivy`kh recheniy i dobry`kh deyaniy nashego svyatogo korolya Lyudovika [The Book of Pious Sayings and Good Deeds of Our Holy King Louis] / J. de Joinville ; perevod so starofrantsuzskogo G.F. Tsy`bulko ; pod redaktsiey A.Yu. Karachinskogo ; nauchny`y redaktor Yu.P. Malinin. Sankt-Peterburg : Evraziya — translated from Old French by G.F. Tsybulko ; edited by A.Yu. Karachinsky ; scientific editor Yu.P. Malinin. Saint Petersburg : Eurasia, 2012. 400 s.
4. Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa: obraz Chingis-khana v mirovoy literature XIII–XV vv. [Historical Geography of a Political Myth: The Image of Genghis Khan in the World Literature of the 13th to the 15th Century] / A.G. Yurchenko. Sankt-Peterburg : Evraziya — Saint Petersburg : Eurasia, 2006. 640 s.
5. Carpine G. del Pian. Istoriya mongolov : tekst, perevod, kommentarii [History of the Mongols : text, translation, commentaries] / G. del Pian Carpine ; pod redaktsiey A.A. Gorskogo, V.V. Trepavlova ; perevod s latinskogo A.A. Vovina, P.V. Lukina ; kommentarii A.A. Gorskogo, P.V. Lukina, S.A. Maslovoy [i dr.] ; vstupitelnaya statya A.A. Gorskogo, V.V. Trepavlova. Moskva : Institut Dalnego Vostoka — edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov ; translated from Latin by A.A. Vovin, P.V. Lukin ; commentaries by A.A. Gorsky, P.V. Lukin, S.A. Maslova [et al.] ; introductory article by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov. Moscow : Institute of Far Eastern Studies, 2022. 383 s.
6. Kniga Marko Polo (fragmenty`) [The Travels of Marco Polo (fragments)] / perevod s frantsuzskogo I.P. Minaeva // Istoriya mongalov / D. del Plano Karpini, G. de Rubruk, M. Polo ; vstupitelnaya statya, kommentariy M.B. Gornunga. Moskva : My`sl — translated from French by I.P. Minaev // History of the Mongols / G. del Pian Carpine, W. Rubruk, M. Polo ; introductory article, commentary by M.B. Gornung. Moscow : Thought, 1997. S. 190–380.
7. Kriticheskiy tekst, perevod ‘Istorii Tartar’ brata Ts. de Bridia [Critical Text, Translation of Tartar Relation by Brother C. de Bridia] // Khristianskiy mir i ‘Velikaya Mongolskaya imperiya’ :

materialy` frantsiskanskoy missii 1245 g. / ekspozitsiya i issledovanie A.G. Yurchenko. Sankt-Peterburg : Evraziya — The Christian World and the Great Mongol Empire : materials of the Franciscan mission of 1245 / exposition and study by A.G. Yurchenko. Saint Petersburg : Eurasia, 2002. S. 75–126.
8. Минжин Ц. Их Засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ / Ц. Минжин. Улаанбаатар : Бемби сан, 2009. 287 х.
9. Popov P.S. Yasa Chingis-khana i ulozhenie mongolskoy dinastii Yuan chao-dyan-chzhan [The Great Yasa of Chinggis Khan and the Charter the Mongol Yuan Chao Dian Zhang Dynasty] / P.S. Popov // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obschestva. 1906. T. 17 — Notes of the Oriental Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. 1906. Vol. 17. S. 0150–0164.
10. Pochekaev R.Yu. Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongolskoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentralnoy Azii [The Law of Genghis Khan: The Legal Heritage of the Mongol Empire in Turkic-Tatar Khanates and States of Central Asia] / R.Yu. Pochekaev. 2-e izd., ispr. i dop. Kazan : Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo — 2nd edition, revised and enlarged. Kazan : Tatar Book Publishing House, 2022. 368 s.
11. Rubruk W. Puteshestvie v vostochny`e strany` [The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts] / W. Rubruk ; perevod A.I. Maleina // Istoriya mongalov / D. del Plano Karpini, G. de Rubruk, M. Polo ; vstupitelnaya statya, kommentariy M.B. Gornunga. Moskva : My`sl — translated by A.I. Malein // History of the Mongols / G. del Pian Carpine, W. Rubruk, M. Polo ; introductory article, commentary by M.B. Gornung. Moscow : Thought, 1997. S. 86–189.
12. Hautala R. V zemlyakh ‘Severnoy Tartarii’: svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341) [In the Lands of ‘Northern Tartary’: Information from Latin Sources About the Golden Horde During the Reign of Uzbek Khan (1313 to 1341)] / R. Hautala. Kazan : Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT — Kazan : Institute of History Named After Ş. Märcani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. 976 s.
13. Hennig R. Nevedomy`e zemli. V 4 tomakh. T. 3 [Unknown Lands. In 4 volumes. Vol. 3] / R. Hennig ; perevod s nemetskogo A.V. Lisovskoy ; predislovie i redaktor I.P. Magidovicha. Moskva : Izdatelstvo inostrannoy literatury` — translated from German by A.V. Lisovskaya ; foreword and edited by I.P. Magidovich. Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1962. 470 s.
14. Aigle D. Velikaya Yasa Chingis-khana, Mongolskaya imperiya, kultura i shariat [The Great Yasa of Genghis Khan, Mongol Empire, Culture and Sharia] / D. Aigle // Mongolskaya imperiya i kochevoy mir / pod redaktsiey B.V. Bazarova, N.N. Kradina, T.D. Skry`nnikovoy. Ulan-Ude : Izdatelstvo BNTS SO RAN — The Mongol Empire and the Nomad World / edited by B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova. Ulan-Ude : Publishing house of the Buryat Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. S. 491–530.
15. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1971. Iss. 33. S. 97–140.
16. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1971. Iss. 34. S. 151–180.
17. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1972. Iss. 36. S. 113–158.
18. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination / D. Ayalon // Studia Islamica. 1973. Iss. 38. S. 107–156.
19. Contemporaries of Marco Polo / eds. by M. Komroff. London : Jonathan Cape, 1928. 358 s.
20. Morgan D. The ‘Great Yasa of Chinggis Khan’ Revisited / D. Morgan // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / eds. by R. Amitai, M. Biran. Leyden ; Boston : Brill, 2005. S. 291–308.
21. Morgan D.O. The ‘Great Yasa of Chingis Khan’ and Mongol Law in the Ilkhanate / D.O. Morgan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1986. Vol. 49. Iss. 1. S. 163–176.
22. Ruotsala A. The Mongols in the Eyes of the Papal and Royal Missions to Mongolia and China / A. Ruotsala // The Mongol World / eds. by T. May, M. Hope. London ; New York : Routledge, 2022. S. 842–852.

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-11-21
Поступила в редакцию: 17.01.2025. Принята к публикации: 03.03.2025.

Вопросы рецепции иностранного опыта в советском семейном законодательстве начального периода (1917–1926 гг.)

Полянский Павел Львович,
профессор кафедры истории государства и права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент
iogp@yandex.ru

Статья посвящена вопросу рецепции в семейном законодательстве первого десятилетия советской власти отдельных зарубежных правовых институтов. В частности, семейный кодекс РСФСР 1918 г. заимствовал процедуру установления отцовства из норвежского закона 1915 г., а семейный кодекс РСФСР 1926 г. — широко применяемый с XIX в. в США институт ‘common law marriage’. Рассмотрен вопрос творческой переработки в советском законодательстве заимствованных институтов. Поднимается проблема актуальности подобных историко-правовых исследований с учетом современных законодательных инициатив.

Ключевые слова: РСФСР, советское семейное право, установление отцовства, фактические брачные отношения, норвежский закон 1915 г., ‘common law marriage’.

За первые 10 лет советской власти в России было принято два семейных кодекса. Первый, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном семейном и опекунском праве 1918 г. (КЗАГС)[1], знаменовал собой подлинную революцию в правовом регулировании брачно-семейных отношений в России. Так, он существенно упростил бракоразводный процесс. Регистрация браков и разводов от церкви перешла к государству. Супруги были уравнены в правах и обязанностях, в том числе алиментных. Вместо понятия «родительская власть» введены родительские права и обязанности. Устанавливалась единая организация опеки вместо прежних сословных учреждений. Внебрачные дети были уравнены в правах с рожденными в браке. Перечень новшеств по сравнению с дореволюционным законодательством можно продолжать[2].

Второй кодекс, Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. (КЗоБСО)[3], еще больше упростил бракоразводную процедуру. Факт брака, как и факт развода, можно было установить в суде даже без официальной регистрации. Введен институт совместно нажитой супружеской собственности. Было восстановлено отмененное в 1918 г. усыновление, урегулированы иные

[1] СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

[2] О разработке, принятии и содержании КЗАГС см.: Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989.

[3] СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

формы устройства оставшихся без родителей детей. КЗоБСО содержал и другие интересные нововведения по сравнению с КЗАГС[4].

Основными причинами изменений в семейном праве в период с 1917 по 1926 г. являются следующие. Во-первых, ликвидирован сословный строй, который до революции определял специфику брачных и семейных отношений дворян, горожан, духовенства и крестьянства[5]. Во-вторых, отделение церкви от государства существенным образом сказалась на регулировании вступления в брак и его прекращения[6]. В-третьих, содержание обоих кодексов во многом определялось социалистическими взглядами их создателей. Это бросается в глаза при рассмотрении норм о равенстве прав мужа и жены. Однако соответствующая идеология лежала в основе и других норм. Например, КЗАГС регулирует вопрос об алиментах супругам и детям[7], об организации опеки[8] с явным прицелом на социалистическое переустройство российского общества.

Представляется интересным найти также иностранный «след» в советском семейном праве. Его обнаружение позволит точнее определить источники вдохновения сотрудников Наркомата юстиции РСФСР и других ведомств при выработке своих проектов. Надо учитывать, что и до, и после Октябрьской революции в законопроектной работе делались справки с иностранным законодательством. И есть примеры, когда советский законодатель без всякого стеснения заимствовал в той или иной степени буржуазную правовую доктрину. Так, в советское уголовное право периода Гражданской войны и НЭПа проникла западноевропейская идея об «опасном состоянии» преступника. Оценка личности преступника, в соответствии с заветами буржуазной социологической школы уголовного права, превалировала в советском законодательстве этого периода над оценкой деяния.

Впрочем, есть примеры мнимых заимствований. Так, О.Ю. Шилохвост, исследователь биографии профессора А.Г. Гойхбарга — важного для настоящей статьи деятеля, приводит почти анекдотичную историю о том, как уже пожилой Гойхбарг публично осудил указ Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г.[9], как якобы списанный с гитлеровского закона[10]. Авто-

[4] О разработке, принятии, содержании и изменениях КЗоБСО см.: Полянский П.Л. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. История и характеристика. Текст. Постатейные материалы. М., 2020.

[5] Полянский П.Л. КЗАГС 1918 года: решение дореволюционных вопросов и постановка новых задач / Кризис права: история и современность. СПб., 2018. С. 366–369.

[6] Там же. С. 363–366; см. также: Семидеркин Н.А. Указ. соч. С. 31 и далее.

[7] Полянский П.Л. КЗАГС 1918 года... С. 376–378.

[8] Там же. С. 373–374; см. также: Полянский П.Л., Яковлева В.А. Инструкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 г. // Вестник Моск. ун-та. Серия: Право. 2021. № 2. С. 95–97.

[9] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

[10] Шилохвост О.Ю. Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибониана. Биография

ру этих строк в свое время при подготовке кандидатской диссертации удалось найти материалы, связанные с разработкой и этого указа, и дополняющих его нормативных актов. Среди прочих материалов были справки с иностранным законодательством и законодательством дореволюционной России. Надо ли говорить о том, что никаких следов влияния законодательства фашистской Германии обнаружить не удалось. Вероятно, А.Г. Гойхбарг слишком уж в лоб сравнил законодательство двух стран, поощрявших рождаемость соответствующими пособиями и государственными наградами. Впрочем, не будем строго судить А.Г. Гойхбарга, как не осудило его в 1948 г. за контрреволюционную агитацию советское правосудие. После соответствующей экспертизы пожилой профессор был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу г. Казани[11].

Норвежское законодательство 1915 г. и КЗАГС. За 30 лет до указанного выше события А.Г. Гойхбарг приходит на работу в Народный комиссариат юстиции РСФСР, где принимает деятельное участие в разработке КЗАГС 1918 г. Позднее в работе «Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики» (1920) Гойхбарг писал о заимствовании авторами кодекса некоторых идей одного изданного в 1916 г. норвежского закона[12]. Год издания закона – 1916-й указан дважды в разных местах. Значит, это не опечатка, а ошибка. В действительности, Закон о правах детей принят норвежским законодателем 10 апреля 1915 г.[13]. Кстати, в 1917 г. об этом законе уже в русской печати писал П.И. Люблинский и также правильно указал год его принятия[14].

Собственно, в 1915 г. в Норвегии был принят не один, а семь законов: 1) о детях, родители которых не вступили в брак друг с другом; 2) относительно родителей и законных детей; 3) об изменениях в законодательстве о разводе; 4) об изменении законодательства относительно имущественных отношений супругов; 5) об изменениях в наследовании; 6) о попечении над детьми; 7) о страховании материнства[15]. Создатели КЗАГС воспользовались формулировками того закона, который был посвящен внебрачным детям. Он полностью уравнял незаконнорожденных детей с рожденными в браке. Впрочем, это положение большевики провели бы в законодательство и без учета закона Норвегии: социалистическая идея о равенстве прав детей независимо от обстоятельств рождения требовала того же.

Интересной и принципиально новой представлена в норвежском законе процедура установления

создателя первого советского Гражданского кодекса. М., 2020. С. 574.

[11] Там же. С. 598.

[12] Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики. М., 1920. С. 111, 117.

[13] Там же. С. 138

[14] Люблинский П.И. Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и материнстве // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 2–3. С. 137–138.

[15] Там же. Л. 138.

отцовства. При регистрации рождения мать была обязана назвать имя отца, причем могла сделать это еще до родов. Местный суд, получив эту информацию, составлял документ о праве матери на алименты с указанного ей мужчины. Этот документ отправлялся названному отцом мужчине, который после этого мог оспорить отцовство в суде. Судья признавал данное лицо отцом в случае, если устанавливались его интимные отношения[16] с матерью ребенка в то время, когда ребенок «по законам природы»[17] мог был зачат. При этом у суда не должно было быть сомнений в том, что женщина в это же время не состояла в сношениях с другими лицами. При признании указанного женщиной мужчины отцом у суда также не должно быть сомнений из-за каких-либо иных обстоятельств.

Указанный порядок был взят создателями КЗАГС за основу и творчески переработан. От норвежского закона был взят главный принцип: беременная или уже родившая женщина делала заявление об отце ее ребенка. Затем указанному отцом мужчине посылалось извещение, после чего в короткий срок он мог оспорить правильность заявления женщины в суде (ст. 140–141). Явное заимствование из норвежского закона видно даже по терминологии. Согласно КЗАГС, суд выносил определение об установлении отцовства, если находил, что мужчина *«по естественному ходу вещей»* являлся отцом ребенка.

Но гораздо интереснее факта заимствования норм норвежского закона творческая переработка его норм. Во-первых, КЗАГС допускал, чтобы заявление об отце могла подать не только незамужняя, но и состоявшая в браке женщина, если считала, что ребенок происходит не от мужа (прим. к ст. 140). Во-вторых, суд устанавливал не факт *интимных отношений*, а просто факт *отношений*, которые по естественному ходу вещей могли привести к деторождению (ст. 143). В-третьих, установление факта сожительства женщины в период зачатия с несколькими лицами не только не мешало признать отцом ребенка указанного ею мужчину, но и приводило к привлечению *всех* установленных интимных партнеров женщины к возмещению расходов по беременности, родам и воспитанию (ст. 144).

Даже либеральный норвежский закон не допускал подачу заявления об отце со стороны замужней женщины. Советский же законодатель пошел против общепризнанного принципа ‘pater est quem nuptiae demonstrant’ (отец — тот, на кого указывает брак). Во всяком случае если в подобных случаях традиционно свое отцовство еще мог оспаривать муж, то предоставление замужней женщине права указывать постороннего мужчину отцом ее ребенка — неоспоримая мировая новинка КЗАГС.

Интимность отношений между мужчиной и женщиной, которой «пренебрег» КЗАГС, сама по

[16] В английском переводе: ‘intercourse’.
[17] В английском переводе: ‘according to the order of nature’.

себе кажется малозначимой. Однако нужно напомнить, что до Октябрьской революции духовные суды, расторгая браки православных россиян по причине прелюбодеяния, имели богатый опыт установления именно интимного характера отношений. Для этой цели годилась и любовная переписка, и очевидные свидетели (чаще — нанятые супругами лжесвидетели) прелюбодеяния мужа или жены. Есть предположение, что интимность как свойство отношений близких людей была опущена в КЗАГС не случайно. В целях охраны материнства и детства любые установленные судом близкие или даже товарищеские отношения мужчины и женщины могли стать основанием для вынесения решения об отцовстве. Любой ребенок должен был иметь возможность получать содержание, даже если обязанное к этому лицо фактически не являлось его отцом.

Это предположение доказывается еще одним отличием КЗАГС от норвежского законодательства — возможностью привлечения всех половых партнеров матери на момент зачатия ребенка к его содержанию (ст. 144). Здесь работал тот же принцип: привлечение к платежу алиментов всего «акционерного общества отцов» облегчало матери его прокормление и воспитание. Гражданский долг — именно так это понимали создатели КЗАГС — обязывал трудоспособного и имеющего достаточно средств содержать супруга (настоящего или бывшего), ребенка (своего или фактически чужого) или принять на себя функции опекуна. Перекладывание на гражданина функции «собеса» определялось как невозможностью молодого Советского государства сразу взять на себя подобную ношу (объективный фактор), так и спецификой взглядов А.Г. Гойхбарга, одного из ведущих разработчиков КЗАГС (субъективный фактор)[18].

Если коротко обозначить последствия такой творческой рецепции норвежского законодательства 1915 г., то можно сказать следующее: дела об установлении отцовства стали одной из проблемных категорий в советском гражданском судопроизводстве. К сожалению, на это стали обращать пристальное внимание лишь со второй половины 30-х гг., когда вообще обострилась борьба за соблюдение социалистической законности[19].

С проблемой привлечения всех сожителей матери к содержанию ее ребенка российский законодатель познакомился в конце XIX в. Назревшая необходимость в подготовке Правил об улучшении положения незаконнорожденных детей (приняты в 1902 г.)[20] вызвала потребность ознакомиться с европейским опытом регулирования этого вопроса. Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения, разработавшая проект правил, обратила внимание и на ситуацию

[18] Подробнее об этом см., напр.: Полянский П.Л. КЗАГС 1918 года... С. 376–378.

[19] См. об этом: Полянский П.Л. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. С. 139–143.

[20] ПСЗРИ-3. Т. XXII. Отд. I. № 21566.

с множеством сожителей одной женщины. По этому вопросу были изучены законы ряда немецких государств по состоянию на середину XIX в., а также судебная практика.

Так, Высший суд Баварии 23 июня 1841 г. признал солидарную ответственность нескольких сожителей одной женщины. На той же позиции стояли Прусское земское уложение 1794 г. (в первоначальной редакции) и Саксонское гражданское уложение 1863 г. В других землях, напротив, выявление нескольких сожителей одной женщины принципиально исключало требование об алиментировании ребенка (например, Вюртенбергский закон от 5 сентября 1839 г.). Наконец, допускалось и предъявление иска об алиментах отдельным сожителям матери (например, закон Рудольштадта от 31 мая 1850 г.). Германское гражданское уложение 1896 г. исключило возможность признания отцовства, если было бы установлено, что в период зачатия мать имела отношения с несколькими лицами (§ 1717).

При подготовке российских Правил об улучшении положения незаконнорожденных была также изучена практика французских судов XIX в. Она допускала предъявление иска к одному из нескольких сожителей матери. Анализ показал: иск обычно предъявлялся к более состоятельному из сожителей. Кроме того, уже беременные женщины намеренно вступали в интимные отношения с состоятельными лицами именно в целях требовать от них впоследствии алименты на содержание ребенка[21]. Российский закон 1902 г. в итоге обошел эту щекотливую тему, хотя первоначальный проект и содержал норму, аналогичную находившейся в Германском гражданском уложении. Было решено не стеснять суд каким-либо правилом при оценке достоверности исков об отцовстве[22].

Нет сомнений, что А.Г. Гойхбарг, хорошо знакомый с западноевропейским семейным законодательством, имел представление о различных подходах к разрешению подобной проблемы. Окончательный выбор советского законодателя уже был прокомментирован.

‘Common law marriage’ и КЗоБСО. Представляется, что учет института ‘common law marriage’ при разработке КЗоБСО был целиком определен «человеческим фактором». В 1922 году на очередной сессии ВЦИК старый большевик Ю. Ларин раскритиковал КЗАГС, в том числе за «бесконечное количество глупейших формальностей». В некоторых буржуазных штатах Северной Америки, заявил Ларин, достаточно одного совместного заявления мужчины и женщины, что они муж и жена, чтобы это считалось фактом (брака), а у нас этого не существует[23].

Как показало обсуждение проектов нового семейного кодекса на сессиях ВЦИК 1925 и 1926 гг., немногие депутаты поддержали упрощенческие идеи Ларина, вступив-

[21] РГИА. Ф. 1151. Оп. 14 (1901). Д. 236. Л. 21об.
[22] Там же. Л. 402.
[23] IV Сессия ВЦИК IX созыва. Бюллетень № 3. М., 1922. С. 14.

шего в дооктябрьские времена в отношения с женой без всяких церковных формальностей[24]. Однако в итоговом тексте КЗоБСО появляется формулировка: «лица, фактически состоящие в брачных отношениях» (ст. 11). Закон предполагал, что эти лица «взаимно признают друг друга супругами» (там же). Таким образом, в советском семейном праве появилось понятие «фактические брачные отношения», «фактический брак». Что же могло привлечь Ю. Ларина в американской правовой действительности, что он добился перенесения этого на советскую почву?

Заинтересовавший Ю. Ларина институт к началу XX в. назывался в Северной Америке ‘common law marriage’. Существует и более раннее название, ‘self-marriage’, которое очень точно выражает суть явления: мужчина и женщина признали друг друга мужем и женой без всяких формальностей. Во всяком случае не в присутствии светского или духовного лица, уполномоченного законом санкционировать браки. Впрочем, в «колониальный период» законодательство штатов отнюдь не разрешало такие неформальные связи. Вероятно, самое раннее из дел, когда суды штатов признали ‘common law marriage’, относится к 1739 г. Один из судей штата Мериленд предписал присяжным по делу Cheseldine v. Brewer следующее: взаимное признание супругов таковыми означает законный брак. Присяжные согласились и одобрили такое предписание[25].

Впервые на уровне верховных судов отдельных штатов институт ‘common law marriage’ получил признание в штате Нью-Йорк в 1809 г. Председатель Верховного суда штата Джеймс Кент (James Kent) по делу Fenton v. Reed предложил формулу, согласно которой *брак рассматривается как гражданский договор, для заключения которого нужно лишь взаимное согласие*. И хотя через год после этого Верховный суд штата Массачусетс по делу Milford v. Worcester и выразил противоположную точку зрения, можно считать, что сформулированная Дж. Кентом идея начала триумфальное шествие по значительному количеству североамериканских штатов. С 1809 г. и до конца XIX в. браки как договоры без всяких специальных церемоний начинают признаваться (иногда с опорой на решение по делу Fenton v. Reed) верховными судами штатов Пенсильвания, Кентукки, Нью-Джерси, Южная Каролина, Миссисипи, Джорджия, Огайо, Айова[26]. Таким образом, браки ‘common law marriage’ хотя и не были закреплены в законодательстве штатов, но признавались в решениях их высших судебных инстанций. Наконец, в 1884 г. и Верховный Суд США по делу Markely v. Baldwin указал, что неформальные браки заслуживают некоторого общественного признания[27].

[24] Ю. Ларин на сессии ВЦИК: «Раз мы оба (он и его жена. — *П.П.*) жили нелегально, то мы по закону как бы и не существовали» (Там же. С. 19).

[25] Koegel O.E. Common Law Marriage and it’s Development in the United States. Wash., 1922. P. 76–77.

[26] Ibid. P. 84–97.

[27] Ibid. P. 109.

Дж. Кент (1763–1847) был не только авторитетным судьей, чьи решения способствовали формированию американской практической юриспруденции. Он обобщил свои лекции, читанные в Колумбийском университете, издав «Комментарии к американскому праву». В них он писал, что по общему праву не требуется никаких особых церемоний для правильного заключения брака. Требуется лишь согласие сторон. Такой позиции, указывал Кент, придерживалось common law и каноническое право Англии до принятия закона Георга II о браке[28]. Единственный вопрос, с точки зрения common law, состоял в том, необходимо ли было для придания действительности договору о браке осуществление фактического сожительства (cohabitation) супругов[29].

Практика американских судов по вопросу о необходимости фактического супружеского сожительства различалась. Так, в 1828 году Верховный суд штата Нью-Йорк по делу Jackson v. Winne, а в 1885 г. — Верховный суд территории Юта по делу United States v. Simpson признали браки ‘common law marriage’ и без фактического сожительства. Противоположную позицию в 1900 г. занял Верховный суд Мичигана по делу Lorimer v. Lorimer[30].

Интересный пример признания браков ‘common law marriage’ без фактического сожительства продемонстрировало Военное министерство США по окончании Первой мировой войны. Известно, что часть американского контингента некоторое время оставалась в Европе и после окончания военных действий. Возникла следующая, хотя и не очень распространенная практика. Военное ведомство могло расценить как брак взаимное признание супругами американского военнослужащего в Европе и женщины, оставшейся в США. Такое признание можно было сделать даже в почтовой переписке. Главным при этом было то, что жена проживала в том штате, где признавались браки ‘common law marriage’[31].

Таким образом, на момент постановки Ю. Лариным вопроса об использовании в Советской России передового американского опыта отношение к фактическим брачным отношениям в самих США не было однозначным. Важно, однако, заметить, что для установления фактических брачных отношений, согласно КЗоБСО, требовалось не только взаимное признание друг друга супругами (ст. 11), но и обязательное совместное жительство, ведение при этом общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами (ст. 12). То есть перед советским судом ставились те же вопросы, что и перед американским: установление фактов взаимного признания супругами и фактического сожительства, а также возможность все это доказать.

[28] Речь идет о Законе 1753 г. (Lord Hardwicke’s marriage act), на основании которого юридическую силу имели лишь церковные браки.

[29] Kent J. Commentaries on American Law. Vol. II. Boston, 1858. P. 54–55.

[30] Koegel O.E. Op. cit. P. 122–123, 126.

[31] Ibid. P. 133.

Представляется, что адаптация на российской почве неоднозначного американского института была определена не практической необходимостью, а чисто субъективным фактором. Возможно, в условиях колонизации территорий Северной Америки, когда для регистрации брака не всегда под рукой находился священник или иное должностное лицо, институт ‘common law marriage’ и мог быть ограниченно востребован. Однако подобных проблем в Советской России в середине 1920-х годов не было. В итоге фантазии Ю. Ларина в сочетании с продолжением антирелигиозной борьбы в стране определили дальнейшее упрощение брачных процедур и, как следствие, рассмотренное сомнительное заимствование.

Изначально в данной статье не ставилась задача рассмотреть практические последствия перенесения института ‘common law marriage’ на советскую почву. Однако в настоящее время существует законопроект, который предусматривает признание совместного фактического сожительства мужчины и женщины браком при наличии совместного ребенка и (или) ведении общего хозяйства[32]. Такое признание может состояться, если одна из сторон этого сожительства погибла или пропала без вести в связи с проведением специальной военной операции. К сожалению, пояснительная записка к проекту не дает представления об уровне проработанности различных сложных вопросов. В том числе и тех, аналоги которых стояли перед американскими судами в XIX–XX вв. или перед советскими — после принятия КЗоБСО. Например, признавать ли такое фактическое сожительство браком, когда одна сторона не расторгла предыдущий зарегистрированный брак? Как решать имущественные вопросы в ситуации, когда на наследство и причитающиеся выплаты после смерти участника СВО может претендовать «зарегистрированная» супруга с потомством (или без) и «фактическая», так же с потомством (или без)? А если таких «фактических» жен будет несколько и каждая — с ребенком? Тем более что при наличии общего ребенка срок фактического сожительства для признания его браком составляет по проекту 1 год.

Эти или подобные вопросы стоило бы проработать, когда в 1926 г. в советское законодательство был введен институт фактических брачных отношений по образцу ‘common law marriage’. Одним из негативных следствий этого введения стала следующая распространенная практика: мужчина, последовательно состоявший в брачных отношениях (зарегистрированных и фактических) с несколькими женщинами, не мог впоследствии достойно содержать детей от этих многочисленных связей. Пресечь распыление имущества и доходов алиментщика в интересах детей можно было максимально затруднив расторжение брака. А это, в свою оче-

[32] Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8 (дата обращения: 05.02.2025).

редь, было проблематично при признании юридической силы за фактическими брачными отношениями, возникновение и прекращение которых плохо контролировалось государством.

Словом, изучение заимствования отдельных зарубежных институтов в истории семейного права России может неожиданно обрести острую актуальность. Впрочем, необходимо объективно оценивать и последствия таких заимствований. Как известно, советское семейное законодательство перестало признавать юридическую силу фактических брачных отношений в 1944 г. Тогда же было отменено право установления отцовства по отношению к детям матерей-одиночек. Так что рассмотренные в настоящей статье иностранные правовые институты прижились в советском семейном праве ненадолго. Желательно, чтобы и теперь законодатель взвешенно оценивал историко-правовой опыт рецепции зарубежного опыта и, главное, последствия этой рецепции.

Литература

1. Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики / А.Г. Гойхбарг. Москва : Государственное издательство, 1920. 164 с.
2. Люблинский П.И. Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и материнстве / П.И. Люблинский // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 2–3. С. 137–148.
3. Полянский П.Л. Инструкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 г. / П.Л. Полянский, В.А. Яковлева // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 2. С. 90–109.
4. Полянский П.Л. КЗАГС 1918 года: решение дореволюционных вопросов и постановка новых задач / П.Л. Полянский / Кризис права: история и современность : коллективная монография / под редакцией В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. С. 362–380.
5. Полянский П.Л. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. История и характеристика. Текст. Постатейные материалы : монография : научное издание для студентов / П.Л. Полянский. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. 238 с.
6. Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса : учебное пособие / Н.А. Семидеркин. Москва : Издательство МГУ, 1989. 96 с.
7. Шилохвост О.Ю. Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибониана. Биография создателя первого советского Гражданского кодекса / О.Ю. Шилохвост. Москва : Статут, 2020. 624 с.
8. Castberg J. The Children's Rights Law and Maternity Insurance in Norway / J. Castberg // Journal of the Society of Comparative Legislation. 1916. Vol. 16. № 2. P. 283–299.
9. Kent J. Commentaries on American Law. Vol. II / J. Kent. Boston, 1858. 877 p.
10. Koegel O.E. Common Law Marriage and it's Development in the United States / O.E. Koegel. Washington, 1922. 176 p.

References

1. Goykhbarg A.G. Brachnoe, semeynoe i opekunskoe pravo Sovetskoy Respubliki [Marriage, Family and Guardian Law of the Soviet Republic] / A.G. Goykhbarg. Moskva : Gosudarstvennoe izdatelstvo — Moscow : State Publishing House, 1920. 164 s.
2. Lyublinsky P.I. Novoe zakonodatelstvo Norvegii o pravakh vnebrachny`kh detey i materinstve [New Laws of Norway on Rights of Children Born out of Wedlock and Motherhood] /

P.I. Lyublinsky // Prizrenie i blagotvoritelnost v Rossii — Charity and Philanthropy in Russia. 1917. № 2–3. S. 137–148.
3. Polyansky P.L. Instruktsiya ob organizatsii i poryadke deyatelnosti podotdelov opeki 1919 g. [An Instruction on Establishment and the Method of Operation of Guardianship Subdivisions in 1919] / P.L. Polyansky, V.A. Yakovleva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 : Pravo — Bulletin of the Moscow University. Series 11 : Law. 2021. № 2. S. 90–109.
4. Polyansky P.L. KZAGS 1918 goda: reshenie dorevolyutsionny`kh voprosov i postanovka novy`kh zadach [The Code of Laws on Vital Records of 1918: Solution of Pre-Revolutionary Issues and Setting of New Tasks] / P.L. Polyansky / Krizis prava: istoriya i sovremennost : kollektivnaya monografiya / pod redaktsiey V.V. Denisenko, M.A. Belyaeva, E.N. Tonkova. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Law Crisis: History and the Modern Times : collective monograph / edited by V.V. Denisenko, M.A. Belyaeva, E.N. Tonkova. Saint Petersburg : Aletheia, 2018. S. 362–380.
5. Polyansky P.L. Kodeks zakonov o brake, semye i opeke RSFSR 1926 g. Istoriya i kharakteristika. Tekst. Postateyny`e materialy` : monografiya : nauchnoe izdanie dlya studentov [The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of the RSFSR of 1926. History and Characteristics. Text. Article-by-Article Materials : monograph : scientific edition for students] / P.L. Polyansky. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2020. 238 s.
6. Semiderkin N.A. Sozdanie pervogo brachno-semeynogo kodeksa : uchebnoe posobie [Development of the First Marriage and Family Code : textbook] / N.A. Semiderkin. Moskva : Izdatelstvo MGU — Moscow : MSU publishing house, 1989. 96 s.
7. Shilokhvost O.Yu. Aleksandr Goykhbarg. Gorkaya sudba Krasnogo Triboniana. Biografiya sozdatelya pervogo sovetskogo Grazhdanskogo kodeksa [Aleksandr Goykhbarg. The Hard Fate of Red Tribonian. Biography of the Developer of the First Soviet Civil Code] / O.Yu. Shilokhvost. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2020. 624 s.
8. Castberg J. The Children's Rights Law and Maternity Insurance in Norway / J. Castberg // Journal of the Society of Comparative Legislation. 1916. Vol. 16. № 2. S. 283–299.
9. Kent J. Commentaries on American Law. Vol. II / J. Kent. Boston, 1858. 877 s.
10. Koegel O.E. Common Law Marriage and Its Development in the United States / O.E. Koegel. Washington, 1922. 176 s.

ИГ «ЮРИСТ» — ВАШ ВЕРНЫЙ СПУТНИК В ПОИСКЕ НУЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Вы активно занимаетесь научной деятельностью, но не знаете, где еще можно найти интересный и авторитетный материал?

Мы готовы помочь Вам! Предлагаем подготовить подборку статей по Вашей теме, опубликованных на страницах более 40 наших журналов за последние 15 лет.

Что для этого нужно?

Пришлите запрос на адрес: anketa@lawinfo.ru, с указанием интересующей темы. Мы сделаем подборку и сканы публикаций. Готовый архив отправим Вам на электронную почту.

Стоимость подборки по нашей базе составит всего 990 руб. Если из всего перечня Вас заинтересует только несколько материалов, то PDF одной статьи обойдется в 300 руб.

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-22-27
Поступила в редакцию: 31.01.2025. Принята к публикации: 24.03.2025.

Трансформация методологии сравнительно-правовых исследований в русле современного взаимодействия правовых систем

Купцова Ольга Борисовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент
olga.kuptsova@mail.ru

Исследования процессов трансформации методологии сравнительно-правовых исследований в современном мире являются одним из важнейших направлений правовой доктрины, которая осуществляется на различных уровнях научного анализа. Разнообразные факторы влияния предопределяют необходимость создания системного единства измененной методологической вариативной общности. В качестве критериальных оснований в статье рассмотрены принципы научного познания, научные подходы, мировоззрение исследователя, методы познания, научные понятия и категории. Особое внимание уделяется исследованиям технико-юридической методологии, тенденции развития междисциплинарности в современной правовой доктрине и ее влияния на методы сравнительно-правовых исследований, развитие терминологической базы в условиях конвергенции правовых систем и иным факторам.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, трансформация, правовые системы, междисциплинарность, технико-юридический инструментарий.

Современная правовая карта мира подвергается изменениям под влиянием различных процессов межгосударственного взаимодействия. Целевые ориентиры его корректируются, общественные отношения, в свою очередь, также изменяются под воздействием различных факторов. Все отмеченное предопределяет осуществление процессов активной трансформации методологии сравнительно-правовых исследований.

К важнейшим особенностям современного взаимодействия правовых систем можно отнести следующие особенности. Во-первых, необходимо отметить смену парадигмы межгосударственного взаимодействия. Во-вторых, в настоящее время значимой тенденцией общественного и государственного развития является изменение ценностных ориентиров как на уровне национальных правовых систем, так и на уровне правовых семей. В-третьих, существенные изменения привносит цифровизация общественных отношений, которая не только является характеристикой общественного развития, но и предопределяет новые возможности научного анализа. В-четвертых, важными продолжают оставаться процессы глобализации, которые постепенно становятся одними из значимых факторов изменения современной правовой карты мира.

Как отмечает профессор М.Н. Марченко, и данная позиция получила развитие как в учебной, так и монографической литературе, методология любой науки, в том числе сравнительного правоведения, в широком смысле включает принципы научного познания, научные подходы, мировоззрение исследователя, методы познания, научные понятия и категории. Данные составляющие представляют собой, с одной стороны, устоявшиеся положения, которые традиционно попадают в поле зрения исследователей, в связи с этим можно выявить некоторые тенденции их видоизменения в государственном и общественном развитии. С другой стороны, если отразить их специфику именно в настоящем времени, то это будет значимый срез современного исследования трансформационных оснований методологии сравнительно-правовых исследований.

Как отмечает Н.А. Власенко, принципы и критерии познания представляют собой правила поведения, цель которых — нормировать и организовать деятельность ученого с тем, чтобы полученный им результат был продуктивным, — это одна из важнейших задач методологии[1]. Научные подходы к установлению методологических оснований развития сравнительно-правовых исследований также подвержены корректировке с учетом изменений в современной правовой доктрине. Исходя из сущностных оснований современного сравнительно-правового анализа, больший уровень значимости приобретают даже не приоритетные концепции правопонимания, так как среди них преобладают или теории интегративизма, или концепции современного модифицированного юридического позитивизма, который уже длительный период времени также отличается некоторой синкретичностью. В большей степени предопределяющим фактором является тип рациональности права, который лежит в основе сравнительно-правовых исследований. Рациональность права предопределяет различные тенденции развития методологии сравнительно-правовых исследований. Вместе с тем в настоящее время не представляется конструктивным делать акцент только лишь на юридико-догматическом анализе правовых систем. Нормативные системы и механизм правового регулирования с позиции постклассической рациональности должны рассматриваться не как определенное информационное воздействие на субъекта, а как результат интеракции (предопределенного взаимодействия) разных субъектов, в ходе которой и появляются разные, в чем-то эклектичные, регулятивные модели, содержащие нормативные установления, формулируемые в ходе диалога государства и общества, основанного на конструктивном коммуникативном взаимодействии. Методологические основания для осуществления данных процессов также должны получить свое должное доктринальное осмысление для эффективного сравнительно-правового анализа в условиях развития и конвергенции различных правовых семей, а также отдельных групп смешанных национальных правовых систем.

[1] Власенко Н.А. Результативность правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 6.

Среди современных научных подходов особо следует подчеркнуть развитие методологии сравнительно-правовых исследований в русле междисциплинарности. Следует обратить внимание на отражение в развитии метода сравнительного правоведения тенденций использования знаний, полученных в результате исследовательской деятельности в различных (зачастую смежных) сферах научного познания, что приводит к сближению научной методологии. Так, например, Т.В. Амосова и А.В. Юрковский отмечают, что значимой является конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении в русле самостоятельного направления правовой компаративистики. В этом аспекте «конвергенция методов лингвистики и сравнительного правоведения может быть крайне полезной в русле обобщения больших массивов информации правового характера»[2]. Также следует отметить значимость сравнительно-правовых исследований текстуальности права. Так, например, актуальной является проблема определения юридической природы нормативного установления, которое содержится в ratio decidendi судебного прецедента. Важно определить, можно ли нормативное положение ratio decidendi считать нормой права или это всего лишь правоположение, которое вырабатывается на основании анализа судебной практики. На значимости междисциплинарного подхода также акцентирует внимание А.Х. Саидов, он справедливо полагает, что «перспективы развития сравнительного правоведения также заключаются в усилении междисциплинарного подхода, который позволяет объединить достижения правоведения с социологией, философией, экономикой и культурологией»[3].

Также в качестве значимого фактора развития методологии сравнительно-правовых исследований следует отметить осуществляемое в настоящее время разделение сравнительного правоведения на два самостоятельных направления: историческое сравнительное правоведение и теоретическое сравнительное правоведение[4]. Данное обстоятельство предопределяет также видоизменение методологии сравнительно-правовых исследований — определение акцентов познания, приобретение особой значимости отдельных методов, системное перераспределение методологических положений и оснований. Также следует особо подчеркнуть, что в настоящее время можно утверждать о формировании определенных комплексов методологического характера, которые состоят из нескольких отдельных методов, применяющихся совместно и дополняющих друг друга, повышающих уровень эффективности научного познания. В этом плане следует особо отметить

[2] Амосова Т.В., Юрковский А.В. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 98–100.

[3] Саидов А.Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии // Право между Востоком и Западом. 2024. № 3. С. 12.

[4] Егоров А.В. Теория сравнительного правоведения : монография. М. : Проспект, 2020. 288 с.

совместное применение с другими методами сравнительно-правовых исследований юридико-догматической (или технико-юридической) методологии.

Следует отметить, что Ю.А. Тихомиров ранее справедливо акцентировал внимание на том, что по мере расширения сравнительно-правовых исследований следует ожидать выработки и более обобщающих категорий и, следовательно, достройки общей теории права[5]. Его высказывание актуально и в настоящее время. Так, например, исследование судебных прецедентов как источников права в русле сравнительно-правовых исследований позволяет обновить и расширить положения теоретико-правовой доктрины.

Отдельно стоит подчеркнуть наличие тенденции активного развития и выдвижения на первый план в сравнительно-правовых исследованиях отдельных методов научного познания. В этом русле следует подчеркнуть развитие юридико-догматического (технико-юридического) метода, который получает активное развитие как следствие совершенствования технико-юридического инструментария в русле активного развития научной школы юридической техники. Так, например, все более активное научное осмысление и применение получают способы познания и особенности изучения процедур такого приема юридической техники, как «идея законопроекта», под которой профессор В.М. Баранов понимает «прием юридической техники, начальный этап правотворчества, представляющий собой систему суждений о потребности в этом документе, в правовой регламентации, о целях данного акта и об ожидаемом результате»[6].

В русле видоизменения мировоззренческой позиции современной методологии сравнительно-правовых исследований следует отметить, что она также находится на активной стадии трансформационных изменений. Реальностью современных государств является активное воздействие на идеологическую сферу общественных отношений — в русле возрождения и формирования традиционных ценностей. Особое значение это имеет для современной России. В этом отношении среди системы методологического инструментария следует также выделить технико-юридический (догматический) метод, с помощью которого формально-юридически фиксируются основные ориентиры осуществления данных процессов. Объединяющим фактором станет развитие и методологическое обоснование такого явления, как идеологемы, в понимании их как феноменов языка права. Вместе с тем следует отметить, что среди всего разнообразия идеологем, которые получают закрепление как в устной форме, так и в письменной интерпретации, следует выделить те, которые имеют значение для государства и общества. Посредством формулирования данных идеологем объективируются положения идеологии патриотизма, возрождаемых

[5] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М. : НОРМА, 1996. 432 с.

[6] Баранов В.М. Идея законопроекта // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–38.

ценностей и т.д. Данные идеологемы в силу их большей значимости получают закрепление средствами языка права с помощью использования технико-юридического инструментария. В юридической науке значимым и преобладающим является понимание идеологем как феноменов языка права, которые объективируют элементы идеологии уровня нормативного правового закрепления. Значимым это является при осуществлении сравнительно-правовых исследований сходных правовых систем постсоциалистического правового пространства.

В аспекте исследования научных понятий и категорий следует отметить активное развитие терминологической базы сравнительно-правовых исследований и методологических оснований их осуществления. В частности, унификацию юридической лексической системы и процессы транстерминологизации. Например, актуальна проблема внедрения и признания понятий «судебный прецедент толкования» (из англо-американской правовой семьи), «ипотека мурабаха» (из мусульманской правовой семьи) в современной романо-германской правовой семье.

Также следует подчеркнуть, что в настоящее время идет активная разработка метода сравнительного государствоведения и определения его места и роли в современной методологической системе и поиск путей его соотношения со сравнительным правоведением. Современное сравнительное государствоведение подвержено тенденции практикоориентированности исследований, также следует отметить в его развитии тенденций междисциплинарности. Необходимо акцентировать внимание на необходимости отражения более тесной взаимной связи и взаимообусловленности сравнительного государствоведения и сравнительного правоведения. В настоящее время осуществляется активный пересмотр устоявшихся положений, идет поиск путей их дифференциации и взаимного влияния с учетом новых реалий межгосударственного взаимодействия.

Кроме того, есть основания полагать, что в настоящее время можно утверждать о формировании особой разновидности нормативного сравнения, которое имеет опосредованность процессами государственного развития. Этому также способствует развитие технико-юридического инструментария.

В русле характеристики отдельных направлений методологического анализа также следует отметить развитие внутрисистемного сравнения, особенно на уровнях субъектов Российской Федерации, в частности, в русле нормативной правовой базы деятельности молодежных парламентов при законодательных органах субъектов РФ, анализ нормативной правовой базы, регулирующей понимание, классификацию и специфику принимаемых на уровне регионального правотворчества различных нормативных правовых актов.

Нельзя не обратить особого внимания на развитие методологии отраслевого сравнительного правоведения, которое пока не получило должного научного осмысления, да и не выработана полноценно и все-

сторонне обоснованная система методов научного познания в данной сфере. В частности, весьма перспективным направлением следует назвать сравнительное земельное право, которое ждет своего комплексного доктринального осмысления, а также изучения и развития методологической базы.

Значимую роль в отмеченных выше процессах играет цифровизация общественных отношений, которая в первую очередь способствует расширению и объектов применения данного методологического воздействия, и особенностей процессов и процедур методологического анализа. Кроме того, цифровизация предполагает такие изменения в социуме, которые способствуют усложнению его организации и в ряде случаев дифференциации.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что трансформация методологии сравнительно-правовых исследований — это постоянный поступательно развивающийся процесс, который отражает не только доктринальный уровень научных достижений, но и развитие общественных и государственно-правовых институтов. В настоящее время методология сравнительного правоведения в русле современного взаимодействия правовых систем активно развивается, и данная тенденция будет сохраняться.

Литература

1. Амосова Т.В. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика / Т.В. Амосова, А.В. Юрковский // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 98–100.
2. Баранов В.М. Идея законопроекта / В.М. Баранов // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–38.
3. Власенко Н.А. Результативность правопонимания в современной юридической науке / Н.А. Власенко // Журнал российского права. 2015. № 4 (220). С. 5–18.
4. Егоров А.В. Теория сравнительного правоведения : монография / А.В. Егоров. Москва : Проспект, 2020. 288 с.
5. Саидов А.Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии / А.Х. Саидов // Право между Востоком и Западом. 2024. № 3. С. 2–12.
6. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. Москва : Норма, 1996. 432 с.

References

1. Amosova T.V. Konvergentsiya yuridicheskikh i lingvisticheskikh metodov v sravnitelnom pravovedenii: yuridicheskaya komparativistskaya lingvistika [Convergence of Legal and Linguistic Methods in Comparative Legal Studies: Legal Comparative Linguistics] / T.V. Amosova, A.V. Yurkovsky // Voprosy` rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava — Russian and International Law Issues. 2016. № 9. S. 98–100.
2. Baranov V.M. Ideya zakonoproekta [The Idea of a Bill] / V.M. Baranov // Yuridicheskaya tekhnika — Legal Writing. 2007. № 1. S. 28–38.
3. Vlasenko N.A. Rezultativnost pravoponimaniya v sovremennoy yuridicheskoy nauke [Efficiency of Legal Understanding in the Modern Legal Science] / N.A. Vlasenko // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 4 (220). S. 5–18.
4. Egorov A.V. Teoriya sravnitelnogo pravovedeniya : monografiya [Theory of Comparative Legal Studies : monograph] / A.V. Egorov. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2020. 288 s.
5. Saidov A.Kh. Sravnitelnoe izuchenie zapadny`kh i nezapadny`kh pravovy`kh traditsiy: problemy` metodologii [A Comparative Study of Western and Non-Western Legal Traditions: Problems of Methodology] / A.Kh. Saidov // Pravo mezhdu Vostokom i Zapadom — Law Between East and West. 2024. № 3. S. 2–12.
6. Tikhomirov Yu.A. Kurs sravnitelnogo pravovedeniya [A Course of Comparative Legal Studies] / Yu.A. Tikhomirov. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 1996. 432 s.

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-28-41
Поступила в редакцию: 14.02.2025. Принята к публикации: 17.03.2025.

Особенности современного исламского права

Сюкияйнен Леонид Рудольфович,
профессор-исследователь Департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор
Lsukiyainen@hse.ru

В статье анализируются характерные черты исламского права, действующего в настоящее время. Развитие правовых систем мусульманских стран привело к формированию современного исламского права, главная особенность которого заключается в специфике его связей с государством. В результате кодификации фикха роль основного источника исламского права стала переходить от доктрины к нормативно-правовому акту. Суды потеряли право на иджтихад, который сосредоточился главным образом в руках законодателя. В настоящее время именно он решает, какие положения шариата и в какой форме приобретают характер юридических предписаний, т.е. становятся исламским правом. Его характерной чертой является решающая роль законодательства и суда в юридической трактовке шариата и фикха, определении их места в правовой системе. Современное исламское право представляет собой комплекс юридических норм, принципов и институтов, источником которых являются положения шариата и выводы фикха, получившие признание и поддержку государства главным образом в законодательной форме и применяемые судом.

Ключевые слова: исламское право, шариат, фикх, кодификация фикха, иджтихад, материальный источник права, субсидиарный источник права, юридический источник права, законодатель, суд.

Исламское право представляет собой систему генетически и идейно восходящих к шариату юридических норм, основанных на выводах фикха и опирающихся в своем действии на поддержку государства. Шариат выступает общим идеологическим источником исламского права. Связующим звеном между ними является фикх в его двух значениях — как исламской науки о правилах внешне выраженного поведения людей и системы самих этих норм[1].

Анализ современных правовых систем мусульманских стран ставит ряд вопросов, касающихся нынешнего состояния исламского права. В настоящее время есть основания говорить о формировании своего рода современного исламского права, принципы и содержание которого ориентируются на исходные начала традиционного фикха, а форма испытывает глубокое влияние европейской правовой традиции. Одна из главных особенностей этого феномена заключается в специфике его связей с государством в сравнении с его традиционным вариантом. Речь идет об отражении в действующем сегодня исламском праве качественного изменения взаимодействия фикха с судебной и законодательной властью государства.

В течение многих веков единственным юридическим источни-

[1] См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие религиозных и юридических начал // Дорога науки : сборник статей в честь 80-летия академика М.Б. Пиотровского. СПб., 2024. С. 667–697.

ком исламского права выступала доктрина, к выводам которой обращались шариатские суды и иные институты правосудия в поиске решений рассматриваемых ими споров. При этом суды обладали правом с помощью иджтихада — рационального толкования многозначных предписаний Корана и Сунны или формулирования правил по вопросам, относительно которых эти источники хранят молчание, — достаточно свободно выбирать нужную норму фикха из многих его выводов, исходя из характера рассматриваемого дела и потребностей практики. Законодательные органы исламского государства в целом существенно не влияли на пределы судейского усмотрения. В крайнем случае власть в той или иной форме предписывала судьям следовать положениям определенного толка фикха.

Однако, начиная с последней четверти XIX в., когда в 1869–1876 гг. вступила в силу Маджалла — гражданский и гражданский процессуальный кодекс Османской империи, представлявший собой кодификацию выводов ханафитского толка фикха, роль юридического источника исламского права стала переходить к нормативном правовому акту. Государство в лице законодательных органов взяло на себя ведущую роль в определении места исламского права в правовой системе конкретной страны, его формы и в существенной степени даже содержания. Такая трансформация была закреплена самим указанным актом, ст. 1801 которого предусматривала, что в случае выбора законодателем из многих выводов фикха по конкретному вопросу одного, оцениваемого как наиболее предпочтительного, судьи при вынесении решений не могут обращаться к иным его положениям.

С этого момента функция определения тех положений шариата и фикха, которые станут источниками исламского права, стала постепенно отходить от суда к законодательной власти. Одновременно изменялись смысл и назначения иджтихада. До принятия Маджаллы его осуществлял суд, что было одной из ведущих черт традиционного исламского права. Но с вступлением в силу указанного акта суды практически потеряли право на иджтихад, который сосредоточился главным образом в руках законодателя. В настоящее время преимущественно именно он решает, какие положения шариата и выводы фикха и в какой форме приобретают характер юридических предписаний, т.е. становятся исламским правом. Все его основные черты определяются законодательством и зависят от форм нормативного закрепления конкретных предписаний шариата.

В современных правовых системах исламское право сравнительно редко выступает в традиционной форме доктрины, которая остается ведущим его источником в немногих странах и лишь применительно к отдельным отраслям. В большинстве случаев его нормы закрепляются в принимаемом государством законодательстве. В итоге доктрина (фикх) в качестве основного источника исламского права уступает место законодательству, а отличающиеся плюрализмом взгляды

различных школ заменяются единообразными абстрактными нормами, которые очень часто не сводятся к одному определенному толку и исходят из иного понимания иджтихада.

Такая трансформация является показателем принципиального сдвига в соотношении между шариатом (фикхом), судебной и законодательной властями. Показательно, что сегодня мусульманская юриспруденция трактует действие современного исламского права преимущественно как результат проведения политики «претворения шариата путем кодификации фикха». Это ставит вопрос о значении такой трансформации для самого исламского права и его роли в современных правовых системах.

Первые попытки систематизации положений фикха в виде их закрепления в принятом государством акте предпринимались еще в X–XI вв. В то время, несмотря на вероятную практическую пользу унификации для судебной практики, такая мера не могла быть осуществлена в условиях преобладания свободы иджтихада судов. Однако постепенно развитие исламского права достигло того этапа, когда кодификация фикха завершила многовековой процесс его окончательного оформления. Теперь его нормы, включенные в законодательство, приобретают форму общих, единообразных и абстрактных правил, которые существенно отличаются от положений традиционного исламского права, выступавших преимущественно в виде частных казуальных выводов фикха. За последние полвека курс на кодификацию фикха превратился в центральный элемент политики исламизации правовых систем большинства указанных стран. Современное исламское право и выступает зримым образцом этого процесса.

До недавнего времени единственным крупным исключением оставалась Саудовская Аравия, где кодификация фикха официально не поддерживалась. Еще в 2001 г. Коллегия крупнейших алимов (мусульманских ученых) королевства приняла специальное решение о том, насколько целесообразны кодификация наиболее предпочтительного мнения факихов и обязательное следование ему судей[2]. В нем говорилось, что различие решений судей по сходным вопросам не может быть достаточным основанием для такой кодификации. Пророк Мухаммад, праведные халифы и все следовавшие правильным путем предки никогда не склонялись к подобному шагу. Кроме того, эта мера очевидно не соответствует воле Аллаха, который требует при решении любых споров обращаться к Корану и практике Его Посланника, т.е. к Сунне Пророка, а не к определенной форме их толкования. Наконец, закрепление одного предпочтительного, по мнению государственного органа, вывода фикха в законе в качестве обязательного для суда будет связывать его, а не поощрять обращаться к неизменным началам шариата. На этом основании коллегия пришла к выводу, что кодификация выводов фикха неприемлема.

[2] См.: Решения Коллегии крупнейших алимов. Б.м., б.г. С. 14–24 (на араб. яз.).

Однако, несмотря на такую позицию, в последнее время в Саудовской Аравии появляется большое число низамов (законов), среди которых выделяются такие, которые по своему содержанию выступают образцами кодификации фикха. Пока еще здесь фикх как юридический источник права сохраняет заметные позиции, но быстро уступает свое место нормативному правовому акту. В частности, в 2021–2023 гг. вступили в силу низамы о доказательствах, личном статусе и гражданских взаимоотношениях. Все это подтверждает, что ныне королевство идет по пути кодификации фикха вместе с другими арабскими странами.

Важной характерной чертой современного исламского права является решающая роль законодательства и суда в юридической трактовке шариата и фикха, определении их места в правовой системе. Показательным в этом отношении является опыт Кувейта, где с момента провозглашения независимости в течение более сорока лет женщины не пользовались избирательными правами, что закреплялось Законом об избрании членов Национальной ассамблеи от 1962 г. В 2005 году в этот акт были внесены изменения, предоставившие кувейтским женщинам избирательные права. Одновременно новая редакция закона содержала условие, в соответствии с которым при выдвижении кандидатуры и проведении выборов женщина обязана соблюдать принципы и нормы, утвердившиеся в исламском шариате.

Когда в 2009 г. в состав кувейтского парламента впервые были избраны четыре женщины, указанная оговорка явилась основанием иска о лишении депутатского мандата двух из них. Такое требование обосновывалось тем, что они проводили избирательную кампанию и голосовали на выборах, не облачаясь в хиджаб — традиционную мусульманскую одежду, скрывающую всю фигуру женщины за исключением лица и кистей рук. Кроме того, они принимали участие в заседаниях Национальной ассамблеи в таком же внешнем виде. По утверждению истцов, ношение хиджаба мусульманкой является однозначно установленной нормой шариата. Следовательно, указанные женщины-депутаты нарушили условие избирательного закона и поэтому должны быть лишены своих мандатов. К иску прилагались фетвы, вынесенные Комиссией фетв относительно шариатских стандартов женской одежды. В них ссылками на айяты Корана, высказывания Пророка Мухаммада и его сподвижников обоснован вывод о том, что ношение хиджаба является обязанностью мусульманки, которая по достижении совершеннолетия должна носить одежду, полностью скрывающую всю ее фигуру кроме лица и кистей рук[3].

Конституционный суд, рассматривавший иск, отказал в его удовлетворении. В обоснование своего решения суд отметил, что закон о выборах Национальной ассамблеи детально не раскрывает содержание

[3] См.: Государство Кувейт. Министерство вакфов и исламских дел. Управление фетв. Сверкающие жемчужины из кувейтских фетв. Ч. 10. Эль-Кувейт, 2015. С. 249–252 (на араб. яз.).

упоминаемых в нем принципов и норм шариата. Их можно толковать двояко. В широком смысле они означают все предписания религии, а в узком — сводятся к фикху. При этом кувейтская конституция гарантирует личную свободу и не допускает дискриминации граждан по признаку религии или пола. Что же касается шариата в значении фикха, то в качестве правового понятия в соответствии с Конституцией он является не официальным (юридическим), а материальным (историческим) источником законодательства. Данный статус и определяет место шариата в правовой системе страны.

Поэтому нормы шариата сами по себе не имеют обязательной силы как юридические правила до тех пор, пока законодатель не предпримет действий по их кодификации. Предписания шариата не являются прямо действующими правовыми правилами и по своей силе не могут считаться стоящими в одном ряду с позитивными юридическими нормами. Такая оценка объясняет, почему предусмотренное указанным законом и относящееся к женщинам условие соблюдать принципы и нормы шариата следует понимать в качестве не юридически обязывающей нормы, а ориентира, направляющего поведение женщины-мусульманки. Соблюдение такого ориентира является вопросом религии, а не права, к которому относятся только те положения шариата, которые закреплены в законе[4].

Указанное судебное решение представляет интерес в связи с тем, что оно последовательно различает шариат и позитивное право, устанавливая точный принцип: предписания шариата и правила фикха приобретают характер юридически обязывающих норм только в случае их признания государством, главным образом в форме включения в нормативный правовой акт («кодификации» по терминологии кувейтского законодателя). Именно поэтому широко известное предписание шариата, обязывающее совершеннолетнюю женщину носить хиджаб, не является юридической нормой, если оно не закреплено законом.

В этой связи обращают на себя внимание многочисленные решения Верховного конституционного суда Египта, в которых дается толкование ст. 2 египетской конституции, провозглашающей принципы исламского шариата главным источником законодательства. Сформулированное в этих материалах юридическое определение данных принципов не совпадает с их трактовкой в религиозном исламском знании. Однако в правовой системе Египта место шариата определяется не религиозной мыслью, а конституцией и толкованием ее положений Верховным конституционным судом[5].

Роль суда в правовой интерпретации шариата и фикха подтверждает еще один показательный пример из практики Кувейта. Здесь в 2007 г. был принят Закон № 36 о внесении дополнения в ст. 198 Уголовного кодекса (УК) 1960 г., в соответствии

[4] См.: Аль-Кувейт аль-Яум. № 947. Год 55-й. 01.11.2009.

[5] См.: Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.

с которым устанавливалась уголовная ответственность за уподобление другому полу в любой форме. В пояснительной записке к закону отмечалось, что шариат запрещает уподобление мужчин или женщин другому полу на основе высказывания Пророка Мухаммада: «Аллах проклял мужчин, уподобляющихся женщинам, и женщин, уподобляющихся мужчинам». Поскольку УК в его исходном варианте не наказывает такие действия, то следует восполнить этот пробел. На этом основании дополнение этого акта предусматривает санкцию за уподобление в любой форме, в том числе за ношение представителем одного пола одежды, предназначенной для иного пола, в соответствии с обычаями страны, а также за перевоплощение в личность другого пола.

Такое предписание УК действовало в течение полутора десятка лет и реально применялось судом. Однако в 2021 г. в Конституционный суд Кувейта поступил иск о признании указанного положения неконституционным. При рассмотрении иска суд отметил, что использованное в законе выражение «уподобление иному полу» является чрезмерно широким и недостаточно определенным. Оно не описывает преступное деяние с точностью, необходимой для отграничения его от других, для того чтобы лица, обязанные соблюдать данное положение закона, хорошо понимали содержание действий, которых они должны избегать. Оценку конкретного содержания уподобления иному полу не должны давать те, кто применяет и реализует такую норму закона. Они не могут наделяться полномочиями заменять цели законодателя собственным пониманием смысла данной нормы, которое может привести к посягательству на права, гарантированные конституцией. Такой принцип требует, чтобы преступления и наказания за их совершение формулировались возможно более точно. Причем положения уголовного закона должны трактоваться ограничительно, для того чтобы избежать нарушения конституционных прав. Однако предписание УК относительно уподобления иному полу не содержит объективного критерия для точного определения данного деяния и его отграничения от других. На основании таких соображений суд вынес решения о неконституционности данной нормы УК.

Изложенная позиция Конституционного суда Кувейта наглядно подтверждает, что включенная в закон правовая норма, источником которой является предписание шариата, приобретает качества юридического правила и толкуется как все иные положения позитивного права. Причем такое толкование может существенно отличаться от того, как понимается исходный религиозный постулат, послуживший источником данной нормы закона. Однако на уровне позитивного права предписания шариата приобретают характер обязательных юридических норм только после их государственного признания, основной формой которого является кодификация выводов фикха.

Такой же трактовки соотношения шариата и права придержива-

ются кувейтские исследователи. Например, известный юрист Адель Бахбахани отмечает, что ст. 2 Конституции Кувейта провозглашает исламский шариат основным источником законодательства. Это положение обращено к законодателю, который должен черпать принимаемые им правовые нормы из шариата, а не к судье. Если бы Конституция закрепила шариат в качестве источника правовых норм, то шариатское положение само по себе приобретало характер юридического правила. Однако статус шариата как исторического источника законодательства означает, что шариатские постулаты становятся правовыми нормами только в случае их закрепления в законе[6]. Иными словами, автор признает, что место шариата и фикха в правовой системе страны определяется законодателем, прежде всего Конституцией.

Следует отметить, что закон определяет место шариата и фикха в правовой системе страны не только в форме кодификации их предписаний. Статус этих двух институтов в качестве субсидиарного источника права также устанавливает закон. Он же в отдельных случаях закрепляет за ними роль формального (юридического) источника права. Примером могут служить положения нескольких низамов Саудовской Аравии, которые обязывают судей при рассмотрении дел выносить решения прежде всего на основании шариата[7].

Еще одной особенностью современного исламского права является отказ от его связанности определенным толком фикха. Так, семейное законодательство Египта 1920-х годов наряду с нормами ханафитского толка фиксировало и позиции конкурирующих направлений фикха, в частности шафиитского, что нашло подтверждение в судебной практике. В решениях египетских судов также отмечалось, что новейшее законодательство Египта в регулировании вопросов расторжения брака в связи с причинением мужем вреда жене ориентируется на маликитский толк фикха, хотя в целом египетское семейное право отчетливо склоняется к воспроизведению выводов ханафитской школы.

Начиная с 70-х годов линия на отход от одной конкретной школы фикха окончательно утвердилась. Так, в Йеменской Арабской Республике в 1975 г. была создана комиссия по кодификации фикха, которой официально предписывалось при разработке законопроектов не ограничиваться каким-либо определенным толком[8]. К этому времени на такой же путь вступила Ливия, где с 1972 г. начала проводиться политика исламизации правовой системы. Если первые акты по вопросам применения шариатских наказаний за некоторые преступления, принятые в рамках этого процесса, предусматривали, что в случае их молчания суд должен был обращаться к маликитскому толку фикха, то уже в 1975 г. вступил в силу специальный закон, согласно ко-

[6] См.: Бахбахани Адель. Исламский шариат между конституцией и законом // Аль-Кабас. Эль-Кувейт. 05.04.2016.

[7] См.: Сюкияйнен Л.Р. Фикх — источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4.

[8] См.: Аль-Джарида ар-Расмийя. 31.05.1975. № 5. Сана. С. 3–4.

торому вместо указанного толка в качестве субсидиарного источника права судам предписывалось применять широко известные положения наиболее предпочтительных для обвиняемого школ фикха.

К настоящему времени данный подход характерен для большинства арабских стран. К ним принадлежат даже те из них, в которых на протяжении долгого времени господствовала ориентация на конкретный толк фикха. Среди них Саудовская Аравия, где приверженность ханбалитскому толку с момента образования королевства оставалась незыблемой. Теперь ситуация изменилась. Например, в соответствии с принятым в 2023 г. низамом о гражданских взаимоотношениях при его молчании надлежит применять закрепленные им общие принципы фикха, а в их отсутствие — извлекаемые из исламского шариата нормы, в наибольшей степени соответствующие настоящему акту. Низамы о личном статусе от 2022 г. и доказательствах от 2021 г. в случае своего молчания закрепляют роль субсидиарного источника за нормами шариата, в наибольшей мере отвечающими содержанию этих актов.

Важная черта современного исламского права проявляется в той роли, которую в его оформлении и функционировании играет суд. В частности, если законодательная власть, проводя политику «претворения шариата в виде кодификации фикха», принимает акты, включающие предписания фикха и шариата или признающие за ними статус субсидиарного источника права, то конкретное содержание такого законодательства зависит от его толкования судом. От подобной интерпретации зависит понимание современного исламского права, а также юридическое толкование шариата и фикха.

Напомним, что в Египте понятие шариата или его принципов как источника законодательства сформулировал именно суд. Одновременно при обращении к положениям фикха или шариата в качестве субсидиарного источника права при молчании закона решающая роль также принадлежит суду, который в значительной мере по своему усмотрению выбирает из мнений различных школ фикха нужный вывод. Такая практика свидетельствует о сохранении у суда известной свободы иджтихада. При этом следует отметить, что в современных условиях такую роль выполняет не только шариатский суд, но и судебные органы общей юрисдикции или институты конституционного контроля.

Анализ характерных особенностей современного исламского права позволяет выделить несколько вариантов этого феномена в зависимости от его содержания, ориентирующегося на выводы традиционного фикха с некоторыми модификациями, и формы, которая испытывает заметное влияние европейской правовой традиции.

Основной разновидностью современного исламского права выступает законодательство, являющееся образцом кодификации фикха. Оно представляет собой итог многовекового развития исламского права, включавшего несколько этапов: период достаточно свобод-

ного выбора судьями выводов различных толков фикха; ограничение права судей на иджтихад определенной школой фикха (например, ханафитской в Османской империи с начала XVI в.); кодификация фикха, начиная с принятия Маджаллы. Такая эволюция привела в настоящее время к закреплению в законодательстве и судебных решениях правового статуса шариата (фикха) как системы «направляющих» правил религиозного характера, приобретающих обязательный юридический характер в результате их кодификации, включения в законодательство, историческим (материальным) источником которого выступает шариат (фикх).

Наряду с кодификацией фикха выделяется и другая форма современного исламского права. Речь идет о включении отдельных институтов или норм фикха в законодательство европейского образца, которое в целом никак не может считаться исламским (шариатским). В частности, Уголовный кодекс Кувейта 1960 г. устанавливает ответственность за ввоз, импорт, приобретение, изготовление алкогольных напитков с целью торговли ими. Правда, санкции за такое преступление не совпадают с установленными шариатом. Однако сама криминализация указанных деяний, безусловно, отражает влияние шариата.

С такой законодательной нормой, отражающей шариатский запрет, сопоставимы положения уголовных кодексов Марокко 1962 г. и Иордании 1960 г., построенных по европейской модели, об ответственности за открытое несоблюдение мусульманином поста во время месяца Рамадан. Отметим, что в Кувейте подобные санкции предусматривает не Уголовный кодекс, а специальный закон.

Похожий пример дают гражданские кодексы ряда арабских стран (в частности, Кувейта, Бахрейна, Йемена и Ливии), которые запрещают соглашения гражданско-правового характера между физическими лицами, предусматривающие проценты по займам или за просрочку исполнения обязательства, что отражает шариатскую норму. К положениям шариата и выводам фикха, закрепленным ориентирующимися на европейские образцы гражданскими кодексами практически всех арабских стран, можно отнести также институты вакфа и злоупотребления правом. В отдельных случаях круг таких институтов оказывается шире. Так, гражданское законодательство Ирака 1951 г. и некоторых других арабских стран предусматривает право собственности на полезные свойства имущества, что составляет специфику трактовки института собственности фикхом.

Следует иметь в виду, что закрепление таких правовых институтов нельзя считать образцом кодификации фикха, поскольку оно касается законодательства, построенного в целом по европейским моделям и включающего лишь отдельные шариатские нормы и выводы фикха, которые вместе с европейскими моделями можно считать материальным источником указанного законодательства. Тем не менее включенные в него частные нормы

и институты фикха допустимо относить к современному исламскому праву.

Наряду с законодательством, построенным по европейским моделям, в ряде рассматриваемых стран действуют нормативные правовые акты, которые представляют собой симбиоз норм, институтов и принципов европейского и исламского права, достаточно органично переплетающихся между собой. Примерами таких актов выступают Гражданский кодекс Йемена 2002 г. и кодексы гражданских взаимоотношений Судана 1984 г., ОАЭ 1985 г. и аналогичный низам Саудовской Аравии 2023 г. Очевидно, предусмотренные этим законодательством выводы фикха, тесно взаимодействующие с нормами и институтами европейского профиля, также следует трактовать как своеобразный вариант современного исламского права.

Другой его разновидностью следует считать выводы фикха, которые в соответствии с законом суд применяет в качестве субсидиарного источника права. Те из них, к которым обращается суд, приобретают юридический характер и входят в состав современного исламского права. В этом отношении такой его вариант имеет много сходного с традиционным исламским правом, единственным юридическим источником которого выступала фикх-доктрина. Правда, если в Средние века обращение к фикху для поиска судебного решения находилось полностью в ведении суда, то в настоящее время данная модель исламского права реализуется при санкционировании государством в законе выводов фикха, его общих принципов или положений шариата в целом как субсидиарного источника права.

В частности, суданский Уголовный кодекс 1983 г. устанавливал, что закрепленные в нем шариатские санкции за ряд преступлений не препятствуют применению мер наказания аналогичного характера и за иные преступления категории «худуд», прямо в нем не предусмотренные. Со ссылкой на это положение в 1985 г. в Судане был вынесен смертный приговор за вероотступничество[9]. Близкое по смыслу положение закрепляет и шариатский Уголовный кодекс Брунея 2013 г., согласно ст. 253 которого в случае отсутствия в нем четко предусмотренного положения судье надлежит следовать норме шариата.

Понятно, что реализация таких положений закона невозможна без обращения к шариату, соответствующие постулаты которого при применении их судом приобретают качество источников юридических предписаний. Об этом свидетельствует и суданская судебная практика. В частности, в мотивировочной части указанного выше приговора о наказании за вероотступничество отмечалось, что суд избрал смертную казнь, руководствуясь положением Закона 1983 г. об основах внесения судебных решений, который в случае молчания законодательства обязывает судью обращаться к положениям Корана и Сунны. Поскольку один из хадисов пере-

[9] См.: Аль-Кабаши Аль-Макашифи Таха. Претворение исламского шариата в Судане: правда и сомнения. Каир, 1986 (на араб. яз.).

дает высказывание Пророка о том, что покинувший религию заслуживает смерти, то наказание в виде лишения жизни соответствует тяжести преступления, совершенного обвиняемым.

Отметим также, что Судан является единственной арабской страной, где законодатель обязывает судей обращаться к шариату каждый раз, когда закон не предлагает необходимой нормы. Такой принцип установлен Законом 1983 г. об основах вынесения судебных решений, в соответствии с которым при отсутствии законодательного предписания по рассматриваемому вопросу судья обязан применить точно установленное предписание Корана или Сунны Пророка. Иными словами, в Судане фикх может выступать в качестве субсидиарного источника права не только применительно к конкретному закону, но и в масштабах всей правовой системы.

Обращает на себя внимание еще одно положение данного закона, в соответствии с которым если при молчании закона судья не находит необходимой шариатской нормы, то он сам прибегает к иджтихаду и самостоятельно формулирует необходимое правило, ориентируясь на такие исходные начала, общие принципы и цели шариата, как удовлетворение интересов человека и предотвращение вреда, презумпция отсутствия у лица материальных обязательств, приоритет дозволенности действий и облегчение возлагаемых на человека обязательств.

С таким законодательным требованием перекликается уже упоминавшийся подход Верховного конституционного суда Египта, сформулированный в его решении о толковании ст. 2 Конституции страны относительно статуса принципов исламского шариата как ведущего источника законодательства. Орган конституционного контроля подчеркнул, что указанное положение Конституции обращено не к суду, а к законодателю, который в ходе разработки законов должен обращаться к точно установленным положениям шариата. Если же в нем отсутствует очевидное правило, то разработанные фикхом способы извлечения норм из олицетворяющих иджтихад источников позволяют законодателю сформулировать необходимые нормы, которые не противоречат основам и общим принципам шариата. По сути, речь идет о признании за законодателем права на иджтихад в современной форме. Однако, в отличие от его традиционного варианта, который был способом обоснования выводов фикха, результатом нынешнего иджтихада законодателя является введение законодательной нормы. Получается, что даже традиционные понятия, разработанные фикхом, в наши дни получают юридическое осмысление.

Иными словами, за судьей в Судане и законодателем в Египте признаются полномочия на поиск правовых норм при условии ориентации на исходные начала шариата и использования разработанных фикхом рациональных приемов формулирования его выводов. При этом традиционная методология фикха, его общие начала и принципы предлагаются или даже предписывают-

ся законом как приоритеты и приемы не только кодификации фикха, т.е. принятия шариатского законодательства, но и разработки любых нормативных правовых актов, в том числе и заимствующих зарубежные образцы, но не противоречащих шариату.

Важно отметить, что указанные ориентиры судебного и законодательного нормотворчества, связанные с шариатом и фикхом, закреплены законом или авторитетным решением органа конституционного контроля. Такие общие ориентиры шариата и формы иджтихада также допустимо включать в арсенал современного исламского права.

Еще одной его моделью являются положения фикха, которые действуют непосредственно как юридические нормы на основании предписания закона. Например, в Саудовской Аравии Основной низам о власти, низамы о судебной власти и процессе предписывают судьям при рассмотрении дел применять прежде всего положения шариата, а также нормы не противоречащих ему низамов. Несмотря на быстро развивающийся процесс кодификации, в этой стране некоторые важные правовые отрасли и институты остаются им не охваченными. По таким вопросам суды прямо применяют соответствующие выводы фикха. Причем еще в 1928 г. верховная судебная инстанция определила конкретные произведения ханбалитского толка фикха, к которым судьи обязаны обращаться при рассмотрении дел. Хотя такие труды были нормативно закреплены еще до образования Королевства Саудовская Аравия, они признаются официальными источниками судебных решений и сегодня.

Если в Саудовской Аравии судам изначально предписано применять положения шариата, то законодательство других арабских стран также иногда предусматривает прямое обращение судей к положениям шариата (фикха) по отдельным вопросам, не урегулированным нормативными правовыми актами. Данная ситуация, по существу, сходна с применением указанных положений в качестве субсидиарного источника права с той разницей, что речь идет не о пробельности закона, а об отсутствии законодательного регулирования какого-либо круга вопросов на уровне правовой системы в целом.

Показательным примером в этом отношении является Гражданский кодекс Кувейта 1980 г., ст. 940 и 941 которого предусматривают, что на наследование и завещание распространяются нормы шариата и принятое законодательство. Однако закон о личном статусе, урегулировавший эти вопросы, был принят только в 1984 г., а до этого времени кувейтские суды при их рассмотрении со ссылкой на указанные положения Гражданского кодекса обращались непосредственно к выводам фикха. Иными словами, и такой вариант современного исламского права реализуется при условии, что он предусмотрен законом. Этот принцип иллюстрирует и Конституция Иордании 1952 г., которая закрепляет, что шариатские суды решают вопросы личного статуса мусульман, вакфов, а также

применения денежной компенсации за убийство и причинение телесных повреждений в соответствии с нормами шариата (ст. 105, 106).

Следует отметить, что применение выводов шариата (фикха) как юридического источника для вынесения судебных решений возможно только на основе предписания закона. Одновременно прямое применение судом норм фикха отличается от обращения к ним законодателя при разработке исламских (шариатских) нормативных правовых актов. В принятии последних путем кодификации фикха его выводы играют роль материального (исторического) источника права, а вынесение судебного решения непосредственно на основе таких выводов означает, что фикх выступает формальным (юридическим) источником права. При кодификации фикха современное исламское право выступает в форме законодательства, а прямое обращение суда к выводам фикха говорит о его реализации в форме судебной практики.

Кроме того, современное исламское право проявляется не в прямой форме, когда при толковании норм законодатель требует учитывать положения шариата и выводы фикха. Например, в соответствии с указанным суданским законом о вынесении судебных решений, при толковании предписаний нормативных правовых актов судья обязан исходить из того, что законодатель при введении обязанностей и дозволений не имел своей целью нарушить шариат, а при определении одобряемых или осуждаемых действий принимал во внимание шариатские рекомендации. Одновременно толкование судьей любых общих и оценочных формулировок законодательства должно соответствовать нормам шариата, его принципам и его общему духу. Понятно, что обращение в ходе толкования предписаний законодательства к таким шариатским положениям придает им юридический характер, а значит, позволяет считать их элементами современного исламского права.

Данной вывод можно распространить и на положение Основного низама о власти Саудовской Аравии, согласно которому государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом (ст. 26). Отсюда следует, что толкование содержания прав человека должно ориентироваться на шариатские предписания.

С учетом сказанного можно предложить общее определение современного исламского права как комплекса юридических норм, принципов и институтов, источником которых являются положения шариата и выводы фикха, получившие признание и поддержку государства главным образом в законодательной форме и применяемые судом.

Проведенный анализ позволяет отметить главную особенность современного исламского права, связанного со своей религиозной основой, но относительно независимого от нее. Оно выступает юридическим феноменом, который является результатом взаимодействия шариата, фикха и позитивного законодательства. В целом все параметры содер-

жания, формы и действия положений шариата и фикха, его общих принципов как источников исламского права в конечном счете определяются законом и конкретизируются судом.

Литература

1. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие религиозных и юридических начал / Л.Р. Сюкияйнен // Дорога науки : сборник статей в честь 80-летия академика М.Б. Пиотровского / редакторы : Н.Н. Дьяков, А.В. Немировская, О.И. Редькин, А.А. Родионов ; ответственный редактор, составитель А.С. Матвеев. Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 667–697.
2. Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах / Л.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 205–222.
3. Сюкияйнен Л.Р. Фикх — источник современного права в арабских странах / Л.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 222–245.
4. Аль-Кабаши Аль-Макашифи Таха. Претворение исламского шариата в Судане: правда и сомнения. Каир, 1986 (на араб. яз.).
5. Бахбахани А. Исламский шариат между конституцией и законом / А. Бахбахани // Аль-Кабас. Эль-Кувейт. 05.04.2016 (на араб. яз.).
6. Государство Кувейт. Министерство вакфов и исламских дел. Управление фетв. Сверкающие жемчужины из кувейтских фетв. Ч. 10. Эль-Кувейт, 2015. С. 249–252 (на араб. яз.).

References

1. Syukiyaynen L.R. Islamskoe pravo: vzaimodeystvie religiozny`kh i yuridicheskikh nachal [Islamic Law: The Interrelation Between Religious and Legal Origins] / L.R. Syukiyaynen // Doroga nauki : sbornik statey v chest 80-letiya akademika M.B. Piotrovskogo / redaktory` : N.N. Dyakov, A.V. Nemirovskaya, O.I. Redkin, A.A. Rodionov ; otvetstvenny`y redaktor, sostavitel A.S. Matveev. Sankt-Peterburg : Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F.M. Dostoevskogo — Path of Science : collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Academician M.B. Piotrovsky / editors : N.N. Dyakov, A.V. Nemirovskaya, O.I. Redkin, A.A. Rodionov ; publishing editor, compiler A.S. Matveev. Saint Petersburg : Russian Christian Academy for Humanities Named After Fyodor Dostoevsky, 2024. S. 667–697.
2. Syukiyaynen L.R. Konstitutsionny`y status shariata kak istochnika zakonodatelstva v arabskikh stranakh [The Constitutional Status of Sharia as a Source of Laws in Arab Countries] / L.R. Syukiyaynen // Pravo. Zhurnal Vy`sshey shkoly` ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 4. S. 205–222.
3. Syukiyaynen L.R. Fikkh — istochnik sovremennogo prava v arabskikh stranakh [Fiqh as a Source of Modern Law in Arab Countries] / L.R. Syukiyaynen // Pravo. Zhurnal Vy`sshey shkoly` ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 4. S. 222–245.
4. Al-Kabashi Al-Maqashifi Taha. Pretvorenie islamskogo shariata v Sudane: pravda i somneniya [Following Islamic Sharia in Sudan: Truth and Doubts] / Al-Kabashi Al-Maqashifi Taha. Kair, 1986 (na arab. yaz.) — Cairo, 1986 (in the Arab language).
5. Behbahani A. Islamskiy shariat mezhdu konstitutsiey i zakonom [Islamic Sharia Between the Constitution and Law] / A. Behbahani // Al-Kabas. El-Kuveyt. 05.04.2016 (na arab. yaz.) — Al-Qabas. Kuwait City. April 5, 2016 (in the Arab language).
6. Gosudarstvo Kuveyt. Ministerstvo vakfov i islamskikh del. Upravlenie fetv. Sverkayuschie zhemchuzhiny` iz kuveytskikh fetv. Ch. 10 [The State of Kuwait. Ministry of Awqaf and Islamic Affairs. Fatwa Department. Gorgeous Pearls from Kuwaiti Fatwas]. El-Kuveyt, 2015. S. 249–252 (na arab. yaz.) — Kuwait City, 2015. S. 249–252 (in the Arab language).

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-42-53
Поступила в редакцию: 16.02.2025. Принята к публикации: 04.04.2025.

Законодательство КНР о подсудности народным судам гражданских и торговых споров с иностранным участием

Гаврилов Вячеслав Вячеславович,
главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
gavrilovfirst@gmail.com

В статье на основе анализа последней редакции Гражданского процессуального кодекса 2023 г., разъяснений Верховного суда, а также общей характеристики судебной системы КНР представлен анализ правового механизма определения подсудности гражданских и торговых споров с иностранным участием народным судам Китая. Обращается внимание на необходимость более пристального внимания к возможности рассмотрения споров с участием российских лиц в государственных судах Китая в современных условиях интенсификации российско-китайских торговых отношений. Делается вывод, что изменения, произошедшие в китайском праве в последние годы в сфере определения подсудности, направлены на повышение эффективности гражданских и торговых разбирательств с иностранным участием, лучшую защиту законных прав и интересов истцов, а также обеспечение суверенитета, безопасности и интересов развития Китая.

Ключевые слова: право Китая, Гражданский процессуальный кодекс, разъяснения Верховного суда, китайская судебная система, подсудность, споры с иностранным участием.

При заключении и осуществлении международных торговых и экономических связей нельзя исключать возможность возникновения споров между их участниками. Поэтому уже в ходе переговоров о заключении контрактов стороны должны решить вопрос о процедуре их рассмотрения в будущем. При этом необходимо иметь в виду, что в различных странах существуют свои особенности как в отношении условий осуществления внешнеторговой и другой экономической деятельности, так и в части юридических условий и способов защиты прав и законных интересов иностранных лиц на их территории.

Так, например, правовая культура Китая при рассмотрении споров с иностранным участием, как и между самими китайскими резидентами, исходит из приоритетности использования сторонами медиации и арбитража, а не формальных процедур государственных судов. Кроме того, на сегодняшний день в КНР возможность доступа к государственной судебной системе со стороны иностранных юристов существенно ограничена нормами процессуального права Китая и исходит из необходимости участия в судебном заседании китайского адвоката[1].

[1] Статья 274 Гражданского процессуального кодекса КНР 1991 г.

В литературе также отмечается ряд дополнительных причин, определяющих преимущества рассмотрения торговых и экономических споров с иностранным участием в арбитражных центрах и комиссиях КНР[2].

Несмотря на эти обстоятельства, использованием возможности рассмотрения споров с участием российских лиц в государственных судах Китая на стоит пренебрегать. Это связано как с неуклонным ростом объема торговли между нашими странами, достигшим в 2024 г. рекордного уровня в 244,8 млрд долл. США, так и с прочным лидерством КНР среди торговых партнеров России, на долю которой в настоящее время приходится более трети российской внешней торговли[3]. При таком масштабе экономического взаимодействия России и Китая в целях обеспечения его дальнейшего роста и повышения эффективности должны использоваться все имеющиеся в распоряжении сторон правовые механизмы рассмотрения споров. Кроме того, государственная судебная система Китая, как и России, практически всегда задействуется при приведении в исполнение на территории этих стран решений международных арбитражных органов.

Не стоит забывать и о том, что в последнее время количество торговых и экономических споров с иностранным участием, рассматриваемых судами Китая, имеет явно выраженную тенденцию к росту. Так, например, согласно Отчету о работе Верховного народного суда КНР за 2023 г., представленному на рассмотрение Второй сессии 14-го Всекитайского собрания народных представителей 8 марта 2024 г., в указанный период государственными судами этой страны было рассмотрено 24 тыс. такого рода дел, что оказалось на 3,6% больше, чем в 2023 г.[4].

Указанные соображения обусловливают необходимость более пристального внимания российских исследователей и деловых кругов к изучению нормативно-правовых актов Китая, определяющих условия и порядок рассмотрения его судами дел с иностранным участием, а также их деятельность по исполнению на территории КНР решений судов других государств. Ключевое значение для характеристики этих механизмов и процедур имеет правильное представление о правилах определения подсудности таких споров государственным судам Китая различного уровня, чему и посвящена настоящая работа. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению указанной проблемы более подробно, необходимо кратко остановиться на характеристике структуры судебной системы КНР в целом.

В Китае общие вопросы ее организации и функционирования регулируются Органическим законом

[2] См., например: Быков А.В. Актуальные проблемы международного коммерческого арбитража в Китае // Актуальные проблемы развития законодательства Китайской Народной Республики : монография / отв. ред. О.О. Базина. М. : Проспект, 2024. С. 322–323.

[3] Товарооборот между Россией и Китаем обновил рекорд. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/01/2025/6784b65d9a7947a78f5b5dfe

[4] 最高人民法院工作报告 – 2024年3月8日在第十四届全国人民代表大会第二次会议上. URL: http://gongbao.court.gov.cn/Details/91879661d9288abc72798a23b1ecec.html

о народных судах от 1 июля 1979 г. (в ред. от 26.10.2018)[5]. Статья 12 этого нормативно-правового акта выделяет следующие три вида народных судов КНР: 1) Верховный народный суд; 2) местные народные суды; 3) специализированные суды. При этом в рамках второго вида перечисляются высшие (провинции, автономного региона или города центрального подчинения), промежуточные (префектуры, города с районным делением или автономного района) и низовые (уезда, города без районов или городского района) народные суды (ст. 13). Все они могут рассматривать в качестве первой инстанции дела, напрямую относящиеся к их юрисдикции или переданные им на рассмотрение вышестоящими судами, а также апелляции и протесты на решения нижестоящих судебных органов (кроме низовых судов).

В свою очередь, ст. 15 Органического закона 1979 г. указывает, что к специализированным народным судам относятся военные суды, морские суды, суды по интеллектуальным правам, финансовые суды и другие судебные органы. Очевидная незавершенность данного перечня определяется тем обстоятельством, что Закон 1919 г. наделил Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей правом самостоятельно создавать и определять полномочия других специальных судов КНР. К числу последних могут быть отнесены, например, интернет-суды, призванные рассматривать онлайн гражданские и административные споры, возникающие в связи с нарушением прав физических и юридических лиц в виртуальном пространстве Интернета. Первые такие суды были созданы в КНР в городе Ханчжоу в 2017 г., а также в Пекине и Гуанчжоу в 2018 г.[6].

Особое место в судебной системе Китая занимает Верховный народный суд (ВНС), который не только рассматривает особо важные категории дел в качестве суда первой инстанции, а также апелляции на решения нижестоящих судов, но и в соответствии со ст. 18 Органического закона имеет право изучать вопросы, касающиеся различных аспектов применения законодательства КНР в судебной практике и издавать по этому поводу руководящие разъяснения для нижестоящих судов. В зависимости от решаемых задач они могут принимать форму толкований (解释), регламентов (规定), письменных ответов (批复) или постановлений (决定) и имеют юридически обязательную силу для всех государственных органов и организаций Китая[7].

Разъяснения Верховного суда восполняют пробелы и недостатки китайского законодательства и определяют единство правопри-

[5] 中华人民共和国人民法院组织法. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE2ZjEzNWY0NjAxNmYxYzVkYmMwZjEwNmQ%3D

[6] См.: Бажанов П.В. Совершенствование системы разрешения гражданских и коммерческих споров в Китайской Народной Республике // Актуальные проблемы развития законодательства Китайской Народной республики : монография / отв. ред. О.О. Базина. М. : Проспект, 2024. С. 284–285.

[7] 最高人民法院关于司法解释工作的规 - 2006年12月11日最高人民法院审判委员会第1408次会议通过. URL: http://gongbao.court.gov.cn/Details/ee78ec588b412fc2c745a006374ebb.html

менительной практики этой страны[8]. Необходимость их принятия во многом объясняется тем обстоятельством, что текстам многих китайских нормативных правовых актов свойственна нечеткость, расплывчатость и неконкретизированность формулировок[9]. Разъяснения Верховного народного суда КНР призваны исправить такое положение дел путем выработки рекомендаций по однородному пониманию и применению положений китайских законов на практике. В значительной степени это касается и норм китайского законодательства об определении подсудности судам КНР гражданских и торговых споров с иностранным участием. Поэтому для уяснения их смысла и особенностей применения на практике положения указанных актов ВНС должны учитываться в обязательном порядке.

Основным источником права КНР, регламентирующим вопросы определения подсудности судам Китая гражданских и торговых споров с иностранным участием, является Гражданский процессуальный кодекс (中华人民共和国民事诉讼法) (ГПК), принятый 9 апреля 1991 г. В дальнейшем в него неоднократно вносились изменения, последние из которых были одобрены 1 сентября 2023 г. и вступили в силу с 1 января 1924 г.[10]. ГПК КНР закрепляет правило рассмотрения китайскими судами всех категорий споров на основе процессуального законодательства Китая (принцип *lex fori*), а также определяет общие рамки и устанавливает подробные правила осуществления гражданского судопроизводства по делам с участием иностранцев[11].

В ГПК Китая нашло отражение так называемое, «двухколейное» (раздельное) закрепление юрисдикции национальных судов в отношении процедуры рассмотрения внутренних споров и споров с иностранным участием. Правила судопроизводства в отношении последних были закреплены в части IV ГПК «Специальные положения о гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц» (ст. 270–306), которая содержит главы об общих принципах рассмотрения такого рода дел, об определении юрисдикции народных судов по их разрешению, о вручении документов и сборе доказательств, о рассмотрении споров в порядке арбитража, а также об оказании международной судебной помощи.

В то же время ст. 270 ГПК КНР указывает, что в случае, если какие-либо вопросы, касающиеся судебного разбирательства гражданских споров с иностранным участием, окажутся не урегулированными положениями его части IV, то для их

[8] Фоков А.П. Судебные разъяснения Верховного Народного суда Китая с учетом положений нового Гражданского кодекса КНР // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 5. С. 194.

[9] Трощинский П. В. Правовая система Китая : монография. М. : ИДВ РАН, 2016. С. 52–53.

[10] 中华人民共和国民事诉讼法. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE4YTIxZGMxMzAxOGI0MjUzMDNiNzA4NmQ%3D

[11] Статья не преследует цели поэтапного рассмотрения эволюции китайского законодательства о подсудности государственным судам споров с иностранным участием. Поэтому в ней представлен анализ только актуальных положений законодательства КНР в этой области. В данной работе также не рассматриваются вопросы о подсудности судам КНР споров с участием иностранного государства и его органов.

разрешения должны применяться нормы Гражданского процессуального кодекса Китая, определяющие процедуру рассмотрения внутренних споров. Необходимость их периодического использования судами предопределяется относительной краткостью и ограниченностью содержания части IV ГПК КНР.

Особые, отличные от положений ГПК, нормы китайского процессуального законодательства можно встретить и в Законе КНР о специальной процедуре рассмотрения морских споров от 25 декабря 1999 г.[12], который является специальным законом по отношению к ГПК и поэтому обладает более высокой юридической силой по сравнению с ним[13].

Кроме того, как уже указывалось выше, для правильного определения подсудности народным судам Китая гражданских и торговых споров с иностранным участием важное значение имеют разъяснения Верховного суда КНР. После принятия в Китае в 1991 г. Гражданского процессуального кодекса ВНС неоднократно принимал акты, специально посвященные толкованию этих вопросов или затрагивающие их в процессе рассмотрения других важных проблем правоприменительной практики. К числу ключевых из таких документов, имеющих прямое отношение к теме настоящей работы, можно отнести, например, постановления Верховного суда КНР о некоторых вопросах, касающихся юрисдикции по гражданским и торговым делам с иностранным участием от 25 декабря 2001 г. (ред. от 23.12.2020)[14] и от 16 августа 2022 г. (ред. от 01.01.2023)[15]. Несмотря на то что они, по общему правилу, дают разъяснения по вопросам, напрямую не пересекающимся друг с другом, ст. 9 второго из этих документов определяет, что в случае обнаружения противоречий его предписаний с положениями других разъяснений Верховного суда преимущественную силу будет иметь именно он.

Наконец, в ряду источников права, которые должны приниматься в расчет при определении подсудности китайским судам споров с иностранным участием, следует упомянуть многосторонние и двусторонние международные договоры, в которых участвует КНР. К их числу относятся, например, Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнении иностранных арбитражных решений 1958 г. и Договор России и КНР о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1992 г. Причем, в соответствии со ст. 271 ГПК Китая, в случае расхождения его положений с нормами международных соглашений, последние будут обладать приоритетом[16].

[12] 中华人民共和国海事诉讼特别程序法. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY2MGExYjAyM2Y%3D

[13] Более подробно см.: Tu Guangjian. Private International Law in China. Springer Singapore, 2016. P. 116–118.

[14] 最高人民法院关于涉外民商事案件诉讼管辖若干问题的规定. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3OTlkZjQwMDAxNzliMTAzOTY1ZDE5ODk%3D

[15] 最高人民法院关于涉外民商事案件管辖若干问题的规定. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE4NjJlZTAyZDAxODYz

[16] Более подробно об особенностях применения норм международного права в КНР смотри: Гаврилов В.В. Действие норм международного

Основное правило определения подсудности гражданских и торговых споров с иностранным участием содержится в ст. 276 ГПК КНР. В соответствии с ней соответствующие китайские суды, за исключением споров, вытекающих из личных отношений, имеют право рассматривать гражданские иски с иностранным участием, предъявляемые ответчику, не имеющему постоянного места жительства в Китае[17], в случаях, если в Китае в пределах территориальной юрисдикции этих судов: 1) был подписан или исполнен контракт; 2) находится предмет иска; 3) есть подлежащее аресту имущество ответчика; 4) находится место совершения правонарушения; 5) функционирует представительство ответчика. Кроме указанных случаев, в соответствии со ст. 276, народные суды обладают юрисдикцией в отношении гражданских споров с иностранным участием, если такие споры имеют иную соответствующую связь с Китаем[18].

Таким образом, юрисдикция по рассмотрению гражданских и торговых дел с иностранным участием возникает у народных судов КНР в случаях, когда ответчик является китайским резидентом, а также тогда, когда он им не является, но соответствующие споры имеют определенную связь с Китаем. При этом ст. 276 ГПК дает лишь частичное определение случаев ее возможного проявления и допускает наличие других видов «соответствующей связи» споров с КНР. В такой ситуации правильное понимание содержания категории «соответствующая связь» приобретает исключительно важное практическое значение, тем более что, по мнению ряда исследователей, она не может быть идентифицирована с уже ранее встречавшимися в разъяснениях Верховного суда и законодательстве КНР понятиями «фактической» и «наиболее тесной» связи[19]. Поэтому, в отсутствие более четкого определения содержания «соответствующей связи», китайские суды приобретают достаточно широкие дискретные полномочия по ее установлению в каждом конкретном случае, даже при ведении иностранными резидентами бизнеса с китайскими компаниями за пределами Китая.

В соответствии со ст. 277 ГПК гражданские споры с иностранным участием подсудны судам КНР также в случае заключения сторонами письменного соглашения об этом (пророгационного соглашения). Однако, представляется, что в данном случае стороны не могут выбирать народный суд исключительно

права в правовой системе Китайской Народной Республики // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 11. С. 138–151. DOI:10.61205/jrp.2024.11.2

[17] Более общее правило определения подсудности содержится в ст. 22 ГПК КНР, которая предусматривает, что гражданские споры подсудны судам по месту жительства или нахождения ответчика.

[18] Статья 276 действующего ГПК КНР расширила юрисдикцию народных судов по рассмотрению споров с иностранным участием по сравнению с предыдущими редакциями кодекса. Подробнее об этом смотри, например: Huang Jie (Jeanne). Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law // Netherlands International Law Review. 2023. Vol. 70. P. 207. DOI:10.1007/s40802-023-00243-3

[19] Ibid. P. 207–208.

по своему усмотрению. Им следует руководствоваться также положениями ст. 35 ГПК, устанавливающей, что выбираемый суд должен обладать юрисдикцией в «местах, имеющих реальную связь со спором».

Не следует забывать и о случаях, когда споры с иностранным участием находятся в исключительной юрисдикции народных судов Китая. В соответствии со ст. 279 ГПК КНР, к ним относятся:

1) споры, касающиеся создания, роспуска или ликвидации юридических лиц или других организаций, созданных на территории КНР, или действительности решений, принятых такими лицами или организациями;

2) споры, связанные с действительностью прав интеллектуальной собственности, предоставленных на территории КНР[20];

3) споры, возникающие в связи с выполнением в Китае договоров для совместных предприятий с китайским и иностранным капиталом, а также договоров о совместной разведке и разработке китайскими и иностранными лицами природных ресурсов на территории КНР.

Судебные решения, вынесенные за рубежом по любой из указанных категорий дел, не будут признаваться или приводиться в исполнение в Китае.

Одной из особенностей последней редакции Гражданского процессуального кодекса Китая является стремление внести большую ясность в вопрос о возможности осуществления параллельных судебных разбирательств гражданских и торговых дел с иностранным участием в судах КНР и судебных учреждениях других государств.

Так, в соответствии со ст. 280 ГПК китайский суд может рассматривать дело по заявлению одной из сторон спора независимо от того, подала ли другая сторона по этому же делу иск в иностранный суд, если суд КНР обладает по нему юрисдикцией в соответствии с процессуальным законодательством Китая. Однако, если стороны заключили между собой соглашение о выборе органа по рассмотрению спора и определили в качестве него суд иностранного государства, не нарушив при этом положений ГПК об исключительной юрисдикции и не затронув суверенитет, безопасность и общественные интересы КНР, то китайский суд может вынести решение об отказе в принятии дела к производству, а если оно уже принято — об отклонении иска.

После принятия народным судом дела к своему производству в соответствии с указанной выше процедурой, он также имеет право по письменному заявлению одной из сторон вынести постановление о приостановлении судебного разбирательства в связи с тем, что дело находится на рассмотрении иностранного суда, за исключениями, предусмотренными в ст. 281 ГПК КНР. При этом, если иностранный суд не принимает необходимых мер для рассмотрения дела или не завершает его рассмотрение в разумный срок, народный суд возобновляет судебное разбиратель-

[20] Споры по другим аспектам прав интеллектуальной собственности не подпадают под исключительную юрисдикцию китайских судов.

ство по письменному заявлению сторон.

Еще одно правило, относящееся к возможности рассмотрения одного и того же дела с иностранным участием китайскими и зарубежными судами, заслуживает пристального внимания в рамках данной статьи. Речь идет о ситуации, когда народный суд КНР, принявший спор к рассмотрению, может вынести постановление об отклонении иска и уведомить истца о необходимости его подачи в более удобный иностранный суд. В соответствии с законодательством Китая такое развитие событий возможно, если ответчик по делу возражает против юрисдикции китайского суда на основании концепции *forum non conveniens*[21], получившей закрепление в ст. 282 ГПК КНР. Она предусматривает следующие пять оснований для ее использования, которые должны существовать одновременно.

Первое из них заключается в том, что основные факты спора по делу не должны иметь места на территории КНР, и поэтому очевидно, что китайским судам неудобно его рассматривать, а сторонам участвовать в разбирательстве. Неудобства для суда в данном случае могут включать, например, сложность поиска и установления содержания иностранного права, получения доступа к доказательствам и свидетелям, находящимся за границей, а для сторон — трудности с доступом к юридической помощи в чужой стране, получением визы, представлением документов на китайском языке и т.п.

Второе и третье основания предусматривают отсутствие в деле соглашения сторон о подчинении спора юрисдикции китайского суда, а также нарушений правил законодательства КНР об исключительной подсудности. Четвертое оговаривает, что спор не должен затрагивать суверенитет, безопасность и социальные, публичные интересы Китая. Здесь важно подчеркнуть, что последние сегодня не рассматриваются как затрагивающие частные интересы китайских лиц и организаций, которые ранее должны были защищаться в соответствии с принятыми разъяснениями Верховного суда КНР[22].

Наконец, пятый фактор, при наличии которого китайский суд может отказаться от рассмотрения принятого им ранее к производству гражданского или торгового дела с иностранным участием, состоит в том, что иностранному суду должно быть удобнее его рассматривать. При этом суд КНР не обязан устанавливать факт наличия у соответствующего иностранного суда юрисдикции в отношении этого дела.

Вместе с тем ГПК оговаривает, что если после отклонения иска китайским судом иностранный суд сам отказывается от осуществления юрисдикции, не предпринимает необходимых шагов для рассмотрения

[21] Forum non conveniens (лат. «неудобный форум») — это юридическая максима международного частного права, предусматривающая, что суды могут отказаться признавать свою юрисдикцию и рассматривать споры, если, по их мнению, имеется более подходящий доступный сторонам суд.

[22] Huang Jie (Jeanne). Op. cit. P. 218–219.

дела или не может завершить судебное разбирательство в течение разумного периода времени, то народный суд КНР может вновь принять его к рассмотрению, если заинтересованная сторона примет решение о повторной подаче иска. Это положение ст. 282 ГПК служит дополнительным средством правовой защиты прав истцов, которые не смогли добиться результата в судах иностранных государств в рамках процедуры *forum non conveniens*.

Народные суды Китая обладают также юрисдикцией в отношении признания и приведения в исполнение на территории КНР вступивших с законную силу решений судов иностранных государств, равно как и решений третейских (арбитражных) судов, вынесенных за пределами Китая[23]. В этих целях заинтересованная сторона, в соответствии со ст. 298 и 304 ГПК, может обратиться в компетентный промежуточный народный суд[24] с просьбой о признании или исполнении такого решения. При этом суды КНР рассматривают подобные дела только в случаях, когда это предусмотрено соответствующими международными договорами с участием Китая или на основе принципа взаимности.

Законодательство КНР не содержит нормативного определения понятия «взаимность». Поэтому в данном случае следует опираться на ее понимание, выработанное китайской доктриной и судебной практикой, которые разделяют взаимность на фактическую и юридическую. Первая имеет место при наличии прецедентной практики, явно демонстрирующей признание и исполнение китайских судебных решений в соответствующем иностранном государстве в прошлом. В свою очередь, юридическая взаимность (взаимность *de jure*) может быть установлена как на основе анализа иностранного права, не предусматривающего каких-либо фактических или юридических препятствий для исполнения в данной стране решений китайских судов, так и в случаях существования взаимовыгодного понимания или консенсуса между Китаем и зарубежным государством по этому вопросу, оформленных специальными меморандумами или политическими заявлениями. Взаимность *de jure* также может быть установлена, если иностранное государство приняло на себя по дипломатическим каналам соответствующее обязательство перед Китаем или, наоборот, нет никаких доказательств, позволяющих предположить, что иностранное государство отказалось признавать и исполнять решения китайских судов на том основании, что взаимности нет[25].

В заключение отметим, что для правильного определения юрисдик-

[23] Подробное рассмотрение юридического содержания процедуры признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей в КНР выходит за пределы содержания настоящей статьи.

[24] Суд является компетентным, если в пределах его юрисдикции находится лицо, против которого было вынесено решение, или его имущество. В случае, если такое лицо(объект) проживает(находится) за пределами КНР, то заинтересованная сторона может обратиться в народный суд промежуточной инстанции по месту жительства заявителя или по месту, имеющему соответствующую связь с рассматриваемым спором.

[25] Huang Jie (Jeanne). Op. cit. P. 226–229.

ции народных судов Китая в отношении гражданских и торговых споров с иностранным участием важное значение имеют не только рассмотренные выше характеристики их территориальной подсудности, но и ряд дополнительных нормативных требований, определяющих юрисдикцию в этой области судов различных видов и уровней. Они нашли закрепление в упомянутых выше разъяснениях Верховного суда КНР 2001 и 2022 гг., которые развивают положения ст. 18–21 Гражданского процессуального кодекса Китая, содержащих базовые принципы определения юрисдикции народных судов в зависимости от их места в судебной системе КНР.

Так, в ст. 1 Разъяснений 2001 г. было определено, что в качестве первой инстанции по рассмотрению гражданских и торговых споров с иностранным участием должны выступать, в частности, народные суды промежуточной инстанции, включая промежуточные суды особых экономических зон и городов специального государственного планирования, а также народные суды зон экономического и технологического развития.

Речь в данном случае шла о рассмотрении споров, касающихся: 1) контрактов с иностранным участием и деликтных споров; 2) споров по аккредитивам; 3) дел об отмене, признании и приведении в исполнение решений международных арбитражей; 4) действительности арбитражных оговорок; 5) дел о признании и приведении в исполнение решений и определений иностранных судов (ст. 3).

Новым Разъяснением ВНС 2022 г. указанные правила были в значительной степени пересмотрены и(или) уточнены. В соответствии с ними правом по рассмотрению гражданских и торговых споров с иностранным участием стали обладать народные суды низшего уровня (ст. 1), а планка участия в этом процессе промежуточных судов была значительно повышена. К их юрисдикции были отнесены споры с крупными суммами исков, минимальный размер которых различался в зависимости от провинции, города или округа, в которых функционируют такие суды[26]; сложные дела и дела с большим количеством участников; а также споры, которые могут оказать существенное влияние на ситуацию в пределах территориального действия юрисдикции данного промежуточного суда (ст. 2).

Верховный народный суд также может выступать в качестве суда первой инстанции по рассмотрению споров с иностранным участием с суммой иска от 5 млрд юаней, равно как и других дел, имеющих существенное значение в пределах его юрисдикции (ст. 3). Он также вправе, исходя из фактической ситуации, самостоятельно определить один или несколько народных судов низшего или промежуточного уровня для рассмотрения споров с иностранным участием в качестве судов первой инстанции (ст. 4).

[26] Например, промежуточные суды Пекина, Тяньзиня, Шанхая или Чунцина могут рассматривать в качестве первой инстанции споры с суммой иска от 40 млн юаней, а Ляонина, Хэйлунцзяна и Тибета – от 20 млн юаней.

Указанные выше положения не распространяются на случаи рассмотрения споров с иностранным участием в области морской коммерческой деятельности, интеллектуальной собственности, возмещения ущерба окружающей среде и гражданско-правовых споров публичного характера. В этих случаях подлежат применению специальные положения законодательства КНР, касающиеся деятельности специализированных судов или особых процедур рассмотрения споров народными судами Китая.

Завершая общую характеристику содержания разъяснений ВНС 2001 и 2022 гг., важно подчеркнуть, что их положения применяются *mutatis mutandis* к гражданским и торговым делам с иностранным участием, касающимся специальных административных районов Гонконг, Макао и региона Тайвань.

Такова общая характеристика китайского законодательства о подсудности народным судам КНР гражданских и торговых споров с иностранным участием. Его анализ свидетельствует о стремлении Китая достигнуть оптимальной гармонии китайских нормативных актов и международных договоров, принятых в этой области в рамках международного частного права. Подтверждением этому могут, в частности, служить появление в редакции китайского ГПК 2023 г. категории «соответствующей связи» рассматриваемых споров с КНР, детализация в нем порядка осуществления процедуры *forum non conveniens*, а также возможность исполнения в Китае решений иностранных судов и арбитражей на основе фактической и юридической взаимности.

При этом можно сказать, что в целом изменения, произошедшие в китайском праве в сфере определения подсудности, «направлены на повышение эффективности гражданских и торговых разбирательств с иностранным участием», а также на «лучшую защиту законных прав истцов и надежную защиту суверенитета, безопасности и интересов развития Китая»[27]. Представляется, что в этом направлении оно будет развиваться и впредь.

[27] Amendments to Civil Procedure Law come into effect on Jan 1. URL: http://en.moj.gov.cn/2023-09/01/c_915604.htm

Литература

1. Бажанов П.В. Совершенствование системы разрешения гражданских и коммерческих споров в Китайской Народной Республике / П.В. Бажанов // Актуальные проблемы развития законодательства Китайской Народной Республики : монография / ответственный редактор О.О. Базина. Москва : Проспект, 2024. С. 277–290.
2. Быков А.В. Актуальные проблемы международного коммерческого арбитража в Китае / А.В. Быков // Актуальные проблемы развития законодательства Китайской Народной республики : монография / ответственный редактор О.О. Базина. Москва: Проспект, 2024. С. 321–346.
3. Гаврилов В.В. Действие норм международного права в правовой системе Китайской Народной Республики / В.В. Гаврилов // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 11. С. 138–151. DOI:10.61205/jrp.2024.11.2
4. Трощинский П.В. Правовая система Китая : монография / П.В. Трощинский. Москва : ИДВ РАН, 2016. 472 с.

5. Фоков А.П. Судебные разъяснения Верховного Народного суда Китая с учетом положений нового Гражданского кодекса КНР / А.П. Фоков // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 5. С. 191–196.
6. Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law / J. Huang // Netherlands International Law Review. 2023. Vol. 70. P. 205–249. DOI:10.1007/s40802-023-00243-3
7. Tu Guangjian. Private International Law in China / Tu Guangjian. Singapore : Springer, 2016. 192 p.

References

1. Bazhanov P.V. Sovershenstvovanie sistemy` razresheniya grazhdanskikh i kommercheskikh sporov v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Improvement of the System of Resolution of Civil and Commercial Disputes in the People's Republic of China] / P.V. Bazhanov // Aktualny`e problemy` razvitiya zakonodatelstva Kitayskoy Narodnoy Respubliki : monografiya / otvetstvenny`y redaktor O.O. Bazina. Moskva : Prospekt — Relevant Problems of Development of Laws of the People's Republic of China : monograph / publishing editor O.O. Bazina. Moscow : Prospect, 2024. S. 277–290.
2. Bykov A.V. Aktualny`e problemy` mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha v Kitae [Relevant Problems of International Commercial Arbitration in China] / A.V. Bykov // Aktualny`e problemy` razvitiya zakonodatelstva Kitayskoy Narodnoy respubliki : monografiya / otvetstvenny`y redaktor O.O. Bazina. Moskva : Prospekt — Relevant Problems of Development of Laws of the People's Republic of China : monograph / publishing editor O.O. Bazina. Moscow : Prospect, 2024. S. 321–346.
3. Gavrilov V.V. Deystvie norm mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The Effect of International Legal Provisions in the Legal System of the People's Republic of China] / V.V. Gavrilov // Zhurnal rossiyskogo prava. 2024. T. 28 — Russian Law Journal. 2024. Vol. 28. № 11. S. 138–151. DOI:10.61205/jrp.2024.11.2
4. Troschinsky P.V. Pravovaya sistema Kitaya : monografiya [The Legal System of China : monograph] / P.V. Troschinsky. Moskva : IDV RAN — Moscow : IFES RAS, 2016. 472 s.
5. Fokov A.P. Sudebny`e razyasneniya Verkhovnogo Narodnogo suda Kitaya s uchetom polozheniy novogo Grazhdanskogo kodeksa KNR [Judicial Explanations of the Supreme People's Court of China Considering the Provisions of the New Civil Code of the PRC] / A.P. Fokov // Problemy` ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2020. T. 16 — Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. 16. № 5. S. 191–196.
6. Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law / J. Huang // Netherlands International Law Review. 2023. Vol. 70. S. 205–249. DOI:10.1007/s40802-023-00243-3
7. Tu Guangjian. Private International Law in China / Tu Guangjian. Singapore : Springer, 2016. 192 s.

Приглашаем к сотрудничеству по тематическим номерам!

Издательская группа «Юрист» успешно взаимодействует с ведущими вузами различных городов России по изданию тематических номеров, посвященных важным событиям и датам в профессиональной деятельности вузов, факультетов и кафедр.

Если вы желаете издать тематический номер, включающий статьи профессорско-преподавательского состава вашей кафедры, пишите нам на адрес: avtor@lawinfo.ru и мы будем рады сотрудничеству!

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-54-65
Поступила в редакцию: 26.12.2024. Принята к публикации: 29.03.2025.

Достойный уровень жизни в эпоху цифровизации: новые стандарты и вызовы

Таева Наталья Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
netaeva@msal.ru

В статье проанализированы доктринальные, международные и национальные законодательные подходы к содержанию понятия «достойный уровень жизни». На основе данного анализа автор приходит к выводу, что конституционное право на достойный уровень жизни на современном этапе следует рассматривать достаточно широко, включая в его содержание не только минимальные стандарты основных человеческих потребностей (пища, жилье, одежда), но и ряд социокультурных и духовных благ (доступ к культурным и духовным ценностям). Сделан вывод о том, что развитие информационных технологий усложняет формы и методы реализации социальной функции государства, а также приводит к новому пониманию ее содержания. Следствием этого должно стать концептуально новое понимание категории «достойный уровень жизни» и критериев, ее характеризующих. В число таких критериев объективно включаются блага, связанные с применением новых технологий в информационной среде. Данная правовая категория должна пониматься с учетом уровня развития современных информационных технологий, доступ к которым, а также информационную безопасность человека следует включать в ее содержание.

Ключевые слова: достойный уровень жизни, достойная жизнь, конституция, социальное государство, право, право на жизнь, цифровизация, информационные технологии.

Одной из целей, достижению которых призвана способствовать реализация конституционного принципа социального государства, является направленность его политики на обеспечение достойного уровня жизни каждому человеку. Данная конституционная аксиома неизбежно ставит проблему понимания и юридического наполнения категорий «достойная жизнь» или «достойный уровень жизни», «достаточный уровень жизни»[1], и в первую очередь в контексте тех требований, которые предъявляются к деятельности современного социального государства.

Изначально стандарты достойной жизни находят свое отражение в актах международного характера, что, безусловно, свидетельствует об их универсальной правовой природе, не связанной с социально-экономическими и политическими

[1] Следует отметить, что в научной литературе эти понятия далеко не всегда отождествляются. См., напр.: Гуцко П.А. Достойный уровень жизни как цель социального государства // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2022. № 1. Т. 12. С. 6–13.

особенностями отдельно взятого государства. В статье 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[2] достойная жизнь характеризуется достижением такого жизненного уровня, при котором человек получает минимально необходимые для обеспечения его жизнедеятельности блага: пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание, позволяющие поддерживать здоровье и жизнь человека. Несколько иной ракурс прослеживается в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах[3], где в ст. 11 речь уже идет не просто о достойной жизни, но признается право каждого на достаточный жизненный уровень, а именно достаточное питание, воду, одежду и жилище (то есть установлен некий минимальный стандарт потребления, характеризующийся «достаточностью»). Кроме того, с тем чтобы приблизить показатель фактического уровня потребления к установленным стандартам, пакт включает в это понятие возможности человека, направленные на непрерывное улучшение условий его жизни, а также гарантии помощи государства в случае безработицы, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от человека обстоятельствам. Помимо актов общего характера, международное регулирование достойного уровня жизни и его правового наполнения присутствует и в отношении отдельных субъектов. Это, например, дети[4], инвалиды[5], пожилые люди[6] и др.

В целом, следует подчеркнуть, что положения названных выше международных актов не просто нашли отражение на законодательном уровне в Российской Федерации, но и существенно активизировали национальное нормотворчество в данной сфере.

В России категория «достойная жизнь» юридически была закреплена еще до принятия Конституции РФ 1993 г. В пункте 4 Декларации о государственном суверенитете[7] определялось, что одной из высших целей провозглашения суверенитета является обеспечение каждому неотъемлемого права на достойную жизнь и свободное развитие. Действующая Конституция РФ, закрепляя в ст. 7 в качестве одной из основ конституционного строя принцип социального государства, определяет его

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

[3] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. № 17. Ст. 291.

[4] Конвенция о правах ребенка (заключена 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[5] Декларация о правах инвалидов (принята 09.12.1975 Резолюцией 3447 (XXX) на 2433-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

[6] Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей (приняты 16.12.1991 Резолюцией 46/91 на 74-м пленарном заседании 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml

[7] Декларация СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

главную функцию — создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В данном контексте обеспечение условий для достойной жизни следует понимать не как индивидуальную траекторию жизни каждого человека, а как функцию государства, направленность его внутренней политики. При этом государство призвано обеспечить достойный уровень жизни как каждого отдельно взятого человека, так и общества в целом. Аналогичный смысловой оттенок имеет понятие «достойный» в тексте ст. 72 (п. ж. 1), согласно которому в числе предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов названо «создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях».

Одна из конституционных новелл 2020 г. — ст. 75.1 Конституции РФ, не используя категорию «достойная жизнь», имеет, на наш взгляд, прямое к ней отношение. Здесь закрепляется гарантированность защиты достоинства граждан и уважения человека труда, сказано о необходимости создания в российском государстве условий для повышения благосостояния граждан, об обязанности государства обеспечивать баланс прав и обязанностей гражданина. Из текста данной статьи очевидно, что мы имеем дело с развитием и конкретизацией юридического содержания принципа социального государства, основная цель которого состоит в обеспечении каждому условий для достойной жизни.

Категория «достойная жизнь» фигурирует и в текущем российском законодательстве социальной направленности. В большинстве случаев законодатель говорит о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь, как одной из важнейших задач, стоящих перед государством[8].

В доктрине не сложилось единого подхода к пониманию тех критериев, которые характеризуют понятие «достойный уровень жизни». Безусловно, необходимо различать категории «достойная жизнь» и «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь». И если в первом случае следует называть стандарты (индикаторы), которые характеризуют жизнь человека как достойную, то создание условий, обеспечивающих реализацию этих стандартов, является прежде всего обязанностью государства. Это проявление его социальной функции. В содержание категории «достойная жизнь» либо «достойный уровень жизни» ученые, как правило, включают два основных параметра. Во-первых, это обладание неким минимумом материальных благ, наличие средств к суще-

[8] См., напр.: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СЗ РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 19; Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168; Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755; Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ 2 «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ.1996. № 3. Ст. 148.

ствованию. Во-вторых, это в том числе и социальные блага, доступ к культурным ценностям, право на культурное развитие и образование, право на духовное совершенствование. В частности, А.А. Крикунова называет эти два подхода узким и широким[9]. Указанные подходы обусловили и существующий в науке терминологический спор. Ученые, придерживающиеся узкого подхода, связывают категорию «достойная жизнь человека» исключительно с реализацией социальной функции государства и фактически отождествляют ее с тем содержанием, которое представлено в международных актах — с пониманием ее как «достаточного уровня жизни». Понятию же «достойный уровень жизни» коррелирует широкий подход. Так, по мнению В.Е. Чиркина, государство путем проведения социальной политики должно решить задачу создания каждому комплекса социальных благ, которые позволят удовлетворять минимально необходимые биологические, материальные, социальные, духовные потребности человека[10]. А.А. Ковалев утверждает, что достаточный уровень жизни следует понимать как некий стандарт, оптимально возможный уровень потребления человеком средств к существованию и услуг, который напрямую связан со спецификой деятельности человека и количеством затрачиваемой им энергии[11]. В.В. Красинский считает, что ориентирами и показателями социального государства, которое обеспечивает достойный уровень жизни населения, являются валовой внутренний продукт на душу населения, уровень безработицы, уровень доходов, а также материальные блага и услуги, состояние окружающей среды и др.[12].

Представитель широкого подхода И.С. Салихова считает, что рассмотрение права человека на достойную жизнь исключительно в контексте социально-экономических прав личности значительно обедняет его содержание и даже саму идею прав человека, так как сводит достойную жизнь лишь к количественным характеристикам (например, потребительская корзина, прожиточный минимум и проч.). Под достойной жизнью, по ее мнению, необходимо понимать условия, способствующие развитию человеческогопотенциала, самореализации человека[13]. По мнению М.В. Саудаханова, достойная жизнь — сложное полиморфное явление, которое включает духовно-культурное развитие, самореализацию и защищен-

[9] Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / под общ. ред. Ф.М. Рудинского. М., 2009. С. 198.

[10] Чиркин В.Е. О некоторых правовых критериях социального государства // Россия как социальное государство: конституционная модель и реальность. М., 2007. С. 64–65.

[11] Ковалев А.А. Международная защита прав человека : учебное пособие. М. : Статут, 2013. С. 64.

[12] Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : монография. М. : Норма, ИНФРА-М, 2017. С. 170.

[13] Салихова И.С. Право человека на достойную жизнь как юридическая категория. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-cheloveka-na-dostoynuyu-zhizn-kak-yuridicheskaya-kategoriya (дата обращения: 19.01.2025).

ность человека[14]. На аналогичном подходе настаивают Н.А. Яковенко[15], В.Н. Барсукова. В частности, с точки зрения В.Н. Барсуковой, человек, как биосоциальное существо, стремится реализовать одновременно и биологические, и социальные, и духовные потребности. Соответственно этому, по ее мнению, и понятие «достойная жизнь» должно включать три составляющих элемента: достойный уровень (связан с реализацией биологических потребностей), достойное качество (отражает социальные потребности личности) и достойный образ жизни (духовные потребности)[16].

Ряд ученых дополняют содержание исследуемой нами категории иными элементами. Так, по мнению Д.С. Велиевой, в понятие «достойный уровень жизни» необходимо включать экологическую составляющую (право на здоровую, благоприятную окружающую среду). Автор обосновывает свою позицию тем, что экологические факторы напрямую влияют не только на здоровье, но и на жизнь людей, на экономическое и социальное благополучие человека[17]. В унисон В.В. Невинский писал о том, что сущность права человека на достойную жизнь заключается не просто в возможности удовлетворения человеком своих природных и социальных потребностей — интеллектуального, физического и материального характера. По мнению ученого, очевидно, что достойный уровень существования человека должен быть ориентирован на высокотехнологичную и рациональную с точки зрения использования природных ресурсов деятельность человека, а также на справедливое распределение доходов от этой деятельности с целью недопущения чрезмерного социального расслоения общества[18].

Придерживаясь широкого подхода и понимая достойную жизнь как максимально комфортное существование граждан (включающее материальные и нематериальные блага), Е.В. Киричек высказывает мысль о том, что не может существовать «идеальной формулы достойной жизни» и ее понимание всегда будет связано с тем, в каком обществе проживает человек и какой уровень жизни в нем признается нормой[19]. Подобная позиция высказывается и другими учеными, в частности

[14] Саудаханов М.В. Человек и его право на достойную жизнь // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 46.

[15] Яковенко Н.А. Проблемы правовой квалификации права на достойный уровень жизни в российском и зарубежном законодательстве // Труды Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина МГЮА. 2021. № 2 (48). С. 102–107.

[16] Барсукова В.Н. Понятие и критерии достойной жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 134–135.

[17] Велиева Д.С. Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2(36). С. 80. См. также: Янаев В.В. Реализация конституционного права граждан на достойный уровень жизни в контексте реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду // Молодой ученый. 2023. № 39 (486). С. 132–135.

[18] Невинский В.В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 56–65.

[19] Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России — социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 37, 41.

Н.А. Яковенко[20]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением. Если говорить о достойной жизни в философском смысле, а также напрямую связывать ее с естественным правом на жизнь, то думается, что понимание достойной жизни носит некий общечеловеческий, универсальный характер и вряд ли человек, проживающий в государстве со слаборазвитой экономикой, имеет меньшие потребности. Суть в том, что государство может устанавливать либо соблюдать сверху некие минимальные стандарты, которые не всегда соответствуют минимальным потребностям граждан для их достойного существования. Так, говоря о зарождении взглядов на достойный уровень жизни человека, В.В. Невинский справедливо писал, что такие идеи имеют в своей основе понимание достоинства человека как одного из его природно-социальных качеств — качеств, отличающих человека от иных живых существ[21].

В практике Конституционного Суда РФ категория «достойная жизнь», с точки зрения критериев ее юридического содержания, во-первых, рассматривается достаточно широко и, во-вторых, выявлялась постепенно, по мере рассмотрения дел, так или иначе связанных с реализацией принципа социального государства. Так, Конституционный Суд РФ считает важным условием достойной жизни человека его стабильную занятость[22], возможность образования и самообразования человека, его доступ к культурным ценностям и возможность заниматься творческой деятельностью[23]. Одним из показателей достойной жизни суд называет в своих решениях обеспечение человеку права на охрану здоровья и медицинскую помощь[24].

При анализе категории «достойная жизнь» очевидно прослеживается ее связь с юридическим содержанием конституционного права на жизнь. Право на жизнь в таком случае не сводится только лишь к запрету произвольного лишения жизни человека, оно с юридической точки зрения включает еще и право на достойный уровень жизни, обеспечиваемый и поддерживаемый государством посредством гарантий реализации социально-экономических прав. Здесь весьма показательна позиция Комитета ООН по правам человека, заключившего, что в случае неспособности государства преодолеть нарушения прав граждан в социально-экономической сфере

[20] Яковенко Н.А. Указ. соч. С. 105.

[21] Невинский В.В. Указ. соч. С. 56–65.

[22] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2024 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Сергеева» // Российская газета. 2024. 29 ноября.

[23] Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Издательский дом “Фест Хэнд”» // СЗ РФ. 2024. № 27. Ст. 3916.

[24] Постановление Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2024. № 40. Ст. 6055.

побороть такие социальные явления, как голод, болезни, бездомность, это может рассматриваться как нарушение права на жизнь[25]. Помимо этого, Комитет ООН по правам человека определил достойную жизнь как доступ к нормальному и достаточному питанию, питьевой воде, доступность медицины, а также право на полноценный, свободный и здоровый образ жизни посредством реализации прав на труд, жилище, образование, культуру[26].

В целом, в научной литературе высказывается сожаление по поводу того, что на нормативном уровне «не сформировано четкое представление о том, что собой представляет достойная жизнь на современном этапе развития человечества, каковы ее критерии»[27], вплоть до идеи необходимости закрепления этих критериев в Конституции РФ[28]. Вместе с тем полагается, что нормативно закрепить раз и навсегда данные критерии, индикаторы либо иные содержательные элементы категории «достойная жизнь» не представляется возможным, в силу того, что развитие общественных отношений меняет ее юридическое содержание. Сегодня очевидно, что традиционное понимание «достойного уровня жизни» как права «для бедных, социально уязвимых слоев населения», которое включает воду, пищу, одежду и жилище как важнейшие социальные блага[29], да к тому же обусловлено экономическим уровнем государства проживания гражданина, является слишком узким и односторонним.

Понимание содержания конституционной категории «достойный уровень жизни» должно, безусловно, учитывать как изменение условий существования человека, так и изменение стандартов развитого общества. Между тем, представляется, что это некие объективные факторы, носящие универсальный характер. Так, учеными и ранее высказывались идеи о том, что достойная жизнь должна включать не просто возможность человека удовлетворять свои основные материальные и духовные потребности, но и возможности пользоваться благами современной цивилизации. К примеру, в начале 2000-х годов ученые к признакам «достойной жизни» начинают относить возможность иметь средства передвижения, современную бытовую технику, возможность пользоваться услугами предприятий сферы обслуживания, пользоваться культурными ценностями и иметь доступ не просто к пище, а получать рациональное и калорийное питание и др.[30].

[25] Пункт 81 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях, о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 г. A/HRC/35/23 // Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/

[26] Там же.

[27] Барсукова В.Н. Указ. соч. С. 131.

[28] Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Указ. соч. С. 218.

[29] Там же. С. 201–203.

[30] См., напр.: Липатова С. Конституционное право человека на достойную жизнь и достойное

Современность бросает новые вызовы исследователям данной юридической категории. И прежде всего это связано с тем, что на сегодняшний день все институты конституционного права ощущают на себе существенное влияние современных информационных технологий. Думается, можно говорить и об изменениях юридического содержания «достойного уровня жизни» в XXI в., в условиях, когда информация и уровень ее доступности кардинальным образом меняют экономические и социокультурные условия жизни граждан[31]. Сейчас мы наблюдаем не просто применение цифровых технологий в различных сферах жизни человека. Ученые констатируют факт цифровой трансформации общественной и государственной жизни, не просто количественные, но качественные, революционные ее изменения[32]. Цифровая трансформация затрагивает все сферы жизни общества. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование общества XXI в. можно рассматривать как революционный вызов, который ведет к формированию в нормативном и доктринальном поле новой концепции прав человека. Применительно к принципу социального государства и прав личности в социальной сфере ответ на этот вызов прослеживается в принятии документов стратегического значения как на международном, так и внутригосударственном уровнях. В частности, в соответствии с Окинавской хартией глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.)[33], информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) очевидно ведут к экономическому росту государств и, как следствие, повышению благосостояния граждан, а значит, позволяют каждому человеку шире использовать потенциал своего развития. Вместе с тем в хартии подчеркивается, что ИКТ усложняют реализацию социальной функции государства, предъявляя к ней значительно больше требований. Из этого следует, что и понимание «достойной жизни» как маркера социального государства также трансформируется. В хартии подчеркивается, что главной задачей государства в условиях цифровизации становится преодоление так называемого «электронно-цифрового разрыва», обеспечение каждому человеку доступа к ИКТ-сетям. Такой доступ, а также наличие у человека умений и навыков, с ним связанных, становится важным критерием (индикатором) достойной жизни. Далеко не все граждане имеют равный доступ к информации и технологиям. Как следствие, может возникнуть

ее завершение // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. М., 2006. № 99. С. 70.

31 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

32 Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

33 Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

существенный социальный разрыв, а доступ к Интернету становится важным фактором, определяющим уровень жизни человека и возможности его самореализации.

Какие же шаги должно предпринять государство для решения этой задачи, носящей глобальный характер. Государства, подписавшие Окинавскую хартию, обязуются: 1) использовать все возможности для обеспечения доступа граждан к использованию информационных технологий как в частном порядке, так и через учреждения публичного доступа (к примеру, библиотеки, компьютерные классы); 2) стремиться к обеспечению свободного доступа в Интернет из любого уголка страны (актуально для отдаленных районов и сельской местности); 3) сосредоточить внимание на возможностях в сфере применения ИКТ таких категорий лиц, как инвалиды, пожилые граждане; 4) содействовать распространению бесплатного и общедоступного Интернета.

В программе действий государств, заложенных хартией, присутствует прямая связь с цифровизацией государственного управления. Внедрение в деятельность государственных органов современных цифровых технологий обеспечивает не просто эффективную реализацию функций государства, но прежде всего должно быть направлено на улучшение жизни граждан, создание условий для достойного уровня жизни. Кроме того, внедрение новейших технологий способствует установлению обратной связи между гражданами и государством, позволяет в полной мере выявить потребности общества и через выявление этих потребностей целенаправленно воздействовать на социальную действительность.

Что касается российских документов перспективного характера, то следует назвать Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.[34], в которой применение ИТ-технологий рассматривается как способ повышения уровня жизни граждан. Согласно стратегии, для достижения этой цели необходимо решить задачи цифровизации сферы оказания медицинских услуг, образовательных услуг (в том числе путем развития дистанционного обучения), финансовых услуг, развития электронной демократии. Кроме того, перед государством стоят задачи совершенствования механизмов электронного взаимодействия граждан и органов публичной власти, а также повышения качества государственного управления через внедрение новых технологий.

Помимо «цифрового разрыва», современное цифровое общество сталкивается с множеством иных информационных вызовов, которые существенно влияют на качество и уровень жизни людей, что, в свою очередь, оказывает влияние на понимание стандартов достойного уровня жизни. Эти вызовы связаны с тем, как информация создается, распространяется и воспринимается человеком. К таким вызовам может

[34] Утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf

быть отнесена проблема дезинформации. В эпоху социальных сетей и мгновенной передачи данных ложные сведения могут достигать широкой аудитории за считаные минуты. Это, в свою очередь, может повлиять на общественное мнение, отразиться на социальном положении человека, на его душевном комфорте и на восприятии им своей жизни как соответствующей стандартам достойного уровня. Кроме того, дезинформация в интернет-пространстве затрудняет либо препятствует человеку в принятии обоснованных решений относительно его состояния здоровья, финансового положения и проч., что в конечном итоге также может снизить его уровень жизни.

Отдельно следует сказать о киберугрозах, которые становятся одним из значимых вызовов, влияющих на понимание уровня жизни как достойного. Утечки данных, хакерские атаки, мошенничество посредством интернет-сети также могут привести к финансовым и имущественным проблемам, создать психологические барьеры для самореализации и непосредственно сказаться на уровне жизни. В России на государственном уровне разработан федеральный проект «Информационная безопасность»[35] (включен в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации»), главная направленность которого — повышение уровня защищенности личности в информационной среде. При этом состояние защищенности личности от внутренних и внешних информационных угроз в проекте вытекает из понятия достойного уровня и качества жизни, поскольку, только имея такую защищенность, человек может в полной мере реализовать свои конституционные права и свободы. Наряду с указанным проектом Президентом РФ подписан указ, которым утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации[36], где информационная безопасность рассматривается как важнейший показатель достойного качества и уровня жизни граждан.

В заключение отметим, что развитие информационных технологий приводит к существенному усложнению форм и методов реализации социальной функции государства, а также к новому пониманию ее содержания. Образование в области цифровой грамотности, кибербезопасность и обеспечение равного доступа к новым технологиям могут стать ключевыми шагами для повышения качества и уровня жизни. Это приводит к концептуально новому пониманию категории «достойный уровень жизни», и прежде всего стандартов, ее характеризующих. В число таких стандартов объективно начинает входить доступ к благам, связанным с применением новых технологий в информационной среде.

[35] Утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 4 июня 2019 г. № 7 // «Цифровая экономика РФ» : Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

[36] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

Литература

1. Барсукова В.Н. Понятие и критерии достойной жизни / В.Н. Барсукова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 134–135.
2. Велиева Д.С. Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» / Д.С. Велиева // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2 (36). С. 74–83.
3. Гуцко П.А. Достойный уровень жизни как цель социального государства / П.А. Гуцко // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2022. Т. 12. № 1. С. 6–13.
4. Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России — социальном государстве / Е.В. Киричек // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 37–41.
5. Ковалев А.А. Международная защита прав человека : учебное пособие / А.А. Ковалев. Москва : Статут, 2013. 591 с.
6. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : монография / В.В. Красинский. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2017. 608 с.
7. Липатова С. Конституционное право человека на достойную жизнь и достойное ее завершение / С. Липатова // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2006. № 99. С. 70–80.
8. Невинский В.В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) / В.В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 56–65.
9. Салихова И.С. Право человека на достойную жизнь как юридическая категория / И.С. Салихова // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 129–133.
10. Саудаханов М.В. Человек и его право на достойную жизнь / М.В. Саудаханов // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 44–46.
11. Чиркин В.Е. О некоторых правовых критериях социального государства / В.Е. Чиркин // Россия как социальное государство: конституционная модель и реальность : сборник материалов / под общей редакцией Е.И. Колюшина, А.А. Нелюбина. Москва : Издательство Совета Федерации, 2007. С. 55–67.
12. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Ф.М. Рудинский, Ю.В. Гаврилова, А.А. Крикунова, Т.А. Сошникова ; под общей редакцией Ф.М. Рудинского. Москва : Права человека, 2009. 495 с.
13. Яковенко Н.А. Проблемы правовой квалификации права на достойный уровень жизни в российском и зарубежном законодательстве / Н.А. Яковенко // Труды Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина МГЮА. 2021. № 2 (48). С. 102–107.
14. Янаев В.В. Реализация конституционного права граждан на достойный уровень жизни в контексте реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду / В.В. Янаев // Молодой ученый. 2023. № 39 (486). С. 132–135.

References

1. Barsukova V.N. Ponyatie i kriterii dostoynoy zhizni [The Concept and Criteria of a Decent Life] / V.N. Barsukova // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii — Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. № 4 (111). S. 134–135.
2. Velieva D.S. Problemy` konstitutsionnoy kontseptualizatsii ponyatiya ‘dostoynaya zhizn’ [Problems of Constitutional Conceptualization of the Concept of a Decent Life] / D.S. Velieva // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal — Leningrad Law Journal. 2014. № 2 (36). S. 74–83.
3. Gutsko P.A. Dostoyny`y uroven zhizni kak tsel sotsialnogo gosudarstva [A Decent Level of Life as a Goal of a Social Welfare State] / P.A. Gutsko // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly`. Seriya 4 : Pravovedenie. 2022. T. 12 — Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4 : Legal Studies. 2022. Vol. 12. № 1. S. 6–13.
4. Kirichek E.V. Konstitutsionnaya paradigma dostoynoy zhizni v Rossii — sotsialnom gosudarstve [The Constitutional Paradigm of a Decent Life in Russia as a Social Welfare State] /

E.V. Kirichek // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2023. № 7. S. 37–41.
5. Kovalev A.A. Mezhdunarodnaya zaschita prav cheloveka : uchebnoe posobie [International Protection of Human Rights : textbook] / A.A. Kovalev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2013. 591 s.
6. Krasinsky V.V. Zaschita gosudarstvennogo suvereniteta : monografiya [Protection of State Sovereignty : monograph] / V.V. Krasinsky. Moskva : Norma, INFRA-M — Moscow : Norm, INFRA-M, 2017. 608 s.
7. Lipatova S. Konstitutsionnoe pravo cheloveka na dostoynuyu zhizn i dostoynoe ee zavershenie [The Constitutional Human Right to a Decent Life and a Decent End of It] / S. Lipatova // Pravo i zhizn. Nezavisimy`y pravovoy zhurnal — Law and Life. Independent Legal Journal. 2006. № 99. S. 70–80.
8. Nevinsky V.V. Pravo cheloveka na dostoynuyu zhizn v sisteme konstitutsionny`kh tsennostey Rossii (ne vzyaty`y rubezh postsovetskoy istorii) [The Human Right to a Decent Life in the System of Constitutional Values of Russia (an Uncrossed Barrier of the Post-Soviet History)] / V.V. Nevinsky // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2018. № 12. S. 56–65.
9. Salikhova I.S. Pravo cheloveka na dostoynuyu zhizn kak yuridicheskaya kategoriya [The Human Right to a Decent Life as a Legal Category] / I.S. Salikhova // Probely` v rossiyskom zakonodatelstve — Gaps in Russian Laws. 2009. № 4. S. 129–133.
10. Saudakhanov M.V. Chelovek i ego pravo na dostoynuyu zhizn [A Man and Human Right to a Decent Life] / M.V. Saudakhanov // Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e kadry` — Education. Science. Scientific Personnel. 2019. № 3. S. 44–46.
11. Chirkin V.E. O nekotory`kh pravovy`kh kriteriyakh sotsialnogo gosudarstva [On Some Legal Criteria of a Social Welfare State] / V.E. Chirkin // Rossiya kak sotsialnoe gosudarstvo: konstitutsionnaya model i realnost : sbornik materialov / pod obschey redaktsiey E.I. Kolyushina, A.A. Nelyubina. Moskva : Izdatelstvo Soveta Federatsii — Russia as a Social Welfare State: The Constitutional Model and Reality : collection of materials / under the general editorship of E.I. Kolyushin, A.A. Nelyubin. Moscow : Publishing house of the Federation Council, 2007. S. 55–67.
12. Ekonomicheskie i sotsialny`e prava cheloveka i grazhdanina: sovremenny`e problemy` teorii i praktiki [Human and Civil Economic and Social Rights: Modern Problems of Theory and Practice] / F.M. Rudinsky, Yu.V. Gavrilova, A.A. Krikunova, T.A. Soshnikova ; pod obschey redaktsiey F.M. Rudinskogo. Moskva : Prava cheloveka — under the general editorship of F.M. Rudinsky. Moscow : Human Rights, 2009. 495 s.
13. Yakovenko N.A. Problemy` pravovoy kvalifikatsii prava na dostoyny`y uroven zhizni v rossiyskom i zarubezhnom zakonodatelstve [Problems of the Legal Qualification of the Right to a Decent Level of Life in Russian and Foreign Laws] / N.A. Yakovenko // Trudy` Orenburgskogo instituta (filiala) Universiteta imeni O.E. Kutafina MGYUA — Works of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. № 2 (48). S. 102–107.
14. Yanaev V.V. Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan na dostoyny`y uroven zhizni v kontekste realizatsii konstitutsionnogo prava na blagopriyatnuyu okruzhayuschuyu sredu [Exercising of the Constitutional Human Right to a Decent Level of Life Within the Framework of Exercising of the Constitutional Right to a Favorable Environment] / V.V. Yanaev // Molodoy ucheny`y — Young Scientist. 2023. № 39 (486). S. 132–135.

Чтобы в режиме реального времени получить информацию
о статусе статьи, необходимо отправить с Вашего электронного адреса
письмо на autor-rq@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-66-73
Поступила в редакцию: 21.02.2025. Принята к публикации: 25.03.2025.

Конституционный контроль в Финляндии и его особенности

Ракитская Инна Александровна,
доцент кафедры конституционного права
Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
inna_rakitskaya@hotmail.com

Статья посвящена особенностям института конституционного контроля в Финляндии. Автор рассматривает весьма самобытную модель конституционного контроля (гибридную), сочетающую в себе элементы как политической, так и судебной модели конституционного контроля в этой североевропейской стране. Особое место уделяется анализу деятельности Конституционной комиссии финляндского парламента (Эдускунты), наделенного правом осуществлять предварительный консультативный конституционный контроль в отношении законопроектов, обсуждаемых в палате; подчеркивается ее особый статус, значительно отличающийся от статуса и порядка организации иных комиссий Эдускунты. Статья написана на основе анализа действующего финляндского законодательства и парламентской практики.

Ключевые слова: конституционный контроль в Финляндии, судебный конституционный контроль, предварительный конституционный контроль, последующий конституционный контроль, политическая модель конституционного контроля, парламент Финляндии, Конституционная комиссия Эдускунты.

Зарождение в Финляндии института конституционного контроля связано с признанием за ее высшим представительным органом контрольных функций[1] . Это произошло в 1906 г., когда был принят учредительный документ — Органический закон о Сейме, или Сеймовый устав (фин.: *Valtiopäiväjärjestys*, шв.: *Lantdagsordningen*), при этом сама Финляндия являлась частью территории Российской империи, входила в ее состав на правах автономного княжества. Сеймовый устав наделял представительный орган Финляндии (Сейм) не только законодательными, но и контрольными полномочиями. Финский исследователь Вели-Пекки Хаутамэки объясняет возникновение в Финляндии политической (парламентской) модели конституционного контроля ранее судебной тем, что в период вхождения Финляндии в состав Российской империи судьи назначались российским государем, что, по мнению финнов, влияло на ограничение автономных прав и суверенитета Финляндии[2]. В этой связи Сей-

[1] Парламентский контроль в Российской Федерации и в зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации : коллективная монография. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. С. 285–286.

[2] Hautamäki V.-P. Reasons for saying: no thanks! Analysing the Discussion about the Necessity of a Constitutional Court in Sweden and Finland // Electronic Journal of Comparative Law. June 2006.

мовый устав не закреплял за судьями право проверять на соответствие этому акту законы, принятые финляндским представительным органом. Исторические предпосылки укоренения превентивного конституционного контроля в конституционно-правовой системе Финляндии признает также П. Кастари[3].

Ввиду использования политической модели конституционного контроля зарубежными исследователями вводится понятие «политического конституционализма», которое противопоставляется так называемому «юридическому конституционализму», предполагающему, среди прочего, судебную форму конституционного контроля[4].

В Финляндии, как и в других странах Северной Европы, в 70-х гг. XX в. обсуждался вопрос об учреждении отдельных конституционных судов. В стране был создан специальный парламентский комитет, который в 1970 г. рассматривал вопросы конституционного значения. Одним из этих вопросов был вопрос об учреждении конституционного суда, который был бы наделен полномочием по осуществлению *последующего* конституционного контроля. Члены комитета единогласно высказались за введение в стране последующего (*ex post*) конституционного контроля, но вот форма его реализации вызвала жаркие споры. Большинство членов комитета высказывались все-таки против учреждения конституционного суда, обосновывая свою позицию тем, что это может привести к ограничению власти парламента. Они предлагали наделить правом осуществления последующего конституционного контроля Конституционную комиссию парламента (Эдускунты). Конституционный суд же рассматривался членами комитета как политический орган, которому грозит стать ареной политической борьбы. Меньшинство членов созданного специального комитета полагали проблематичным наделение Конституционной комиссии Эдускунты правом осуществления последующего конституционного контроля. Одним из аргументов в поддержку создания конституционного суда выступала необходимость учреждения в Финляндии особого органа по защите конституционных прав и свобод.

Планы по осуществлению полной конституционной реформы в Финляндии в 1970 г. провалились вследствие политических противоречий. Вопрос об учреждении в стране конституционного суда, а равно и другие вопросы конституционного значения, были отложены до следующей реформы, которая состоялась в 1990-х годах. В ходе этой реформы и конституционные эксперты, и члены специального комитета Эдускунты, и члены финляндского правительства также не поддержали идею создания в стране конституционного суда, обосно-

Vol. 10.1. P. 4. URL: htpp://www.ejcl.org (дата обращения: 27.02.2025).

3 Kastari P. The Historical Background of Finnish Constitutional Ideas // Scandinavian Studies in Law 1963. № 7. P. 61.

4 Husa J. Locking in Constitutionality Control in Finland // European Constitutional Law Review. 2020. № 16 (2). P. 249.

вывая свою позицию в целом тем, что данный орган неизвестен правовой системе Финляндии и его деятельность не увенчается успехом. В конце концов, сошлись на том, что наиболее удачной моделью конституционного контроля является осуществление предварительного контроля Конституционной комиссией Эдускунты[5].

Стоит отметить, что среди причин, послуживших основанием для отказа от идеи создания конституционных судов во всех странах Северной Европы, были, во-первых, опасения по возникновению проблем, связанных с реализацией принципа разделения властей и ослаблением роли парламентов; во-вторых, опасения наделения конституционных судов политической властью; в-третьих, возможная угроза принципу демократии ввиду особого порядка формирования конституционных судов; в-четвертых, отсутствие достаточного количества дел для рассмотрения в них[6].

В Финляндии, как и в соседней Швеции, на настоящий момент сложилась так называемая *гибридная* (*смешанная*) модель конституционного контроля[7], однако формы ее реализации отличаются в двух странах.

В Финляндии предварительный (*ex ante*) конституционный контроль осуществляет внутренний рабочий орган парламента — ***Конституционная комиссия*** Эдускунты (фин.: *Perustuslakivaliokunnan,* шв.: *Grundlagsutskottet*), которая дает заключения о конституционности проектов законов, а также об их соответствии международным документам о правах человека. В то же самое время после конституционной реформы 1999 г. в конституционно-правовой системе появился институт последующего (*ex post*) конституционного контроля, который реализуется судами. Он вытекает из § 106 Конституции 1999 г., предусматривающей, что, если при применении законодательных норм в рассматриваемом судом деле будет обнаружено противоречие Основному закону, суд обязан применять нормы Основного закона. Конституция в § 107 регулирует ограничение права на применение норм подзаконных актов в случае их противоречия Конституции или какому-либо закону: «Если предписания указа или какого-либо иного подзаконного акта противоречат Основному закону или какому-либо иному закону, то они не могут применяться судом или каким-либо иным государственным органом»[8].

В Финляндии до конституционной реформы 1999 г. институт последующего конституционного контроля вообще отсутствовал. Полномочиями по осуществлению конституционного контроля была наделена исключительно Консти-

[5] Hautamäki V.-P. Reasons for saying: no thanks! Analysing the Discussion about the Necessity of a Constitutional Court in Sweden and Finland. // Ibid. P. 9. URL: htpp://www.ejcl.org (дата обращения: 27.02.2025).

[6] Ibid. P. 4.

[7] Ракитская И.А. Гибридная модель конституционного контроля в Швеции // Журнал конституционного правосудия. 2024. № 4 (98). С. 15–19.

[8] Конституция Финляндии 1999 г. URL: https://www.finlex.fi/sv/laki/ajantasa/1999/19990731 (дата обращения: 27.02.2025).

туционная комиссия, статус которой заметно отличается от статуса других постоянных парламентских комиссий. С одной стороны, как и другие парламентские постоянные комиссии, она состоит из депутатов Эдускунты и в этой связи представляет собой политический орган. С другой стороны, ее заключения основываются на мнениях конституционных экспертов, в качестве которых зачастую выступают профессора права. Принятие решений комиссией на основе заключений высококвалифицированных и авторитетных экспертов-юристов призвано придать деятельности этого органа более правовой характер. Согласно сложившейся парламентской практике, депутаты, входящие в состав Конституционной комиссии, воздерживаются от своей политической принадлежности, поскольку она препятствует беспристрастному принятию решений. Обязательная юридическая сила решений Конституционной комиссии формально не закреплена. В то же самое время финскими исследователями высказывается точка зрения о том, что таким решениям принято следовать ввиду сложившегося конституционного обычая, а легитимность и авторитет Конституционной комиссии напрямую зависят от качества принимаемых ею решений[9].

Кроме того, заключения Конституционной комиссии отличаются от заключений и отчетов, подготавливаемых иными парламентскими комиссиями. Они, по сути, являются конституционными прецедентами, при этом сама Комиссия своими решениями не связана. Статус экспертов Конституционной комиссии законодательно не регламентирован, об их роли не упоминается ни в Конституции Финляндии, ни в регламенте парламента. Хотя Конституционная комиссия Эдускунты является внутренним рабочим органом парламента, но обсуждения, происходящие на ее заседаниях, не имеют ничего общего с обычной парламентской процедурой. Конституционная комиссия созывается в случае, если возникает вопрос о конституционности законопроекта. При этом сама Комиссия Эдускунты не превратилась в инструмент политической оппозиции. Инициатива проверки на конституционность законопроекта редко вызывает политические противоречия. Заключение о конституционности законопроекта, подготавливаемое членами комиссии, адресуется всему парламенту. При этом весьма примечательно, что палата вправе преодолеть решение Конституционной комиссии путем принятия законопроекта, признанного Конституционной комиссией неконституционным, *квалифицированным большинством* членов всей палаты, требуемым для пересмотра всей Конституции страны. Такие случаи нечасты, но все же встречаются в парламентской практике страны. Одним из последних резонансных событий стало одобрение в июле 2024 г. пятью шестыми депутатами

[9] Sormunen M. Politicizing Constitutional Review. The Case of the Finnish Pushback Law. URL: https://verfassungsblog.de/politicizing-constitutional-review/ (дата обращения: 27.02.2025).

Эдускунты Закона № 482/2024 о временных мерах, направленных на борьбу с миграцией[10], согласно которому пограничным службам на отдельных участках государственной границы Финляндии разрешается отклонять заявления о предоставлении международной защиты, за исключением соответствующих заявлений от лиц, которые считаются уязвимыми или в отношении которых существует предположение, что они будут подвергнуты бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению в случае их возвращения в родную страну. Закон был поддержан квалифицированным большинством депутатов, несмотря на тот факт, что все правовые эксперты, входящие в Конституционную комиссию, признали проект этого закона противоречащим Конституции, нормам европейского права и международным обязательствам страны по соблюдению прав человека. В итоговом заявлении по данному делу № 29/2024 от 5 июля 2024 г. Конституционная комиссия сформулировала свою позицию следующим образом: «Когда суверенитет и безопасность правового государства находятся под серьезной угрозой, Конституционная комиссия придерживается мнения, в соответствии с которым правовое государство должно иметь право принимать меры, необходимые для предотвращения подобной угрозы, даже если соответствующие контрмеры будут находиться в противоречии с международными обязательствами по соблюдению прав человека, если эти обязательства были приняты на себя государством без предвидения действий, влекущих за собой подобные серьезные риски. Представляется важным, что в правовом государстве меры, необходимые для предотвращения вышеупомянутой опасности, должны быть урегулированы законом»[11]. Сложившаяся ситуация способствовала активизации дискуссии о целесообразности пересмотра существующей в стране модели конституционного контроля[12].

Помимо осуществления предварительного конституционного контроля законопроектов, к полномочиям Конституционной комиссии относятся: разработка поправок к Конституции (в случае необходимости — проекта нового Основного закона), законопроектов, затрагивающих статус автономии Аландских островов, выборы, гражданство, статус государственных языков (финского и шведского), а также безопасность; рассмотрение ежегодных отчетов правительства, канцлера юстиции и юридического уполномоченного (омбудсмена), направляемых в парламент; представление заключений по кандидатурам на должности парламентского омбудсмена и его заместителя до голосования в палате на пленарном

[10] Lag om temporära åtgärder för bekämpande av instrumentaliserad inresa (482/2024). URL: https://www.finlex.fi/sv/laki/alkup/2024/20240482 (дата обращения: 27.02.2025).

[11] Utlåtande GrUU 29/2024 rd RP 53/2024 rd. URL: https://www.eduskunta.fi/SV/vaski/Lausunto/Sidor/GrUU_29+2024.aspx (дата обращения: 27.02.2025).

[12] Sormunen M. Op. cit.

заседании; подготовка заключения по обвинению в совершении министром правительства преступления, которое выдвигается депутатами[13].

Важной новеллой финляндской Конституции 1999 г. стало введение института конкретного и последующего конституционного контроля, осуществляемого национальными судами[14]. Исследуя проблему проверки на конституционность законодательства в странах Северной Европы, Эйвинд Смит отмечает, что Финляндия стала последней страной в регионе, признавшей возможность осуществления последующего контроля, «четко закрепив соответствующие положения в новой “миллениумной” Конституции Финляндии (Закон № 731 1999 года), вступившей в силу 1 марта 2000 года»[15]. Стоит подчеркнуть, что суды не вправе объявлять закон с пороком конституционности ничтожным, они лишь вправе его не применять в данном конкретном деле. В подготовительных меморандумах к проекту Конституции 1999 г. подчеркивалась, тем не менее, более важная роль предварительного абстрактного конституционного контроля, реализуемого Конституционной комиссией Эдускунты. Верховный суд Финляндии в одном из первых своих дел, затрагивавшем содержание и применение § 106 Конституции 1999 г. (KKO 2004:26), постановил, что проверка законов на конституционность относится в основном к компетенции Конституционной комиссии, которая в законодательном процессе осуществляет предварительный конституционный контроль[16]. Незначительную роль финляндских судов в осуществлении конституционного контроля признают и финские ученые. Так, Якко Хуса, признавая уникальность финляндской модели конституционного контроля по сравнению с моделью, существующей в других странах региона, отмечает, что в Финляндии укоренился «превентивный конституционный контроль, ориентированный на парламент», при этом суды при реализации конституционного контроля «играют второстепенную роль», несмотря на признание судебного конституционного контроля Основным законом страны[17]. Ряд финляндских экспертов, критикуя сложившуюся модель конституционного контроля, предлагают усилить роль судов в реализации конституционного контроля[18].

[13] Ракитская И.А., Лейбо Ю.И., Павлов Е.Я. Процедура импичмента и практика его применения в странах Северной Европы // Международное публичное и частное право. 2019. № 5. С. 39–42.

[14] В Финляндии, как и в соседней Швеции, существует система судов общей юрисдикции и административных судов. См.: Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах : коллективная монография / под ред. К.В. Карпенко ; Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации ; каф. конституционного права. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 23.

[15] Smith E. Judicial review of legislation / The Nordic Constitutions. A comparative analysis and contextual Study / Ed. by Kranke H., Thorarensen B. Oxford : Hart, 2018. P. 108.

[16] Lavapuro J., Ojanen T., Scheinin M. Rights-based constitutionalism in Finland and the development of pluralist constitutional review // International Journal of Constitutional Law. 2011. Vol. 9. № 2. P. 524.

[17] Husa J. Locking in Constitutionality Control in Finland // European Constitutional Law Review. 2020. № 16 (2). P. 249.

[18] Sormunen M. Politicizing Constitutional Review. The Case of the Finnish Pushback Law. URL: https://verfassungsblog.de/politicizing-constitutional-review/ (дата обращения: 27.02.2025).

В заключение отметим, что сложившаяся в Финляндии модель конституционного контроля характеризуется смешанным характером, предполагает строгое разграничение предварительного и последующего конституционного контроля, которые осуществляются разными органами и на основе разных методов. Конституционная комиссия Эдускунты реализует абстрактный и предварительный конституционный контроль в отношении законопроектов, обсуждаемых в парламенте. Таким образом, она может стать важным участником законодательного процесса. В то же самое время ее решения носят рекомендательный характер, а по юридическим последствиям этот контроль является консультативным. Новый для правовой системы страны последующий и конкретный конституционный контроль появился лишь после принятия кодифицированной Конституции в 1999 г., однако финские суды не проявляют достаточной активности в его реализации.

Литература

1. Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах : коллективная монография / И.А. Ракитская, М.А. Исаев, Ю.И. Лейбо [и др.] ; под редакцией К.В. Карпенко. Москва : МГИМО-Университет, 2017. 325 с.
2. Конституционный контроль в зарубежных странах : коллективная монография / К.А. Половченко, Ю.И. Лейбо, А.Г. Орлов [и др.] ; под редакцией Е.Я. Павлова, Е.А. Кремянской. Москва : МГИМО-Университет, 2015. 341 с.
3. Парламентский контроль в Российской Федерации и в зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации : коллективная монография / В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова, М.В. Варлен [и др.]. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 545 с.
4. Ракитская И.А. Гибридная модель конституционного контроля в Швеции / И.А. Ракитская // Журнал конституционного правосудия. 2024. № 4 (98). С. 15–19.
5. Ракитская И.А. Процедура импичмента и практика его применения в странах Северной Европы / И.А. Ракитская, Ю.И. Лейбо, Е.Я. Павлов // Международное публичное и частное право. 2019. № 5. С. 39–42.
6. Hautamäki V.-P. Reasons for saying: no thanks! Analysing the Discussion about the Necessity of a Constitutional Court in Sweden and Finland / V.-P. Hautamäki // Electronic Journal of Comparative Law. 2006. Vol. 10.1.
7. Husa J. Locking in Constitutionality Control in Finland / J. Husa // European Constitutional Law Review. 2020. Vol. 16. Iss. 2. P. 249–274.
8. Kastari P. The Historical Background of Finnish Constitutional Ideas // Scandinavian Studies in Law. 1963. Vol. 7. P. 61–78.
9. Lavapuro J. Rights-based constitutionalism in Finland and the development of pluralist constitutional review / J. Lavapuro, T. Ojanen, M. Scheinin // International Journal of Constitutional Law. 2011. Vol. 9. Iss. 2. P. 505–531.
10. Saario V. Control of the Constitutionality of Laws in Finland / V. Saario // The American Journal of Comparative Law. 1963. Vol. 12. Iss. 2. P. 194–205.
11. Smith E. Judicial review of legislation / E. Smith // The Nordic Constitutions. A Comparative analysis and Contextual Study / eds. by H. Kranke, B. Thorarensen. Oxford : Hart, 2018. P. 107–132.
12. Sormunen M. Politicizing Constitutional Review. The Case of the Finnish Pushback Law / M. Sormunen // Verfassungsblog. 2024. 16 December.

References

1. Konstitutsionno-pravovy`e osnovy` sudebnoy vlasti v zarubezhny`kh stranakh : kollektivnaya monografiya [Constitutional Law Fundamentals of the Judiciary in Foreign Countries : collective monograph] / I.A. Rakitskaya, M.A. Isaev, Yu.I. Leybo [i dr.] ; pod redaktsiey K.V. Karpenko. Moskva : MGIMO-Universitet — I.A. Rakitskaya, M.A. Isaev, Yu.I. Leybo [et al.] ; edited by K.V. Karpenko. Moscow : MGIMO University, 2017. 325 s.
2. Konstitutsionny`y kontrol v zarubezhny`kh stranakh : kollektivnaya monografiya [Constitutional Control in Foreign Countries : collective monograph] / K.A. Polovchenko, Yu.I. Leybo, A.G. Orlov [i dr.] ; pod redaktsiey E.Ya. Pavlova, E.A. Kremyanskoy. Moskva : MGIMO-Universitet — K.A. Polovchenko, Yu.I. Leybo, A.G. Orlov [et al.] ; edited by E.Ya. Pavlov, E.A. Kremyanskaya. Moscow : MGIMO University, 2015. 341 s.
3. Parlamentskiy kontrol v Rossiyskoy Federatsii i v zarubezhny`kh stranakh: normativnoe regulirovanie i praktika realizatsii : kollektivnaya monografiya [Parliamentary Control in the Russian Federation and Foreign Countries: Statutory Regulation and Implementation Practice : collective monograph] / V.V. Komarova, G.D. Sadovnikova, M.V. Varlen [i dr.]. Moskva ; Berlin : Direkt-Media — V.V. Komarova, G.D. Sadovnikova, M.V. Varlen [et al.]. Moscow ; Berlin : Direct-Media, 2020. 545 s.
4. Rakitskaya I.A. Gibridnaya model konstitutsionnogo kontrolya v Shvetsii [The Hybrid Model of Constitutional Control in Sweden] / I.A. Rakitskaya // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya — Journal of Constitutional Justice. 2024. № 4(98). S. 15–19.
5. Rakitskaya I.A. Protsedura impichmenta i praktika ego primeneniya v stranakh Severnoy Evropy` [The Impeachment Procedure and Its Application Practice in Countries of Northern Europe] / I.A. Rakitskaya, Yu.I. Leybo, E.Ya. Pavlov // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo — Public and Private International Law. 2019. № 5. S. 39–42.
6. Hautamäki V.-P. Reasons for Saying: No Thanks! Analysing the Discussion About the Necessity of a Constitutional Court in Sweden and Finland / V.-P. Hautamäki // Electronic Journal of Comparative Law. 2006. Vol. 10.1.
7. Husa J. Locking in Constitutionality Control in Finland / J. Husa // European Constitutional Law Review. 2020. Vol. 16. Iss. 2. S. 249–274.
8. Kastari P. The Historical Background of Finnish Constitutional Ideas / P. Kastari // Scandinavian Studies in Law. 1963. Vol. 7. S. 61–78.
9. Lavapuro J. Rights-Based Constitutionalism in Finland and the Development of Pluralist Constitutional Review / J. Lavapuro, T. Ojanen, M. Scheinin // International Journal of Constitutional Law. 2011. Vol. 9. Iss. 2. S. 505–531.
10. Saario V. Control of the Constitutionality of Laws in Finland / V. Saario // The American Journal of Comparative Law. 1963. Vol. 12. Iss. 2. S. 194–205.
11. Smith E. Judicial Review of Legislation / E. Smith // The Nordic Constitutions. A Comparative Analysis and Contextual Study / eds. by H. Kranke, B. Thorarensen. Oxford : Hart, 2018. S. 107–132.
12. Sormunen M. Politicizing Constitutional Review. The Case of the Finnish Pushback Law / M. Sormunen // Verfassungsblog. 2024. 16 December.

При возникновении вопросов,
связанных с оформлением материалов,
просим обращаться в редакцию по телефону:
8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-74-81
Поступила в редакцию: 20.12.2024. Принята к публикации: 01.04.2025.

Особенности применения мер нетарифного регулирования в торговле между Россией и странами БРИКС: вызовы и возможности

Чеченева Наталья Сергеевна,
доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук
n.checheneva@spbu.ru

В статье рассматриваются меры нетарифного регулирования как правовой инструмент наращивания торговых связей и укрепления сотрудничества в рамках БРИКС. Создание гармонизированных требований к изготавливаемой продукции будет являться юридическим стимулом для развития совместных промышленных и инвестиционных проектов, повышать региональную связанность за счет понятных процедур проверки соответствия товаров.

Ключевые слова: БРИКС, меры нетарифного регулирования, интеграция, квоты, лицензии и технические барьеры, упрощение процедур.

В условиях глобализации и растущей интеграции экономик важность адаптации торговых правил становится очевидной. Особенности нетарифного регулирования, такие как квоты, лицензии и технические барьеры, представляют собой не только вызовы, но и возможности для укрепления сотрудничества и улучшения торгового баланса. Это порождает различные вызовы: от необходимости соответствия международным стандартам до адаптации внутренней правовой базы к требованиям, выдвигаемым партнерами. Однако нетарифное регулирование также может служить источником конфликтов и торговых споров. Например, слишком строгие требования к сертификации и лицензированию могут восприниматься как барьеры для доступа на рынок. Поэтому важно, чтобы все государства — участники БРИКС активно работали над упрощением процедур и обменом опытом, что, в свою очередь, содействует созданию более прозрачной и предсказуемой торговой среды. Таким образом, успешная реализация мер нетарифного регулирования требует не только понимания внутренних особенностей каждой страны, но и наличия желания к сотрудничеству на многостороннем уровне. Это создает уникальные возможности для укрепления взаимной зависимости и расширения торговых потоков, что в конечном итоге может привести к более устойчивому и сбалансированному экономическому развитию стран БРИКС.

Меры нетарифного регулирования представляют собой инструмен-

ты, которые государства используют для управления торговлей и защиты внутреннего рынка без установления прямых тарифов. Эти меры могут включать квоты, лицензии, санитарные и фитосанитарные нормы, обязательные стандарты качества, а также различные технические регламенты[1].

Традиционно разделяется установление запретов и ограничений экономического характера, к которым относятся лицензирование, квотирование и т.д., и ограничений неэкономического характера, под которыми подразумеваются ограничения на ввоз, связанные с обязательным подтверждением соответствия товаров установленным стандартам и требованиям.

Российская Федерация является государством — членом Евразийского экономического союза, что подразумевает передачу части государственных полномочий по установлению мер нетарифного регулирования, включая техническое регулирование, на наднациональный уровень, а именно Евразийской экономической комиссии. В этой части в рамках Евразийского экономического союза действуют технические регламенты ЕАЭС. Правом Союза также допускается введение мер нетарифного регулирования по неэкономическим причинам, связанным с «национальными интересами», такими как соблюдение общественной морали или правопорядка, защита жизни и здоровья граждан, охрана окружающей среды, животных и растений, сохранение культурных ценностей, обеспечение обороны и безопасности и др. (п. 38 Приложения № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).

Кроме того, все государства — члены ЕАЭС вправе вводить нетарифные меры в рамках внешней торговли с третьими странами в случаях, предусмотренных правом Союза. В Российской Федерации вопросы нетарифного регулирования закреплены в Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Государствами — членами БРИКС также широко используются такие меры нетарифного регулирования, как лицензирование импорта, сертификация продукции, квоты, технические барьеры.

Система технического регулирования в странах БРИКС имеет свои особенности. В Бразилии, помимо технических регламентов, используются специальные документы, выполняющие их функции, такие как PAC, которые содержат требования к оценке соответствия. Бразилия также является участником множества международных соглашений о взаимном признании сертификатов. Требования, например, к упаковке пищевых продуктов гармонизированы с нормами ЕС, США и Германии.

ЮАР и Китай используют схожие подходы, ориентируясь на национальные стандарты и обязательные спецификации или стандарты, которые выполняют функции техни-

[1] Трошкина Т.Н. Нетарифное регулирование внешней торговли в Российской Федерации // Реформы и право. 2010. № 4. С. 34–42.

ческих регламентов. В этих странах есть различия между обязательными и добровольными стандартами. В Китае документы высокого уровня часто имеют официальный перевод, тогда как локальные стандарты представлены только на китайском языке.

Индийская система отличается тем, что нет единого законодательства для технического регулирования. Основой является Закон об Индийском бюро стандартов, а для отдельных групп продукции существует более 20 специализированных нормативных актов.

Техническое регулирование в разных странах, таких как Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Саудовская Аравия и Эфиопия, имеет свои особенности, обусловленные национальными стандартами, законодательной базой и экономическими условиями.

Изложенное указывает на имеющиеся различия в нормативно-правовом регулировании, в первую очередь в части вопросов в сферах стандартизации, оценки соответствия, допуска продукции на рынок, в том числе из третьих стран.

Рассмотрим подробнее имеющиеся способы преодоления различий.

Опыт создания международных организаций показывает, что унификация нормотворческой деятельности государств начинается с простых правовых форм, включая организацию переговорного процесса[2]. Данный тезис подтверждает, что унификация правоприменительной деятельности также возможна в рамках переговорных процессов, реализация которых осуществляется через следующие элементы структуры БРИКС: саммиты, министерские встречи, рабочие группы и комитеты, финансовые институты.

Как отмечают ученые, саммиты БРИКС имеют изначально экономическую направленность, которая требует правового обеспечения[3] ее деятельности и взаимодействия государств для достижения поставленных целей.

Международное право развивается в текущий период в значительной мере за счет регионального правового регулирования. Когда региональная организация получает от государств-членов и определенные наднациональные полномочия (например, ЕАЭС), международно-правовое регулирование обретает новые черты: наряду с согласованием позиций, разработкой и принятием международных договоров принимаются обязательные для государств-членов нормативные акты и решения наднациональных органов, что влияет и на характер его соотношения с внутренним правом, и на характер обязанностей по выполнению международных обязательств[4].

[2] БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О.А. Акопян, Н.М. Бевеликова, К.М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : ИЗиСП, Юриспруденция, 2015. С. 54.

[3] Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 110–123.

[4] Марочкин С.Ю. Международное право в российской правовой системе: от норм к решениям суда евразийской интеграции // Международное правосудие. 2024. № 2. С. 95–118.

Принимая во внимание, что БРИКС является межгосударственным объединением, не предполагающим создания единой базы нормативно-правового регулирования, в целях развития торгово-экономического сотрудничества между странами-партнерами предусматриваются, во-первых, двусторонние экономические связи и, во-вторых, обеспечение координации в международных и региональных организациях в многостороннем формате[5].

В рамках двусторонних экономических связей активно используются нормативная база и площадка Евразийского экономического союза.

25 октября 2019 г. вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами — с одной стороны и Китайской Народной Республикой — с другой стороны[6]; важным, применительно к сфере технического регулирования, является закрепление цели, направленной на устранение избыточных барьеров в торговле товарами между ЕАЭС и Китаем. Данное соглашение предусматривает механизм технических консультаций, постоянное тесное сотрудничество между ответственными органами стран ЕАЭС и Китая.

В дополнение в 2025 г. ЕАЭС будут подписаны соглашения о зоне свободной торговли с Объединенными Арабскими Эмиратами и Индонезией. Египет и Индия также ведут переговоры о вступлении в зону свободной торговли ЕАЭС. Зона свободной торговли ЕАЭС, являясь интеграционной структурой, созданной для либерализации торговли между участниками, предполагает упрощение торговых процедур, расширение рынков сбыта, стимулирование экономического роста, сотрудничество, защиту и поддержку совместных интересов.

Меры нетарифного регулирования играют важную роль в экономической политике каждой из стран БРИКС. Основной целью таких мер является защита внутреннего рынка, соблюдение стандартов качества и безопасности, создание условий для устойчивого экономического роста.

Для указанных целей страны в рамках двустороннего сотрудничества в сферах стандартизации, оценки соответствия, допуска продукции на рынок, в том числе из третьих стран, могут использовать следующие инструменты: общие стандарты безопасности, взаимное признание имеющихся стандартов, разъяснения уполномоченных органов о применении национальных стандартов.

В 2015 году в результате совместного решения Министерства промышленности и торговли Российской Федерации и Министерства промышленности и информационных технологий Китайской Народной

[5] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovilo_novuyu_ekonomicheskuyu_strategiyu_briks_do_2025_goda.html (дата обращения: 10.01.2025).

[6] URL: https://docs.cntd.ru/document/550970071 (дата обращения: 09.01.2025).

Республики была создана Российско-Китайская специальная группа по стандартизации (РГ). Целью создания этой группы было развитие и совершенствование вопросов стандартизации, а также поддержка совместных российско-китайских проектов в сфере гражданского авиастроения. Основной задачей РГ является разработка механизмов обмена информацией, обеспечение взаимного признания стандартов и совместная разработка нормативных документов по стандартизации между Россией и Китаем. Особое внимание уделяется поддержке проектов, связанных с созданием широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета (CR 929) и тяжелого транспортного вертолета.

Результатом деятельности РГ стало утверждение в 2022 г. первого совместного российско-китайского стандарта ГОСТ Р 70066-2022 «Авиационная техника. Требования к акустическому проектированию пассажирского салона и кабины экипажа самолетов». Этот стандарт стал важным шагом в укреплении сотрудничества между Россией и Китаем в области стандартизации.

Разработка данного стандарта является уникальным примером международного сотрудничества в области авиационной техники. Этот процесс имеет огромный потенциал для масштабирования, а также помогает преодолевать технические барьеры, способствуя увеличению товарооборота и поиску новых направлений для развития торгово-экономических связей между двумя странами. В частности, в стандарте применены методы численного моделирования, которые закладывают основу для дальнейшего развития цифровых инструментов в области стандартизации и для России, и для Китая.

Ярким примером успешной работы российско-китайской группы по стандартизации является создание перечня взаимно признаваемых стандартов в таких областях, как производство зерна и растительных масел. Также в рамках работы группы был подготовлен План мероприятий по гармонизации требований к углю, продуктам их переработки и горно-шахтному оборудованию. Важными результатами работы также стали проекты, связанные с подготовкой и реализацией стандартов. Среди них нормативные документы по отбору проб (ГОСТ Р ISO 5555-2010), подготовке проб для испытаний (ГОСТ ISO 661-2016), методам определения температуры плавления в открытых капиллярных трубках (ГОСТ ISO 6321-2019), а также по обнаружению летучих органических загрязнителей с помощью газовой хроматографии и масс-спектрометрии (ГОСТ ISO 15303-2017). Эти межгосударственные стандарты имеют большое значение для регулирования производства, переработки и оборота зерна и растительных масел.

Кроме того, важным этапом в рамках российско-китайского сотрудничества в области стандартизации стало принятие национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 57700.37–2021 «Компьютерные модели и моделиро-

вание. Цифровые двойники изделий. Общие положения». Этот стандарт, который вступил в силу с 1 января 2022 г. на территории России, был переведен на китайский язык и 24 ноября 2023 г. был включен в перечень взаимно признаваемых стандартов России и Китая в области авиастроения. Впервые в мировой практике данный ГОСТ утвердил четкие и единые определения для терминов, связанных с цифровыми моделями и цифровыми двойниками изделий, а также для таких понятий, как цифровые испытания, виртуальные испытательные стенды и полигоны, а также важнейшие аспекты, связанные с валидацией и сертификацией программного обеспечения для компьютерного моделирования.

В настоящее время остро стоит вопрос о принятии общих стандартов безопасности транспортных средств[7]. В сфере автомобильной промышленности стандарты безопасности транспортных средств, применяемые в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, имеют значительные различия, обусловленные национальными требованиями и техническими особенностями каждой из стран. Эти различия могут создавать препятствия для расширения двусторонней торговли и сотрудничества в области производства и экспорта автомобилей, а также для совместной разработки новых технологий. В связи с этим существует необходимость разработки единого подхода к стандартизации, особенно в вопросах безопасности транспортных средств. Такой подход должен включать создание общих международных стандартов, которые смогут эффективно сочетать лучшие практики обеих стран и обеспечат высокий уровень безопасности, соответствующий мировым требованиям. Выработка общих стандартов безопасности для автомобилей может стать важным шагом к более продуктивному взаимодействию между российскими и китайскими производителями, а также ускорить процесс сертификации и выхода продукции на международные рынки.

В дополнение к этим проектам, Россия и Индия начали совместную работу над проектом «Белой книги», в которой будут представлены согласованные цели и задачи оценки соответствия технологий искусственного интеллекта (ИИ). Этот документ будет охватывать существующие на российских и индийских рынках ИИ-решения в различных отраслях, а также состояние международных и национальных стандартов, касающихся искусственного интеллекта. В качестве пилотных отраслей для применения технологий ИИ выбраны здравоохранение и сельское хозяйство, что подчеркивает важность использования инновационных технологий для улучшения жизнедеятельности общества и развития ключевых секторов экономики в обеих странах.

[7] URL: https://arkhcsm.ru/press-center/news/novosti-otrasli/eksperty-obsudili-unifikatsiyu-standartov-bezopasnosti-kolesnykh-transportnykh-sredstv-rossii-i-kita/

Формирование эффективных механизмов нетарифного регулирования позволяет странам БРИКС минимизировать негативные последствия конкуренции с другими мировыми торговыми группами, а также создать условия для устойчивого экономического роста.

Процесс оптимизации мер нетарифного регулирования требует комплексного подхода, направленного на создание прозрачных и предсказуемых условий для бизнеса. Для достижения этой цели необходимо внедрить несколько ключевых элементов. Во-первых, важна стандартизация норм, что позволит сделать регулирование более понятным и систематизированным, упрощая взаимодействие между странами. В этих целях в рамках планов мероприятий важно установить перечень отраслей и технических требований к продукции, требующей систематизации. Во-вторых, реформы, направленные на упрощение процедуры получения разрешений и лицензий, станут значительным шагом к улучшению бизнес-климата. В-третьих, необходимо активное сотрудничество и диалог, в том числе создание платформ для обсуждения и разрешения споров, связанных с применением мер нетарифного регулирования, что поможет снизить количество конфликтных ситуаций и улучшить торговые отношения. Также важно активное участие стран БРИКС в международных и региональных инициативах по гармонизации стандартов и правил, что сделает торговлю более предсказуемой и менее затратной. Наконец, создание совместных рабочих групп по вопросам нетарифного регулирования позволит эффективно распределять время и ресурсы для выработки общей стратегии и планов действий в случае возникновения споров.

Проведенный анализ выявляет потребность в дальнейшем исследовании национальных правовых систем и практики применения норм, регулирующих меры нетарифного регулирования, в странах — участницах БРИКС. Учитывая разнообразие правовых систем и экономических особенностей в странах БРИКС, углубленное исследование позволит выявить ключевые проблемы и дисбалансы в применении таких мер, а также разработать рекомендации для совершенствования правового механизма и создания более прозрачных и эффективных условий для торговли в рамках группы.

Меры нетарифного регулирования играют важную роль в выстраивании торговых отношений между Россией и странами БРИКС. Несмотря на существующие вызовы и проблемы, правильное применение и оптимизация мер нетарифного регулирования способны значительно улучшить экономические связи, увеличить объемы взаимной торговли и укрепить стабильность в отношениях между странами. Поэтому необходимо проводить работу по гармонизации норм и стандартов, для того чтобы достигнуть максимальной выгоды от сотрудничества в рамках БРИКС.

Литература

1. Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития / Н.М. Бевеликова // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 110–123.
2. БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О.А. Акопян, Н.М. Бевеликова, К.М. Беликова [и др.] ; ответственный редактор Т.Я. Хабриева. Москва : ИЗиСП, Юриспруденция, 2015. 300 с.
3. Марочкин С.Ю. Международное право в российской правовой системе: от норм к решениям суда евразийской интеграции / С.Ю. Марочкин // Международное правосудие. 2024. № 2. С. 95–118.
4. Трошкина Т.Н. Нетарифное регулирование внешней торговли в Российской Федерации / Т.Н. Трошкина // Реформы и право. 2010. № 4. С. 34–42.

References

1. Bevelikova N.M. BRIKS: pravovy`e osobennosti razvitiya [BRICS: Legal Features of Development] / N.M. Bevelikova // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 8. S. 110–123.
2. BRIKS: kontury` mnogopolyarnogo mira : monografiya [BRICS: Contours of a Multipolar World : monograph] / O.A. Akopyan, N.M. Bevelikova, K.M. Belikova [i dr.] ; otvetstvenny`y redaktor T.Ya. Khabrieva. Moskva : IZiSP, Yurisprudentsiya — O.A. Akopyan, N.M. Bevelikova, K.M. Belikova [et al.] ; publishing editor T.Ya. Khabrieva. Moscow : ILCL, Jurisprudence, 2015. 300 s.
3. Marochkin S.Yu. Mezhdunarodnoe pravo v rossiyskoy pravovoy sisteme: ot norm k resheniyam suda evraziyskoy integratsii [International Law in the Russian Legal System: From Norms to Judgments of the Court of Eurasian Integration] / S.Yu. Marochkin // Mezhdunarodnoe pravosudie — International Justice. 2024. № 2. S. 95–118.
4. Troshkina T.N. Netarifnoe regulirovanie vneshney torgovli v Rossiyskoy Federatsii [Non-Tariff Regulation of International Trade in the Russian Federation] / T.N. Troshkina // Reformy` i pravo — Reforms and Law. 2010. № 4. S. 34–42.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в какую-либо престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: http://www.doi.org/

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-2-82-95
Поступила в редакцию: 16.11.2024. Принята к публикации: 12.03.2025.

Использование правовой конструкции траста в связи с имплементацией Общего стандарта отчетности ОЭСР

Агеев Станислав Сергеевич,
доцент кафедры административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук
stas555ag@mail.ru

В настоящей статье рассматривается вопрос о месте и роли правовой конструкции траста в связи с имплементацией Общего стандарта отчетности ОЭСР в национальное право участвующих юрисдикций, среди которых страны Востока и Запада. Уточняется, что данный международный стандарт распространяется лишь на трасты, являющиеся подотчетными финансовыми институтами и нефинансовыми учреждениями, которые имеют подотчетные счета. Отмечается, что среди них пассивные нефинансовые учреждения представляют собой наиболее высокий риск уклонения от уплаты налогов. Анализ начинается с теоретических положений о трастах, после чего делается переход к их правовому регулированию в контексте Общего стандарта отчетности ОЭСР. Далее приведены критерии квалификации трастов как подотчетных финансовых институтов и нефинансовых учреждений. В статье указаны алгоритмы предоставления отчетности для трастов, являющихся подотчетными финансовыми институтами и нефинансовыми учреждениями, продемонстрированы различия между ними. В завершение сделан вывод о наличии пробелов в Общем стандарте отчетности ОЭСР и связанном с ним Практическом руководстве по имплементации. Также сформулирован ряд вопросов, от ответов на которые будет зависеть эффективность правового регулирования трастов в контексте автоматического обмена информацией о финансовых счетах.

Ключевые слова: автоматический обмен информацией, финансовые счета, Общий стандарт отчетности, подотчетные финансовые институты, нефинансовые учреждения, трасты, Рекомендации ФАТФ.

Введение

Одним из ключевых вопросов в контексте автоматического обмена информацией является использование правовой конструкции траста. Этому вопросу, среди прочих источников, посвящена глава 6 («Регулирование трастов в связи с Общим стандартом отчетности») второго издания Практического руководства по имплементации стандарта автоматического обмена финансовой информацией по налоговым вопросам (далее — Практическое руководство)[1], опубликованного в апреле 2018 г. Данное Прак-

[1] OECD Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters: Implementation Handbook. Sec. Ed. URL: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/implementation-handbook-standard-for-automatic-exchange-of-financial-information-in-tax-matters.pdf (дата обращения: 09.10.2024).

тическое руководство разработано в дополнение ко второму изданию «Стандарта автоматического обмена информацией о финансовых счетах по налоговым вопросам» (далее — Стандарт)[2], опубликованному в конце марта 2017 г.

И хотя ОЭСР, включающая на настоящий момент 38 стран-членов[3], преимущественно ассоциируется с Западом, невозможно отрицать тот факт, что ее участниками являются и страны Востока, а международные стандарты, разрабатываемые этой международной организацией, имплементированы в национальное законодательство как западных, так и восточных государств. В частности, Общий стандарт отчетности по состоянию на 7 марта 2024 г. имплементирован или планируется к имплементации в национальное законодательство 125 юрисдикций[4], почему они и именуются участвующими.

Однако инициативы ОЭСР не ограничиваются лишь международными стандартами. Есть целый ряд принимаемых в связи с ними разъяснений и рекомендаций, которые тоже следует принимать во внимание. Примером таковых является исследуемое Практическое руководство. Проанализировав его, Дэвид Керцнер и Дэвид Чедикофф отметили: «Профессионалам, дающим консультации по частным трастам, рекомендуется предупредить клиентов о потенциально инвазивном характере новых правил отчетности, применимых к учредителям траста, доверительным управляющим, протекторам трастов, а также выгодоприобретателям, для того чтобы любая отчетность была предоставлена надлежащим образом»[5].

По общему правилу Общий стандарт отчетности применим к трастам в двух случаях: (1) когда траст является подотчетным финансовым институтом (Reporting Financial Institution); (2) когда траст является нефинансовым учреждением (Non-Financial Entity, NFE), владеющим финансовым счетом, открытым в подотчетном финансовом институте.

Как отмечает Росс МакГилл, «все финансовые институты для целей Общего стандарта отчетности делятся на: (1) подотчетные и (2) неподотчетные. Неподотчетные финансовые институты включают, среди прочего, траст, доверительный управляющий которого является подотчетным финансовым институтом и предоставляет

[2] OECD Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters. Sec. Ed. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/standard-for-automatic-exchange-of-financial-account-information-in-tax-matters-second-edition_9789264267992-en#page1 (дата обращения: 09.10.2024).

[3] Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Республика Корея, Латвия, Литва, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США.

[4] AEOI Standard's Implementation Status by Jurisdiction. URL: https://web-archive.oecd.org/tax/automatic-exchange/crs-implementation-and-assistance/crs-by-jurisdiction/index.htm (дата обращения: 09.10.2024).

[5] David S., Kerzner, David W. Chodikoff. International Tax Evasion in the Global Information Age. USA : Palgrave Macmillan, 2016. P. 311.

всю информацию, требуемую в соответствии со ст. I, в отношении всех подотчетных счетов траста (ст. VIII B. 1(e))»[6].

Согласно комментарию к подпараграфу B(1)(e) ст. VIII, такой траст обозначается термином «траст, задокументированный доверительным управляющим» (trustee-documented trust). Особенностью этого траста является переложение обязанности по предоставлению отчетности и проведению комплексной правовой проверки на доверительного управляющего. Например, согласно параграфу D ст. II, подотчетные финансовые институты могут нанимать поставщиков услуг (service providers), для того чтобы последние осуществляли за них предоставление отчетности и проведение комплексной правовой проверки. Между тем в ситуации с поставщиками услуг рассматриваемая обязанность сохраняется за подотчетными финансовыми институтами, то есть не происходит ее переложения.

1. Основные характеристики траста

Траст — это прежде всего фидуциарная конструкция, то есть конструкция, основанная на доверии. Траст возникает тогда, когда учредитель траста (settlor, grantor) передает конкретное имущество доверительному управляющему (trustee) с намерением распорядиться им в пользу выгодоприобретателей (beneficiaries). Доверительный управляющий имеет правовой титул в отношении имущества, переданного в траст, и несет обязанность по управлению этим имуществом в интересах выгодоприобретателей. Условия, в соответствии с которыми доверительный управляющий должен действовать в интересах выгодоприобретателей, определяются учредителем траста. Они могут быть отражены в «документе о передаче собственности в доверительное управление»[7] (trust deed) или выражены в устной форме. Данные условия могут быть очень конкретными или оставлять за доверительным управляющим широкие возможности действовать по своему усмотрению.

Стороны траста обязательно представлены учредителем траста, доверительным управляющим и выгодоприобретателем. Данные лица могут быть как физическими, так и юридическими. Они могут быть представлены как в единственном, так и во множественном числе.

В зависимости от природы имущественного права учредителя траста траст может быть отзывным (revocable) или безотзывным (irrevocable). Второй имеет место тогда, когда учредитель траста отказался от всех своих прав в отношении имущества, переданного в траст. Так, он не может отозвать траст, изменить условия траста, вернуть себе имущество, переданное в траст. В Практическом руководстве отмечается, что понятия «отзывный траст» и «безот-

[6] McGill R.K., Haye Ch.A., Lipo S. G.A.T.C.A.: A Practical Guide to Global Anti-Tax Evasion Frameworks. United Kingdom : Palgrave Macmillan, 2017. P. 129.

[7] Федотова И.Г., Толстопятенко Г.П. Юридические понятия и категории в английском языке : Толковый словарь. М. : Статут, 2014. С. 341.

зывный траст» могут быть уточнены в национальном законодательстве. Возникает вопрос о том, каким образом данные понятия могут быть уточнены в праве стран романо-германской правовой семьи, для которых само понятие «траста» является чужеродным, не говоря уже о его разновидностях.

Выгодоприобретатели траста могут быть названы в качестве членов определенного класса (например, «внуки лица А»). При этом учреждение траста будет действительным лишь в том случае, если в будущем члены этого класса смогут быть конкретно установлены. Выгодоприобретатель может иметь право на получение обязательных выплат (mandatory distributions) или выплат по усмотрению доверительного управляющего (discretionary distributions). В первом случае выгодоприобретатель получает выплаты в установленном размере и в установленное время. В случае отсутствия выплаты со стороны доверительного управляющего выгодоприобретатель может защитить свое право в судебном порядке.

Именно возможностью защиты своего права в судебном порядке различаются выгодоприобретатель с правом на получение обязательных выплат (mandatory beneficiary) и выгодоприобретатель, получающий выплаты по усмотрению доверительного управляющего (discretionary beneficiary). Выгодоприобретатели второго типа могут защитить свое право лишь через принуждение доверительного управляющего к «рассмотрению вопроса об осуществлении усмотрения в пользу выгодоприобретателя»[8]. Представляется, что в странах, не относящихся к англо-американской правовой семье, будет весьма проблематично реализовать подобную процедуру защиты права.

Примечательно, что для целей Общего стандарта отчетности выгодоприобретатель, получающий выплаты по усмотрению доверительного управляющего, приравнен к выгодоприобретателю, получающему выплаты при наступлении определенного события или набора обстоятельств (contingent beneficiary). Между тем, согласно Юридическому словарю Блэка[9], последний представляет собой лицо, которое: (1) назначено завещателем для получения дара, если основной выгодоприобретатель не сможет или не захочет получить дар; (2) обозначено в полисе страхования жизни для получения выплаты, если основной выгодоприобретатель не сможет ее получить. Очевидно, что данные типы выгодоприобретателей схожи, но не идентичны, поэтому вопрос об их отождествлении видится дискуссионным.

В данном контексте было бы уместно упомянуть о такой разновидности траста, как «траст, предусматривающий возможность замены бенефициаров»[10] (shifting trust).

---

[8] OECD Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters: Implementation Handbook, Second Edition. URL: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/implementation-handbook-standard-for-automatic-exchange-of-financial-information-in-tax-matters.pdf (дата обращения: 09.10.2024).

[9] Garner B.A. Black's Law Dictionary, Standard Ninth Edition 9th Edition. USA : West, 2009. P. 176.

[10] Федотова И.Г., Толстопятенко Г.П. Указ. соч. С. 343.

Из приведенного выше определения выгодоприобретателя, получающего выплаты при наступлении определенного события или набора обстоятельств, следует, что именно такой выгодоприобретатель характерен для траста, предусматривающего возможность замены бенефициаров. Между тем ни в Стандарте, ни в Практическом руководстве нет ни слова о подобной разновидности траста. Представляется, что этот пробел должен быть устранен, поскольку замена выгодоприобретателя — это существенное изменение обстоятельств, о котором должна быть предоставлена информация.

Знание и понимание приведенных выше теоретических положений имеет большое практическое значение. Так, рассуждая о деле UBS[11], Ксавье Оберсон отмечает: «В этом интересном деле от 23 марта 2011 г. (A-6903/2010) Федеральный административный суд Швейцарии, основываясь на статье 26 СИДН между США и Швейцарской Конфедерацией 1996 г., отклонил запрос Соединенных Штатов об обмене информацией, который касался выгодоприобретателей, получающих выплаты по усмотрению доверительного управляющего, поскольку у них нет однозначного права требования в отношении дохода траста или капитальных выплат из него; как следствие, подобные выгодоприобретатели не могут рассматриваться в качестве бенефициарных собственников банковского счета»[12]. Примечательно, что при разработке Общего стандарта отчетности ОЭСР пересмотрела подход к правовому статусу выгодоприобретателей, получающих выплаты по усмотрению доверительного управляющего, о чем будет сказано далее.

В Практическом руководстве отмечается, что в законодательстве отдельных юрисдикций может быть предусмотрено назначение «протектора траста»[13] (protector). Его основная обязанность состоит в контроле за действиями доверительного управляющего. Так, данное лицо контролирует принимаемые доверительным управляющим инвестиционные решения и решения о выплатах в пользу выгодоприобретателей.

2. Определение, является траст финансовым институтом или нефинансовым учреждением

Для целей Общего стандарта отчетности траст рассматривается как учреждение (entity). Термин «учреждение» включает юридические лица и юридические объединения, а именно корпорации, товарищества, трасты и фонды (ст. VIII E(3))[14].

[11] The Swiss Federal Administrative Court's decision in A-7342/2008 and A-7426/2008 from 05.03.2009. URL: https://www.bvger.ch/bvger/en/home/judgments/entscheiddatenbank-bvger.html (дата обращения: 09.10.2024).

[12] Oberson X. International Exchange of Information in Tax Matters: Towards Global Transparency. USA : Edward Elgar Publishing, 2015. P. 46.

[13] Протектор (защитник) траста: лицо, назначенное создателем траста для наблюдения за его делами в интересах бенефициаров; протектор имеет право вето по решениям попечителей, но не может вмешиваться в дела траста и попечителей (лишь назначает их). См.: Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2 (L–Z). СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011. С. 353.

[14] Согласно комментарию к подпараграфам E (3) и (4) статьи VIII, термин «учреждение» включает любое лицо, отличное от физического лица, а также любое юридическое объединение.

В сущности, траст может являться как финансовым институтом, так и нефинансовым учреждением.

Согласно Практическому руководству, траст будет рассматриваться в качестве **финансового института** в том случае, если он будет являться **инвестиционным учреждением** (investment entity), как это предусмотрено подпараграфом A(6)(b) ст. VIII Общего стандарта отчетности. В данном случае траст: во-первых, получает валовый доход преимущественно от инвестирования, реинвестирования, торговли финансовыми активами; во-вторых, управляется другим юридическим лицом, являющимся финансовым институтом. Отметим, что к данной категории трастов могут быть также отнесены трасты в форме структур коллективного инвестирования (collective investment vehicles). Между тем, согласно комментарию к подпараграфам A(3)–(8) ст. VIII, инвестиционным учреждением не является «ипотечный инвестиционный траст»[15] (real estate investment trust, REIT).

Если траст **не** является финансовым институтом, **то** он рассматривается в качестве нефинансового учреждения. Нефинансовые учреждения делятся на активные (active NFEs) и пассивные (passive NFEs) по критерию деятельности. В соответствии с Практическим руководством, в действительности траст весьма редко бывает активным нефинансовым учреждением. К активным нефинансовым учреждениями относят регулируемые благотворительные трасты (regulated charity trusts) и торговые трасты (trading trusts), поскольку они осуществляют активную предпринимательскую деятельность. Как отмечает Росс МакГилл: «По мнению США и ОЭСР, пассивные учреждения, именуемые также пассивными нефинансовыми учреждениями, представляют высокий риск уклонения от уплаты налогов, тогда как активные нефинансовые учреждения не представляют подобного риска»[16].

Если траст **не** является активным нефинансовым учреждением, **то** он рассматривается в качестве **пассивного нефинансового учреждения**. Примечательно, что траст, являющийся инвестиционным учреждением, не всегда рассматривается в качестве финансового института — он может быть приравнен к пассивному нефинансовому учреждению. Так происходит в том случае, если траст как инвестиционное учреждение не является резидентом участвующей юрисдикции[17] (ст. VIII, D(8)).

Таким образом, в контексте автоматического обмена информацией

Таким образом, например, корпорация, товарищество, траст, фонд, компания, кооператив, ассоциация подпадают под определение термина «учреждение».

[15] Ипотечный инвестиционный траст (траст инвестиций в недвижимость): учреждение типа паевого фонда (инвестиционной компании), принадлежащее инвесторам и специализирующееся на инвестициях в недвижимость и в ипотечные кредиты, операциях по доверенности (США); акции траста выпускаются для аккумулирования ресурсов и свободно покупаются и продаются как объект инвестиций; не облагается федеральным налогом на прибыль корпорации, если не менее 95% облагаемого дохода распределяется между акционерами. См.: Федоров Б.Г. Указ. соч. С. 390.

[16] McGill R.K., Haye Ch.A., Lipo S. Op. cit. P. 128.

[17] Под термином «участвующая юрисдикция» понимается юрисдикция, присоединившаяся к Общему стандарту отчетности.

траст существует либо в форме инвестиционного учреждения как разновидности финансового института, либо в форме пассивного нефинансового учреждения. Если траст является инвестиционным учреждением, то он самостоятельно предоставляет отчетность о финансовых счетах. Если траст представлен пассивным нефинансовым учреждением, то отчетность о его финансовых счетах и контролирующих лицах представляют те финансовые институты, в которых открыты финансовые счета траста.

3. Регулирование траста, являющегося подотчетным финансовым институтом, в Общем стандарте отчетности

Траст рассматривается в качестве подотчетного финансового института, **если** он: (1) является резидентом участвующей юрисдикции; (2) **не** рассматривается в качестве неподотчетного финансового института. Обратим внимание на то, что в Практическом руководстве очень часто используется «квалификация от противного», которая может быть выражена в формуле: **«если не…, то…».**

Примечательно, что траст может быть неподотчетным финансовым институтом, если: (1) он является пенсионным фондом открытого типа (broad participation retirement fund); (2) он представлен пенсионным фондом закрытого типа (narrow participation retirement fund); (3) доверительный управляющий траста является подотчетным финансовым институтом и представляет отчетность по всем подотчетным счетам этого траста (речь идет о «трасте, задокументированном доверительным управляющим»).

Траст является резидентом того места, резидентом которого считается доверительный управляющий. Так, согласно Комментарию к подпараграфу D(1) ст. V, для того чтобы установить, является ли владелец счета резидентом подотчетной юрисдикции, подотчетный финансовый институт должен определить адрес доверительного управляющего в подотчетной юрисдикции. Если доверительных управляющих несколько, то траст считается подотчетным финансовым институтом во всех участвующих юрисдикциях, резидентами которых являются его доверительные управляющие. Данное положение может быть неудобно для траста, поскольку он будет вынужден предоставлять отчетность в каждой отдельной юрисдикции, резидентом которой он является. По сути, это положение дестимулирует создание трастов с несколькими доверительными управляющими, являющимися резидентами разных юрисдикций.

Между тем данным положением предусмотрено, что траст может быть освобожден от представления отчетности во всех юрисдикциях, резидентами которых являются его доверительные управляющие, если он: (1) в налоговых целях считается резидентом конкретной участвующей юрисдикции; (2) предоставляет всю отчетность по всем подотчетным счетам. Для получения трастом освобождения требуется, чтобы

каждый доверительный управляющий смог продемонстрировать, что траст предоставляет всю необходимую отчетность. Иными словами, в данном случае нагрузка перекладывается с траста на доверительных управляющих.

Если траст является подотчетным финансовым институтом, то он обязан установить финансовые счета. В случае с трастом, действующим в качестве инвестиционного учреждения, такими финансовыми счетами будут являться долг (debt) и доли участия (equity interests). Ввиду того что Общий стандарт отчетности не дает определение «долга», данное понятие определяется в соответствии с национальным законодательством каждой отдельной юрисдикции, имплементировавшей Общий стандарт отчетности.

Доли участия принадлежат лицу, являющемуся учредителем либо выгодоприобретателем всего или части имущества, переданного в траст, а также иному физическому лицу, осуществляющему «конечный эффективный контроль»[18] в отношении такого имущества. Отсылка к «иному физическому лицу» как минимум касается доверительного управляющего и протектора траста, поскольку они являются владельцами долей участия (equity interest holders). Также отмечается, что подотчетное лицо рассматривается в качестве выгодоприобретателя траста, если такое подотчетное лицо имеет право получать прямо или косвенно (например, через «номинального владельца»[19] (nominee)) выплаты из траста (ст. VIII, C(4)).

Обратим внимание на то, что выгодоприобретатель, получающий выплаты по усмотрению доверительного управляющего, рассматривается в качестве выгодоприобретателя лишь в том случае, если он получает выплату в течение календарного года или иного надлежащего периода для предоставления отчетности. При этом выплата должна быть фактически получена или должна быть доступной для получения (комментарий к подпараграфу C(4) ст. VIII). Это «компромиссный» подход ОЭСР, который находится между подходом, сформулированным в деле UBS, и «радикальным» подходом ОЭСР, который будет рассмотрен ниже.

Выше была рассмотрена ситуация, когда учредитель траста, выгодоприобретатель, а также иное лицо, осуществляющее конечный эффективный контроль в отношении имущества, переданного в траст, были физическими лицами. Но как быть, если они являются юридическими лицами? В таком случае применяется «сквозной подход» (look-through approach), при котором в качестве владельцев долей участия рассматриваются физические лица, осуществляющие конечный контроль.

[18] OECD Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters: Implementation Handbook, Second Edition. URL: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/implementation-handbook-standard-for-automatic-exchange-of-financial-information-in-tax-matters.pdf (дата обращения: 09.10.2024).

[19] 1) номинальный владелец (собственник, инвестор): юридическое или физическое лицо, на имя которого зарегистрированы ценные бумаги, принадлежащие другому лицу; 2) доверенное лицо, действующее от имени и по поручению другого лица; 3) получатель по доверенности. См.: Федоров Б.Г. Указ. соч. С. 194.

Согласно Общему стандарту отчетности, термин «контролирующее лицо» означает физических лиц, осуществляющих контроль над юридическим лицом. В контексте траста к данным физическим лицам относятся: учредитель траста, доверительный управляющий, протектор траста, выгодоприобретатели или класс выгодоприобретателей, любые другие физические лица, осуществляющие конечный эффективный контроль над трастом (ст. VIII D(6)). Также термин «контролирующее лицо» должен соответствовать термину «бенефициарный собственник», закрепленному в Рекомендации 10 международных стандартов ФАТФ 2012 г.[20].

Согласно комментарию к подпараграфу D(6)–(9) ст. VIII, перечисленные физические лица всегда являются по отношению к трасту контролирующими, вне зависимости от того, осуществляют ли они контроль. Между тем, есть ли смысл квалифицировать учредителя безотзывного траста в качестве контролирующего лица? Вопрос дискуссионный. Для целей установления источника средств на счете смысл, наверное, есть.

После того как были установлены финансовые счета траста, представленные долгом и долями участия, необходимо выделить среди них подотчетные счета. Финансовые счета признаются подотчетными, если их владельцами являются подотчетные лица. Так, если учредитель траста или выгодоприобретатель рассматриваются в качестве резидентов юрисдикций, представляющих отчетность (Reportable Jurisdictions), то их доли участия являются подотчетными счетами.

Как только траст выделил подотчетные счета, он должен применить правила комплексной правовой проверки, с тем чтобы установить личность и резидентство владельцев счетов. Отметим, что владельцем счета всегда является физическое лицо. Если между трастом и физическим лицом возникает промежуточное юридическое лицо, то применяется рассмотренный выше «сквозной подход». В Практическом руководстве указано, что данная обязанность траста по применению «сквозного подхода» должна соответствовать обязанности по установлению бенефициарного собственника траста, предусмотренной национальными процедурами AML/KYC[21]. В отношении существующих счетов (preexisting accounts), как противоположности новым счетам (new accounts), подотчетные финансовые институты могут полагаться на информацию, полученную ими при применении процедур AML/KYC. Применительно к новым счетам подотчетные финансовые институты могут полагаться на процедуры AML/KYC в дополнение к другим процедурам комплексной правовой проверки только в том случае, если

[20] FATF Recommendations (2012). URL: http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%202012.pdf (дата обращения: 09.10.2024).

[21] Процедуры, направленные на выявление подозрительных операций, связанных с отмыванием доходов, полученных преступным путем (AML); а также процедуры, направленные на установление личности клиента (KYC).

процедуры AML/KYC, принятые в юрисдикции, резидентами которой они являются, соответствуют Рекомендациям ФАТФ 2012 г. Таким интересным способом ОЭСР стимулирует юрисдикции к имплементации Рекомендаций ФАТФ 2012 г. в национальное право, поскольку в противном случае юрисдикции рискуют стать непопулярными для финансовых институтов.

В результате траст, являющийся подотчетным финансовым институтом, представляет информацию о счетах и финансовой деятельности[22] за год применительно к каждому подотчетному счету. Информация о счете включает идентифицирующую информацию о каждом подотчетном лице (имя, адрес, резидентство, ИНН, дата рождения и номер счета), а также идентифицирующую информацию о трасте (имя и идентифицирующий номер траста). Есть вероятность, что у траста, являющегося подотчетным финансовым институтом, может не оказаться номера счета по каждому владельцу долей участия. В такой ситуации траст должен использовать уникальный идентификационный номер (unique identifying number), который позволит трасту идентифицировать объект отчетности в будущем.

Если счет закрывается в течение года, то необходимо представление информации о факте закрытия (в дополнение к информации о выплатах, совершенных до закрытия счета). Долг или доли участия в трасте рассматриваются как закрытые финансовые счета лишь тогда, когда долг погашен или выгодоприобретатель перестает быть стороной траста.

Таким образом, алгоритм всего описанного выше сводится к пяти действиям: (1) определить, является ли траст подотчетным финансовым институтом; (2) установить финансовые счета траста; (3) среди финансовых счетов траста выделить подотчетные счета; (4) применить правила комплексной правовой проверки; (5) предоставить требуемую, в соответствии с Общим стандартом отчетности, информацию.

4. Регулирование траста, являющегося пассивным нефинансовым учреждением

Если траст как нефинансовое учреждение владеет счетом, открытым в подотчетном финансовом институте, то на подотчетный финансовый институт может быть возложена обязанность по представлению отчетности о трасте для целей Общего стандарта отчетности. Отметим, что здесь и далее речь идет о трасте как пассивном нефинансовом учреждении.

Приведенный выше алгоритм в данном контексте будет иметь следующий вид: (1) определить, являются ли финансовые институты подотчетными; (2) установить финансовые счета, открытые в данных финансовых институтах; (3) среди финансовых счетов выделить подотчетные счета; (4) применить правила комплексной правовой проверки; (5) предоставить требуемую,

[22] Под термином «финансовая деятельность» понимается остаток по счету, а также валовые поступления в течение года.

в соответствии с Общим стандартом отчетности, информацию[23]. Уникальным для настоящего контекста является действие 3, поэтому рассмотрим его более подробно.

Счет, открытый трастом, являющимся нефинансовым учреждением, рассматривается в качестве подотчетного счета, если: (1) траст — это подотчетное лицо; или (2) траст — это пассивное нефинансовое учреждение с контролирующими лицами, являющимися подотчетными лицами.

Траст считается подотчетным лицом только в том случае, если: (1) в налоговых целях он рассматривается в качестве резидента юрисдикции, предоставляющей отчетность; (2) траст не исключен из определения подотчетного лица. Как отмечается в Практическом руководстве, во многих случаях траст не имеет юрисдикции в налоговых целях. В подобной ситуации траст не является подотчетным лицом.

Примечательно, что в случае, если выгодоприобретатели траста не названы по отдельности, а представлены как класс, Общий стандарт отчетности не требует, чтобы все члены класса рассматривались в качестве подотчетных лиц. Напротив, согласно Комментарию к подпараграфу D(6)–(9) ст. VIII, когда член класса выгодоприобретателей получает выплату из имущества, переданного в траст, или намеревается осуществить свои законные права в отношении данного имущества, это будет рассматриваться как изменение обстоятельств, требующее дополнительной комплексной правовой проверки и отчетности в той степени, в какой это необходимо. Данное положение имеет сходство с требованием, закрепленным в Рекомендациях ФАТФ 2012 г. (Пояснительная записка к Рекомендации 10): «Для бенефициаров трастов, которые названы по характеристикам или по классу, финансовые учреждения должны получить достаточную информацию о бенефициаре, для того чтобы она убедила финансовое учреждение в том, что оно сможет установить личность бенефициара на момент выплаты или когда бенефициар намеревается воспользоваться предоставленными ему правами».

Как выгодоприобретатели, получающие обязательные выплаты, так и выгодоприобретатели, получающие выплаты по усмотрению доверительного управляющего, включены в понятие «контролирующего лица». В отличие от ситуации, в которой речь шла о доле участия в трасте, являющемся подотчетным финансовым институтом, информация о выгодоприобретателях второго типа должна быть представлена вне зависимости от того, получена ли выплата в рассматриваемый год. Это «радикальный подход» ОЭСР, который именуется таковым ввиду своего радикального отличия от подхода, сформулированного в деле UBS.

Так или иначе, согласно Комментарию к подпараграфу D(6)–(9) ст. VIII, при имплементации Об-

[23] Kerzner D.S., Chodikoff D.W. International Tax Evasion in the Global Information Age. USA : Palgrave Macmillan, 2016. P. 305.

щего стандарта отчетности юрисдикция может возложить на подотчетные финансовые институты обязанность предоставлять информацию о выгодоприобретателях второго типа лишь в тот год, в который они получили выплаты из имущества, переданного в траст. Как следствие, выгодоприобретатели, получающие выплаты по усмотрению доверительного управляющего, будут иметь одинаковый правовой статус и в случае с трастом, являющимся подотчетным финансовым институтом, и в случае с трастом, представленным пассивным нефинансовым учреждением.

Если контролирующее лицо траста, являющегося пассивным нефинансовым учреждением, рассматривается в качестве резидента той же юрисдикции, что и подотчетный финансовый институт, то контролирующее лицо не будет рассматриваться в качестве подотчетного лица. Между тем юрисдикции могут выбрать более широкий подход к перечню подотчетных лиц и включить в него своих резидентов.

Естественно, что, если траст как пассивное нефинансовое учреждение владеет финансовым счетом в подотчетном финансовом институте, последний должен применить «сквозной подход» через цепочку собственности и контроля (chain of ownership and control), с тем чтобы установить контролирующих лиц, то есть физических лиц, являющихся подотчетными лицами.

Необходимо отметить, что порог собственности (ownership threshold) для юридических лиц составляет 25%, что соответствует указанию в Пояснительной записке к Рекомендации 10 международных стандартов ФАТФ 2012 г.: «Контролирующая доля участия зависит от структуры собственности компании. Она может базироваться на пороговом значении, например, любое лицо, владеющее свыше определенного процента компании (например, 25%)». В Практическом руководстве данный порог называется «ориентировочным» (indicative), хотя все приведенные примеры свидетельствуют о том, что необходимо применять именно этот порог.

Представленные в Практическом руководстве примеры основаны на том, что есть финансовый институт, в котором открыт финансовый счет для его владельца — OPQ Ltd. Владелец счета, то есть OPQ Ltd, является пассивным нефинансовым учреждением. По сути, все примеры сводятся к применению «сквозного подхода» для определения контролирующих лиц. При этом контролирующими являются только физические лица и только при соблюдении порога собственности в 25%.

По результатам анализа приведенных в Практическом руководстве примеров возникли следующие вопросы: (1) участниками OPQ Ltd являются пять трастов, следовательно, их доли участия составляют 20%; значит ли это, что участники траста перестают быть подотчетными лицами? (2) Участником OPQ Ltd является юридическое лицо, участниками которого, в свою очередь,

являются пять физических лиц (доля участия каждого — 20%); значит ли это, что участники юридического лица перестают быть подотчетными лицами? (3) Возвращаясь к примеру с пятью трастами, спросим, могут ли быть у пяти трастов одинаковые стороны (учредитель, доверительный управляющий и выгодоприобретатели)? Если так, то можно распределить имущество по пяти трастам и осуществлять из них выплаты, минуя требование о предоставлении отчетности. Таким образом, эффективность некоторых правовых норм, составляющих Общий стандарт отчетности, оказывается под сомнением.

Далее в Практическом руководстве отмечается следующее: (1) если анализ структуры собственности вызывает сомнения в том, является ли лицо с контрольной долей участия бенефициарным собственником; или (2) если анализ структуры собственности демонстрирует, что ни одно физическое лицо не осуществляет контроль через долю участия, то анализ должен быть направлен на установление других физических лиц, осуществляющих контроль иными способами. Данное положение отвечает на первые два вопроса, заданные выше, но попрежнему не дает ответа на третий вопрос.

В конечном счете если ни одно из вышеупомянутых средств не приведет к установлению бенефициарных собственников, то в качестве таковых будут признаны старшие менеджеры (senior managing officials).

Заключение

В связи с имплементацией Общего стандарта отчетности будет иметь значение, к какой категории относится траст: к подотчетным финансовым институтам или нефинансовым учреждениям? Если сформулировать этот же вопрос в более практико-ориентированном ключе, то: будет ли траст являться инвестиционным учреждением или пассивным нефинансовым учреждением? От ответа на данный вопрос будет зависеть правовое регулирование.

Так, если траст является инвестиционным учреждением, то он сам предоставляет информацию; более того, доверительный управляющий представляет информацию только тогда, когда имеет место распределение прибыли. Если траст является пассивным нефинансовым учреждением, то информацию предоставляет подотчетный финансовый институт, в котором у траста открыт счет; кроме того, информация предоставляется обо всех выгодоприобретателях вне зависимости от распределения прибыли.

Следует помнить о том, что информация о контролирующих лицах представляется только в случае с трастами, являющимися пассивными нефинансовыми учреждениями. Исключение составляют лишь трасты как инвестиционные учреждения, если они расположены в неучаствующих юрисдикциях: данные трасты приравниваются по своему правовому статусу к пассивным нефинансовым учреждениям.

В завершение стоит отметить, что на настоящий момент в Стандарте и Практическом руководстве есть ряд пробелов, которые необходимо устранить в будущем. Так, например, нет упоминания о трасте, предусматривающем возможность замены бенефициаров, нет понятия «долга» как разновидности финансового счета в контексте инвестиционных учреждений. Также остаются открытыми следующие вопросы: есть ли смысл квалифицировать учредителя безотзывного траста в качестве контролирующего лица? Не приведет ли к снижению эффективности правового регулирования ничем не ограниченная возможность создания нескольких трастов как пассивных нефинансовых учреждений с одинаковыми сторонами (учредителем траста, доверительным управляющим, выгодоприобретателями) и распределения по ним имущества?

Литература

1. Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь. В 2 томах. Т. 2. L–Z / Б.Г. Федоров. Санкт-Петербург : Лимбус Пресс, 2011. 832 с.
2. Федотова И.Г. Юридические понятия и категории в английском языке : толковый словарь / И.Г. Федотова, Г.П. Толстопятенко. Москва : Статут, 2014. 360 с.
3. Garner B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. Standard Ninth Edition. 9th Edition. USA : West, 2009. 1940 p.
4. Kerzner D.S. International Tax Evasion in the Global Information Age / D.S. Kerzner, D.W. Chodikoff. USA : Palgrave Macmillan, 2016. 453 p.
5. McGill R.K. G.A.T.C.A.: A Practical Guide to Global Anti-Tax Evasion Frameworks / R.K. McGill, C.A. Haye, S. Lipo. United Kingdom : Palgrave Macmillan, 2017. 310 p.
6. Oberson X. International Exchange of Information in Tax Matters: Towards Global Transparency / X. Oberson. USA : Edward Elgar Publishing, 2015. 288 p.

References

1. Fedorov B.G. Novy`y anglo-russkiy bankovskiy i investitsionny`y entsiklopedicheskiy slovar. V 2 tomakh. T. 2. L–Z [New English-Russian Banking and Investment Encyclopedic Dictionary. In 2 volumes. Vol. 2. L–Z] / B.G. Fedorov. Sankt-Peterburg : Limbus Press — Saint Petersburg : Limbus Press, 2011. 832 s.
2. Fedotova I.G. Yuridicheskie ponyatiya i kategorii v angliyskom yazy`ke : tolkovy`y slovar [Legal Concepts and Categories in the English Language : explanatory dictionary] / I.G. Fedotova, G.P. Tolstopyatenko. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2014. 360 s.
3. Garner B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. Standard Ninth Edition. 9th Edition. USA : West, 2009. 1940 s.
4. Kerzner D.S. International Tax Evasion in the Global Information Age / D.S. Kerzner, D.W. Chodikoff. USA : Palgrave Macmillan, 2016. 453 s.
5. McGill R.K. G.A.T.C.A.: A Practical Guide to Global Anti-Tax Evasion Frameworks / R.K. McGill, C.A. Haye, S. Lipo. United Kingdom : Palgrave Macmillan, 2017. 310 s.
6. Oberson X. International Exchange of Information in Tax Matters: Towards Global Transparency / X. Oberson. USA : Edward Elgar Publishing, 2015. 288 s.

Law Between East and West

No. 2 / 2025

The Journal is published with the support of the Foundation of Grateful Graduates of the International Law School of MGIMO

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage. Reg. PI No. FC77-84258 of December 5, 2022. Issued since 2024. Published twice a half-year.

Editor in Chief
Gennady P. Tolstopyatenko, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief
Aleksey A. Malinovsky, LL.D., Associate Professor
Natalya I. Platonova, PhD (Law), Associate Professor

Executive Secretary
Dina M. Osina, PhD (Law)

Editorial board:
Adel I. Abdullin, LL.D., Professor
Lana L. Arzumanova, LL.D., Professor
Vladimir M. Baranov, LL.D., Professor, Honored Scientist of the RF
Tatyana A. Vasilyeva, LL.D., Associate Professor
Aleksandr G. Volevodz, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF
Vyacheslav V. Gavrilov, LL.D., Associate Professor
Elena Yu. Gracheva, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF
Maria V. Zakharova, LL.D.
Sergey B. Zinkovsky, PhD (Law), Associate Professor
Igor A. Kravets, LL.D., Professor
Yury E. Monastyrsky, LL.D.
Elena I. Nosyreva, LL.D., Professor
Konstantin V. Obrazhiev, LL.D., Professor
Elena V. Pokachalova, LL.D., Professor
Ekaterina A. Ryzhkova, PhD (Law), Associate Professor
Akmal Kh. Saidov, Academician of the Academy of Sciences of Uzbekistan, LL.D., Professor;
Elina L. Sidorenko, LL.D., Associate Professor
Oleg Yu. Skvortsov, LL.D., Professor
Elena N. Trikoz, PhD (Law), Associate Professor
Aleksandra A. Troitskaya, LL.D., Associate Professor
Pavel V. Troschinsky, PhD (Law)
Mikhail A. Tserkovnikov, PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:
Grib V.V., LL.D., professor, academician of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N, Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Proofreading: Vorobyova N.N.
Layout: Kurukina E.I.

Tel.: (495) 953-91-08.
Authors shall not pay for publication of their articles.

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

Roman Yu. Pochekaev. Law of the Mongol Empire Through the Eyes of European Contemporaries. Part 1. The Laws of Genghis Khan in the notes of European contemporaries 2

Pavel L.Polyanskiy. The Issues of the Foreign Experience Reception in the Soviet Family Legislation of the Initial Period (1917–1926) 11

Olga B. Kuptsova. Transformation of the methodology of comparative legal research in the context of the modern interaction of legal systems 22

LEGAL GEOGRAPHY AND COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Leonid R. Syukiyaynen. The Specifics of Modern Islamic Law 28

COMPARATIVE PROCEDURAL LAW

Viatcheslav V. Gavrilov. The Legislation on the Jurisdiction exercised by the People's Courts of China in respect of Civil and Trade Disputes involving Foreign State 42

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL LAW

Natalya E. Taeva. A Decent Standard of Living in the Age of Digitalization: New Approaches and Challenges 54

Inna A. Rakitskaya. Judicial Review in Finland and its Specifics 66

COMPARATIVE ADMINISTRATIVE LAW

Natalya S. Checheneva. The Specifics of Non-Tariff Regulation Measures in Trade between Russia and the BRICS Countries: Challenges and Opportunities 74

COMPARATIVE FINANCIAL LAW

Stanislav S. Ageev. The Use of Legal Structure of Trust in Connection with the Implementation of the OECD Common Reporting Standard 82

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88 (multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper No. 1. Printer's sheet 12,5.
Conventional printed sheet 12,5.

ISSN 3034-2953
Passed for printing: 28.04.2025.
Issue was published: 22.05.2025.
Circulation 3000 copies.
Free market price.
Printed by National Polygraphic Group ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors or the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Founder: MGIMO University

Law of the Mongol Empire Through the Eyes of European Contemporaries. Part 1. The Laws of Genghis Khan in the notes of European Contemporaries

Roman Yu. Pochekaev, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Doctor of History, PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the analysis of evidence and representations of medieval Europeans about the law and legal realities of the Mongol Empire. The article deals with the overview of the corpus of texts of medieval authors containing information about Mongolian imperial law and identifies the sources of their information. The specifics of medieval authors' reports on the law of the Mongol Empire are analyzed, and it is concluded that the authors were mainly interested in the legal realities of the Mongol Empire. Finally, an attempt is made to verify the information of medieval European authors as a source of the law-making activity of Genghis Khan and, in particular, of the Great Yasa, which modern researchers often position as a comprehensive code of laws of the Mongol Empire.

Keywords: Mongol Empire, imperial legislation, traditional law, travelers' notes, Genghis Khan, Great Yasa.

The Issues of the Foreign Experience Reception in the Soviet Family Legislation of the Initial Period (1917–1926)

Pavel L. Polyanskiy, Professor of the Department of History of State and Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Associate Professor

The article is devoted to the issue of reception in the family legislation of the first decade of Soviet power of certain foreign legal institutions. In particular, the Family Code of the RSFSR of 1918 borrowed the procedure of establishing paternity from the Norwegian law of 1915, and the Family Code of the RSFSR of 1926 borrowed the institution of "common law marriage" widely used since the XIX century in the USA. The question of creative revision of borrowed institutions in the Soviet legislation is considered. The problem of relevance of such historical-legal research in view of modern legislative initiatives is raised.

Keywords: RSFSR, Soviet family law, establishment of paternity, de facto marital relations, Norwegian law of 1915, "common law marriage".

Transformation of the Methodology of Comparative Legal Research in the Context of the Modern Interaction of Legal Systems

Olga B. Kuptsova, Associate Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Law Faculty of the N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, PhD (Law), Associate Professor

The study of the transformation processes of the methodology of comparative legal research in the modern world is one of the most important areas of legal doctrine, which is carried out at various levels of scientific analysis. Various factors of influence determine the need to create a systemic unity of a modified methodological variable community. The principles of scientific cognition, scientific approaches, the researcher's worldview,

methods of cognition, scientific concepts and categories are considered as relevant criteria in the article. Special attention is paid to the research of technical and legal methodology, trends in the development of interdisciplinarity in modern legal doctrine and its impact on the methods of comparative legal research, the development of the terminological base in the context of convergence of legal systems and other factors.

Keywords: comparative law, transformation, legal systems, interdisciplinarity, technical and legal tools.

The Specifics of Modern Islamic Law

Leonid R. Syukiyaynen, Research Professor of the School of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University Higher School of Economics, LL.D., Professor

The article is devoted to the study of the specifics of Islamic law , which is in force at the present time. The development of the legal systems of the Muslim countries has led to formation of the modern Islamic law the main feature of which lies in the specifics of its relations with the state. As a result of codification of Fiqh the role of the main source of Islamic law began to shift from doctrine to the normative legal act. The courts lost their right to itjihad, which was concentrated mainly to the hands of legislature. At the present time it is legislative power which establishes the Sharia provisions which therefore become Islamic law. Its leading feature consists in decisive role of positive legislation and court practice in respect of judicial interpretation of Sharia and Fiqh as well as for determining their place in the legal system. The modern Islamic law is the complex of judicial norms, principles and institutions. Their sources are provisions of Sharia and the conclusions of Fiqh which are recognised and supported by the state mainly in the legislative form as well as implemented in the court practice.

Keywords: Islamic law, Sharia, Fiqh, codification of Fiqh, ijtihad, material source of law, subsidiary source of law, official source of law, legislature, court.

The Legislation on the Jurisdiction exercised by the People's Courts of China in respect of Civil and Trade Disputes involving Foreign State

Viatcheslav V. Gavrilov, Chief Research Scientist of the Legal Research Institute of the Baikal State University, LL.D., Associate Professor

The article analyzes the legal mechanism for determining the legislation on the jurisdiction exercised by the People's Courts of China in respect of civil and trade disputes involving foreign state based on the analysis of the latest version of the Civil Procedure Code of 2023, interpretations of the Supreme Court, as well as the general characteristics of the judicial system of the PRC. Special attention is paid to the issue of trying cases involving Russian persons in the state courts of China in the context of the intensification of Russia-China trade relations. It is concluded that the changes that have occurred in Chinese law in recent years in the field of determining jurisdiction are aimed at increasing the efficiency of civil and trade proceedings with foreign participation, better protection of the legitimate

rights and interests of plaintiffs, as well as ensuring the sovereignty, security and development interests of China.

Keywords: law of China, civil procedure code, Supreme Court interpretations, Chinese judicial system, jurisdiction, disputes involving foreigners.

A Decent Standard of Living in the Age of Digitalization: New Approaches and Challenges

Natalya E. Taeva, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Associated Professor

The article analyzes doctrinal, international and national legislative approaches to the content of the concept of "decent standard of living". Based on this analysis, the author concludes that nowadays the constitutional right to a decent standard of living should be considered broadly enough, including not only the minimum standards of basic human needs (food, housing, clothing) and a number of socio-cultural and spiritual benefits (access to cultural and spiritual values). It is concluded that the development of information technologies complicates the forms and methods of realization of the social function of the state, andalso leads to a new understanding of its substance. As a result, a conceptually new understanding of the category "decent standard of living" and the criteria that characterize it should appear. Such criteria objectively include the benefits associated with the use of new technologies in the information environment. This legal category should be understood taking into account the level of development of modern information technologies, access to which as well as information security of a person should be included in the content of this category.

Keywords: decent standard of living, decent life, constitution, social state, right, right to life, digitalization, information technology.

Judicial Review in Finland and its Specifics

Inna A. Rakitskaya, Associate Professor of the Department of the Constitutional Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the specifics of the institution of judicial review in Finland. The author considers a quite specific model of judicial review (a hybrid one), which combines elements of both political and judicial models of judicial review in this Nordic country. Special attention is paid to the analysis of the activities of the Constitutional Commission of the Finnish Parliament (Eduskunta), which is entitled to exercise ex-ante advisory judicial review in relation to bills discussed in the chamber; its special status is emphasized, which differs significantly from the status and order of organization of other commissions in Eduskunta. The article is based on the analysis of current Finnish legislation and parliamentary practice.

Keywords: judicial review in Finland, judicial constitutional review, ex-ante judicial review, subsequent judicial review, political model of judicial review, the parliament of Finland, Constitutional Commission of Eduskunta.

Specifics of Non-Tariff Regulation Measures in Trade between Russia and BRICS Countries: Challenges and Opportunities

Natalya S. Checheneva, Associate Professor of the Administrative and Financial Law of the Saint-Petersburg State University, PhD (Law)

The article discusses non-tariff regulation measures as a legal tool for strengthening trade relations and cooperation within the BRICS. The creation of harmonized requirements for manufactured products will be a legal incentive for the development of joint industrial and investment projects, increase regional connectivity through clear procedures for checking the conformity of goods.

Keywords: BRICS, non-tariff regulation measures, integration, quotas, licenses and technical barriers, simplification of procedures.

The Use of Legal Structure of Trust in Connection with the Implementation of the OECD Common Reporting Standard

Stanislav S. Ageev, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD (Law)

In this article the issue of place and role of the legal structure of trust in connection with the implementation of the OECD Common Reporting Standard in national law of participating jurisdictions is studied. The participating jurisdictions are represented by Eastern and Western countries. It is figured out that this international standard covers only those trusts that are reporting financial institutions and non-financial entities that have reportable accounts. It is pointed out that among them passive non-financial entities pose the highest risk of tax evasion. The analysis starts with theoretical considerations about trusts and then there is a transfer to their legal regulation in the context of the OECD Common Reporting Standard. Further the criteria of qualification of trusts as reporting financial institutions and non-financial entities are presented. In the article the algorithms of reporting for trusts that are reporting financial institutions and non-financial entities are mentioned and the differences between them are shown. In the end, there is a conclusion about the loopholes both in the OECD Common Reporting Standard and in the Implementation Handbook related to it. A couple of questions are raised as well. The answers to these questions will have an influence on the effectiveness of legal regulation of trusts in the context of automatic exchange of financial account information.

Keywords: automatic exchange of information, financial accounts, Common Reporting Standard, reporting financial institutions, non-financial entities, trusts, FATF Recommendations.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ
тел. (495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru